

63.3(6)к.
3-62

С. ЗИМАНОВ, А. АТИШЕВ

27411

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ВЗГЛЯДЫ
ЧОКАНА
ВАЛИХАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЭ»

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

91 кэз

3-62

С. З. ЗИМАНОВ, А. А. АТИШЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

7411 8
1971
жк ОУ

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА · 1965

Исследование посвящено различным аспектам политических взглядов Чокана Валиханова и его связям с революционными и демократическими кружками петербургской молодежи, «сибирскими патриотами», его отношению к крестьянскому вопросу в 50—60-е годы XIX века, к государственной политике царизма на окраинах России. Рассматриваются и другие вопросы, характеризующие общественно-политическое мышление великого казахского ученого, его деятельность.

Книга подводит итог широким поисковым и исследовательским работам, проводившимся на протяжении ряда лет в Институте философии и права Академии наук Казахской ССР. Она рассчитана на широкий круг читателей.

Чокан Валиханов был талантливым ученым, мыслителем и видным общественно-политическим деятелем середины XIX века. Его широкие познания и труды в области востоковедения, географии и этнографии, трезвые и смелые суждения по проблемам социологии и политики, природный дар мыслить ясно и глубоко, страстность в защите своих убеждений — все это вызывало восхищение его друзей и современников.

Академик Н. Веселовский, приложивший много труда для издания сочинений Ч. Валиханова, писал в 1904 году, что «русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление»¹. Другой выдающийся русский ученый Г. Н. Потанин, близко знавший Ч. Валиханова, указывал, что если казахи умели бы читать и понимать его и были в состоянии оценить его дарования, то «он мог бы стать гением своего народа»².

Чокан Валиханов прожил всего лишь 30 лет. У него рано появился интерес к науке и политике. Уже в 14—15 лет ему довелось общаться с людьми, сочувствующими декабристам и революционерам-петрашевцам, с людьми, читающими Беллинского и Герцена. В эти годы в нем уже стали проявляться задатки незаурядного человека. Он прожил мало, но успел сделать сравнительно много, хотя протянись его жизнь хотя бы еще лет десять, он мог бы сделать гораздо больше, в несколько раз больше. Многие он не договорил, многие его мысли не

¹ Ч. Ч. Валиханов. Сочинения. Спб., 1904, стр. 1.

² Там же, стр. XXXIV.

были запечатлены на бумаге, но то, что сделано им в этой части, достаточно весомо и нередко оригинально. Как отмечали его друзья-современники, «служить будущему своего народа было его мечтой»³. По их свидетельству, он страстно «интересовался судьбой больше людей будущего»⁴.

Чокан Валиханов был своего рода феноменальным явлением в истории дореволюционного Казахстана. Никто из казахских деятелей эпохи царизма не достиг той вершины познания, эрудиции, эмоционального и общественно-политического развития, на которую поднялся Чокан Валиханов. Это объясняется не только его талантом и индивидуальными особенностями. В мрачные годы реакции, в обстановке сложного переплетения политических событий он сумел выбрать наиболее правильный путь — учиться у русских, у передовых людей и революционеров, жить и бороться за свои идеалы под общим знаменем освободительного движения в России. Если он быстро развивался духовно и рано наступила его идейная зрелость, то это в первую очередь результат воздействия той среды, которую он сам выбрал для себя как идеал.

Чокан Валиханов был не только ученым и одним из образованных людей своего времени. Он был также общественно-политическим деятелем, убежденно выражавшим интересы и мечты народных масс. Именно эта сторона жизни и деятельности Ч. Валиханова является предметом нашего исследования.

В 30—60-х годах XIX века, в годы активного разложения феодально-крепостнической системы, обострения классовых противоречий и подъема революционного движения крестьянских масс, получают серьезное развитие общественные теории. В отличие от более ранних в них уделялось много внимания проблеме власти и государственного устройства. Это было не случайно — наступал период, когда народные и революционные движения все больше охватывали область политики.

Передовые общественные теории, развивавшиеся в борьбе с консервативными и реакционными идейными течениями, отличались в свою очередь многообразием

---

³ Там же, стр. XXXI.

⁴ Там же, стр. XXXIV.

оттенков. Среди них были теории, рожденные в размышлениях и страстях борьбы, в результате глубокого понимания явлений и в момент преходящего гнева, умеренные и смелые, реформистские и революционные. Чокан Валиханов находился в гуще наиболее радикального идейного движения.

В одну и ту же эпоху, в один и тот же период мог существовать разный подход к явлениям, разные суждения о власти и среди плеяды революционеров. Революционерами люди не рождаются, ими становятся. В ряды революционеров вставляли люди с неодинаковым образом мышления, с разным уровнем подготовки и закалки. В политической борьбе не бывает и готовых формул. Они создаются большей частью опытным путем в процессе обмена мнениями, дискуссий и споров, в основе которых лежит честное стремление найти лучшие формы революционной борьбы, соответствующие конкретным историческим условиям. Это обязывает исследователя не нивелировать эти мнения, не стремиться подогнать их под какую-то единую схему, а показывать их порой противоречивую сущность и эволюцию.

Исследование в этом плане политических взглядов Чокана Валиханова представляет большой интерес.

1

О Чокане Валиханове написано уже немало. Но интерес к его наследию не ослабевает. Это и понятно, ибо для более или менее полной характеристики такой многосторонней личности, как он, требуется не одно исследование и не один год. Тем более, что поиски, которые, в сущности, еще только налаживаются, дают все новые и новые материалы и данные, восполняющие некоторые пробелы в нашем знании о нем. Постепенно комментирование его произведений уступает место исследованиям, от обзорных набросков исследователя переходят к серьезным обобщениям.

Политические воззрения Чокана Валиханова остаются пока еще не исследованными. Такое положение объясняется: а) сложностью проблемы, б) укоренившимся мнением, что Чокан Валиханов был ученым и меньше всего — политиком, в) ошибочным представлением, будто его политические концепции противоречивы и неясны,

следовательно, менее ценны, а его труды и источники о нем не содержат достаточного материала для их уяснения и раскрытия, и, наконец, тем, что г) просто не было серьезной попытки заниматься исследованием политических взглядов Чокана Валиханова.

Исследователи достаточно плодотворно потрудились над составлением его биографии, уточнением списков научных трудов и изданием полного академического собрания сочинений, писем, личных дневников, а также воспоминаний о нем современников. Появились отдельные исследования об его социологических, экономических и исторических взглядах, о мировоззрении в целом. В этих работах кроме ценных документов и сведений, проливающих свет на отдельные стороны и аспекты политической ориентации и платформы Чокана Валиханова, нередко содержатся представляющие интерес авторские идеи и гипотезы. Мы в своем исследовании отдаем должное тому, что было сделано до нас, опираемся на достигнутое в изучении наследия Ч. Валиханова.

Х. Айдарова была первым советским исследователем, более или менее подробно познакомившим широкую общественность с наследием и взглядами Чокана Валиханова. Ее монография вышла в свет в 1945 году, а несколько позже — подготовленные ею избранные статьи и письма Ч. Валиханова. В целом эти исследовательские работы принесли определенную пользу и были признаны положительными. Вместе с тем в них немало неясных, порою ошибочных положений, недомолвок и противоречий. Укажем лишь на некоторые из них. Так, Х. Айдарова оставалась верной идее о том, что Ч. Валиханов желал коренного преобразования Казахстана только в области культуры, причем «осуществление этой задачи он возлагал на царское правительство» и представлял его себе «в виде реформ»⁶. Вопреки очевидным фактам она утверждала: «Не зная законов развития человеческого общества, Валиханов не сумел понять, что в условиях царизма присоединение Казахстана к России неизбежно сопровождалось национальным и колониальным гнетом»⁶. Или без какой-либо аргументации Х. Айдарова

⁶ Х. Айдарова. Введение к кн.: Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 6.

⁶ Ее же. Чокан Чингисович Валиханов. «Большевик Казахстана», 1952, № 4, стр. 39.

переходила к другой крайности: Ч. Валиханов объявлялся ею стоящим «на уровне научного материализма русской классической философии XIX столетия»⁷.

Эти и другие недостатки трудно ставить в вину Х. Айдаровой. Она, по сути дела, была пионером в исследовании наследия Ч. Валиханова. Для нас важно то, что она высказала, хотя порою и противоречивые, но в целом интересные догадки по поводу отдельных сторон политических воззрений Ч. Валиханова. Так, говоря о его «реформизме», она сочла необходимым заметить, что в «методах осуществления политических задач мы не имеем основания считать его только реформистом»⁸. Правда, она не давала ни объяснения, ни толкования этой мысли. Указывалось только, что в Петербурге Ч. Валиханов сблизился «с русской культурой и передовыми идеями Герцена, Чернышевского, Добролюбова»⁹. Но в одной из последних статей Х. Айдарова уже более определенно писала, что «петербургская жизнь оказала большое влияние и на политическое развитие Валиханова. Еще раньше усвоив демократические взгляды, он теперь укреплял свою веру в идеи свободы и счастья народа»¹⁰. «Следуя за русскими демократами 60-х годов прошлого столетия, Валиханов боролся против реакционного царского самодержавия, против социального и национального угнетения казахского народа, за экономическое и культурное сотрудничество его с великим русским народом»¹¹.

К. Бейсембиев, предпринявший спустя почти десять лет после Х. Айдаровой попытку монографического исследования философских, социологических и общественно-политических взглядов Ч. Валиханова, вероятно из-за стремления охватить слишком большой круг проблем в одной работе, не мог дать полного обобщения ни по одному из существенных вопросов. Автор придерживался той точки зрения, что Ч. Валиханов не был зрелым в политике. По мнению К. Бейсембиева, он «не понял

---

⁷ Х. Айдарова. Введение..., стр. 6.

⁸ Там же.

⁹ Х. Айдарова. Чокан Чингисович Валиханов. «Вестник Казахского филиала АН СССР», 1945, № 4, стр. 14.

¹⁰ «Большевик Казахстана», 1952, № 4, стр. 33.

¹¹ Там же, стр. 28.

классовой сущности системы «выборов» местных органов власти, установленной царским правительством в Казахстане...», не понимал «классовой природы общественно-политического строя и соответствующей ему административно-выборной системе, ... не уяснил себе, что корыстолюбие, эгоизм отдельных чиновников являются частными, единичными проявлениями корыстолюбия, эгоизма всего господствующего класса эксплуататоров»¹². Ч. Валиханов и после возвращения из столицы якобы продолжал полагать, что в Петербурге «сидят порядочные люди, которые не допустят таких злоупотреблений, беззаконий, какие совершаются на местах далеко от столицы»¹³.

Односторонняя и неправильная трактовка политических убеждений Ч. Валиханова доходила иногда до курьезов. Так, Ч. Валиханову приписывалось непонимание прогрессивного значения судебной реформы в Казахстане, проведенной царским правительством к середине XIX века, тогда как на самом деле она и не играла такой роли. «Невежество» Ч. Валиханова простиралось до того, что он якобы не разобрался и смешивал «татарских мулл с татарским народом, с татарами вообще». Оказывается, Ч. Валиханов рассуждал «не только как ученый, исследователь, но и как официальный представитель властей»¹⁴.

Подобных «открытий», не обоснованных материалами исследования, в работе К. Бейсембиева встречается довольно много. Если верить всему этому, то Чокан Валиханов выглядит несколько не лучше, чем обычный буржуазный либерал или ограниченный реформист, в лучшем случае мечтающий о совершенствовании общества путем устранения отдельных его пороков. Один из советских авторов так и писал, что Ч. Валиханов относится к лагерю демократов-либералов, стоявших на стороне реформ¹⁵. Более или менее пристальное изучение трудов Чокана Валиханова в плане и на фоне той эпохи, в которой он жил, убеждает, что эти утверждения представляют собой досадные ошибки.

---

¹² К. Бейсембиев. Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века. Алма-Ата, 1937, стр. 96—98.

¹³ Там же, стр. 99.

¹⁴ Там же, стр. 111, 59, 61.

¹⁵ «Социалистик Казахстан», 1940, 19 ноября.

Однако К. Бейсембиев непоследователен. Часто, противореча самому себе, он характеризует Ч. Валиханова прогрессивным деятелем и глубоким мыслителем с горячим желанием «служить своему народу»¹⁶.

Среди научной литературы о Чокане Валиханове наиболее ценными представляются исследования академика А. Х. Маргулана. Его труды имеют двойное значение: научное и источниковедческое. В настоящее время под его руководством издается полное собрание сочинений Ч. Валиханова в пяти томах, три из которых уже опубликованы. Кроме того, ему принадлежит заслуга создания наиболее полной семейной и творческой биографии Ч. Валиханова.

А. Х. Маргулан по многим вопросам не разделяет мнения К. Бейсембиева. Правда, он прямо об этом не говорит, но своим последовательным и аргументированным изложением материала отчетливо дает понять, что Чокан Валиханов был влиятельным сформировавшимся крупным общественно-политическим деятелем своего времени. А. Х. Маргулан убедительно сумел показать, что «уже в кадетском корпусе у Ч. Валиханова зарождаются идеи просветительства и созревают демократические взгляды», и признавал, как и другие исследователи, влияние на него русской революционной демократии. У Ч. Валиханова, писал он, «были сильны элементы критики существующего строя, заметно стремление добиться существенных изменений в социально-политическом устройстве казахского общества»¹⁷. В одной из статей А. Х. Маргулан указывал на связи Ч. Валиханова с делом Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и других, обвиненных в 1865 году царской охранкой в антиправительственной деятельности. Однако автор ошибочно именует их «сепаратистами»¹⁸.

Работам А. Х. Маргулана присущи документальность, тщательный анализ фактов, сдержанность в описании, последовательность в обобщениях. Именно этих качеств не хватало многим работам, изданным до него.

¹⁶ К. Бейсембиев. Указ. работа, стр. 76, 86.

¹⁷ А. Х. Маргулан. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова. В кн.: Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в 5 томах, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 40, 97.

¹⁸ А. Х. Маргулан. Новые письма Чокана Валиханова. «Простор», 1960, № 9, стр. 139.

Ряд научных статей и брошюру о Чокане Валиханове опубликовал О. Сегизбаев. Интересна его оговорка относительно деятельности Чокана Валиханова по распространению просвещения в казахском обществе и приобщению его к цивилизации. По мнению автора, Ч. Валиханов постигал незрелость казахского общества, его неподготовленность к политическим переменам, и, сообразуясь с этим, сделал центром своей практической работы просветительство. О. Сегизбаев писал: «Валиханов по характеру своих политических воззрений был демократом-просветителем, который, в общем справедливо признавая преждевременность борьбы за политическое господство казахских эксплуатируемых слоев в тот исторический период, выступил с требованием их просвещения»¹⁹. Эта мысль, в частности, о признании Ч. Валихановым преждевременности борьбы за политическое господство казахских шаруа, была высказана впервые в литературе. Однако она не была раскрыта и развита самим автором и осталась не замеченной другими исследователями.

О. Сегизбаев придерживается той позиции, что социологические взгляды Ч. Валиханова являются «сугубо просветительскими по своему характеру»²⁰. Это не мешало ему, однако, в другой работе характеризовать Ч. Валиханова «как борца за исторический прогресс общества, как страстного борца за счастье угнетенных и обездоленных масс»²¹. В противовес утверждениям многих других исследователей О. Сегизбаев выдвинул свою точку зрения по поводу отношения Ч. Валиханова к царскому правительству и его порядкам. По мнению автора, в период пребывания в Петербурге Ч. Валиханов «убедился в том, что самодержавие является злейшим врагом всякого прогресса, и вера в царя была утрачена им совершенно»²².

---

¹⁹ О. Сегизбаев. Ч. Ч. Валиханов — выдающийся казахский просветитель и демократ. «Вестник АН КазССР», 1957, № 3, стр. 36.

²⁰ Его же. Социологические взгляды Ч. Ч. Валиханова. «Вопросы философии», 1959, № 3, стр. 128.

²¹ Его же. Из истории идейной борьбы вокруг творческого наследия Чокана Валиханова. «Ученые записки Казахского университета», т. XI, вып. 2, Алма-Ата, 1959, стр. 140.

²² Его же. Мироззрение Чокана Валиханова. Алма-Ата, 1959, стр. 14.

Следует отметить, что в работах О. Сегизбаева немало противоречивых моментов, иногда исключающих друг друга. Вопреки тому, что было уже сказано о Чокане Валиханове, ему приписывается непонимание сущности подготавливаемой правительством судебной реформы в Казахстане. По словам автора, он склонен был считать, что «ошибки и недостатки в подготовке реформы объясняются невнимательностью и неверными суждениями представителей русского правительства», что «несправедливости в стени происходят по воле лишь отдельных бездарных представителей администрации»²³ и т. д.

Видный исследователь истории дореволюционного Казахстана проф. Е. Бекмаханов в своей обширной монографии «Присоединение Казахстана к России» уделил много внимания развитию Чокана Валиханова как ученого и общественного деятеля. Он указывал, что пребывание его в Петербурге и непосредственное общение с передовыми представителями русской прогрессивной общественной мысли «расширило его идейный кругозор, обогатило научные знания, укрепило общественно-политические взгляды»²⁴. Историческую заслугу Чокана Валиханова автор видел в его умении различать Россию царскую от России народной. Пожалуй, Е. Бекмаханов был первым среди исследователей, небезуспешно пытавшимся раскрыть содержание идей самоуправления, которых придерживался Чокан Валиханов. «Другой чертой, роднящей Валиханова с русскими революционерами-демократами, — писал он, — являлась горячая защита им интересов казахских шаруа»²⁵. Вместе с тем Е. Бекмаханов видел ограниченность Ч. Валиханова, заключающуюся в его иллюзиях о просвещенных султанах, в идеализации суда биев, в непонимании задач крестьянской революции и т. д.

В освещении некоторых сторон политических взглядов и деятельности Чокана Валиханова представляет интерес и работа М. Илюсизова²⁶. Его заслугой является то, что он предпочел конкретно-исторический подход ме-

²³ Там же, стр. 23, 21.

²⁴ Е. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, стр. 222.

²⁵ Там же, стр. 224.

²⁶ М. Илюсизов. Экономические воззрения Чокана Валиханова. М., 1960.

тому обозрения и критики событий середины XIX века с высоты пьедестала современности. Анализируя «Записку о судебной реформе», вызвавшую различные толки и оценки среди советских исследователей, М. Илюсизов пришел к выводу, что главными для Чокана Валиханова были экономические реформы, которые должны «решать самые насущные потребности народных масс». А политические реформы были лишь средством «проведения более глубоких экономических преобразований». По его мнению, Ч. Валиханов «был против формального подхода к реформам». Трезвым является суждение автора о том, что «последовательно отстаивая интересы трудового народа и основывая свои доводы на глубоком и всестороннем знании быта и запросов своего народа, Ч. Валиханов сделал правильный для своего времени вывод о сохранении суда биев до определенного периода в его прежней, простой и понятной для народа основе». Отвечая другим исследователям, придерживающимся противоположной точки зрения в этом вопросе, автор добавил, что «Ч. Валиханов доказывал преимущества суда биев не вообще, как самой совершенной формы судопроизводства, а только по сравнению с той предлагаемой судебной системой, которая была копией царского суда, действовавшего в России, но для казахского народа в таком виде неприемлемого»²⁷.

Как было отмечено, в наследии Чокана Валиханова исследователей в первую очередь интересовали такие вопросы, как его отношение к культуре, к просвещению народа, к религии и общественному развитию вообще. Определенное внимание уделялось и характеристике его мировоззрения, экономических и этнографических взглядов. В процессе рассмотрения этих вопросов так или иначе освещались суждения Чокана Валиханова о колониальной администрации и местном управлении, о судебной реформе и суде биев. В силу такого положения, когда вопросы политики отступали в исследованиях на второй план, политические убеждения Чокана Валиханова не могли получить глубокой разработки. В результате в ряде случаев наблюдается противоречивость мнений по особенно запутанным и сложным проблемам, недостатки и ошибки в этой части.

---

²⁷ Там же, стр. 46, 48, 50—51.

Все авторы признавали и признают в той или иной мере влияние на убеждения Чокана Валиханова идей и программных взглядов Белинского, Герцена и Чернышевского. Однако в характеристике того, в какой степени воспринял он эти идеи, в чем он сходиллся с русской революционной демократией и в чем расходился с нею, на какой стадии идейного развития остановился Чокан Валиханов, продолжают иметь место значительные пробелы, связанные со слабой изученностью этих весьма интересных вопросов.

Относительно того, в какой степени взгляды Ч. Валиханова отразили идеи русских революционных демократов, существуют различные мнения, которые можно было бы разделить на три группы.

Одна группа ученых полагает, что Ч. Валиханов, в общем и целом деятель с демократическими стремлениями, в подходе к основным вопросам общественно-политического развития и в оценке ведущих явлений жизни не поднялся до уровня деятелей русского освободительного движения 60-х годов XIX века. Такого взгляда придерживается проф. К. Бейсембиев. Он считает, что «при всей противоречивости общественно-политические взгляды Ч. Валиханова характеризуются своей демократической направленностью и прогрессивными стремлениями», но в целом Ч. Валиханов «стоит позади русских революционных демократов в объяснении явлений общественной жизни»²⁸.

Аналогичное представление характерно и для работ О. Сегизбаева. Социологические взгляды Чокана Валиханова, по его мнению, были «сугубо просветительскими», просвещение считалось им «главным двигателем общественного прогресса»²⁹. Разумеется, такое «просветительство» было отлично от «просветительства» деятелей освободительного движения 60-х годов, о которых говорил В. И. Ленин. Вполне логичен вывод автора о том, что Ч. Валиханов по своим политическим убеждениям остался «демократом-просветителем, не сумевшим

---

²⁸ К. Бейсембиев. Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века, стр. 119, 74.

²⁹ О. Сегизбаев. Социологические взгляды Ч. Ч. Валиханова, стр. 129.

в силу отсталости Казахстана подняться на позиции революционного демократизма»³⁰.

Вторая группа ученых видит в Ч. Валиханове более зрелого общественно-политического деятеля, близко стоявшего к лагерю русской революционной демократии, но все же не достигшего по взглядам на основные социально-политические проблемы уровня этой группы. Такую позицию занимает, например, А. Х. Маргулан. Он убежденно пишет, что «Ч. Валиханов по своим социально-политическим взглядам примыкал к прогрессивному, демократическому лагерю России, выступавшему против самодержавно-крепостнического строя, против колониаторской политики царского правительства». Он был «просветителем-демократом, большим патриотом своего народа и России, гуманистом в самом лучшем понимании этого слова». Такая оценка, однако, не мешала автору сделать не вполне логический вывод, будто Ч. Валиханов «не сумел, естественно, подняться до уровня революционных демократов России 60-х годов»³¹.

Е. Бекмаханов, в свою очередь, указывал на ряд общих черт, роднящих Ч. Валиханова с русской революционной демократией, в частности на то, что просветительская деятельность Ч. Валиханова была созвучна революционному просветительству 60-х годов. Эта общность проявилась и в горячей защите интересов казахских крестьян-шаруа. В то же время, по мнению исследователя, «восприняв многие традиции русских просветителей 60-х годов, Валиханов вследствие социально-экономической отсталости Казахстана не смог воспринять всю программу революционно-демократического движения, не смог понять задачи крестьянской революции»³².

К числу сторонников этой группы ученых следует отнести и М. Илюсизова. В его описании Ч. Валиханов предстает просветителем-демократом, выступавшим против крепостного права и всех его порождений в различных областях жизни, в том числе в экономической и социальной, деятелем, защищавшим просвещение, само-

³⁰ Его же. Мироззрение Чокана Валиханова, стр. 26.

³¹ А. Х. Маргулан. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова. В кн.: Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, стр. 97, 103.

³² Е. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России, стр. 223, 224, 227.

управление и свободу народных масс. По мнению автора, Ч. Валиханов не был революционером-демократом типа Герцена и Чернышевского, но был революционером-интеллигентом типа Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина³³. Как видно из этого, М. Илюсизов, так же как и Е. Бекмаханов, дает более смелую характеристику общественно-политическим воззрениям Чокана Валиханова.

Третья группа ученых, которых, однако, немного, считает, что Ч. Валиханов в своем идейно-политическом развитии поднялся до уровня деятелей русского освободительного движения 50—60-х годов, входил в лагерь сторонников идей русской революционной демократии, воспитывался и формировался под ее непосредственным влиянием, и что его понимание и подход к основным общественно-политическим проблемам той эпохи были ближе всего к позициям революционных демократов.

Один из знатоков биографии и наследия Чокана Валиханова известный казахский писатель С. Муканов в 1945 году выступил с журнальной статьей. Разбирая в ней некоторые стороны общественно-политических взглядов Ч. Валиханова по его произведениям и находя, что он защищал интересы трудящихся масс, всецело был на их стороне, автор назвал его «настоящим демократом-социалистом»³⁴. О. Сегизбаев, который считал неправильной такую оценку, в виде довода сослался на то, что «социалисты связывали свой демократизм с программой ликвидации частной собственности, что не было присуще Валиханову»³⁵. Пасколько нам известно, С. Муканов не выступал больше с отстаиванием своей позиции.

Х. Айдарова придерживалась того взгляда, что «передовые демократические идеи Беллинского, а затем идеи Чернышевского, влияние начавшегося общественного подъема, воздействие петрашевца Дурова сделали Валиханова сторонником демократических передовых взглядов»³⁶. Эта мысль была несколько конкретизирована в одной из ее последующих статей: «Следуя за рус-

---

³³ М. Илюсизов. Экономические воззрения Чокана Валиханова, стр. 40.

³⁴ «Коммунист» (Алма-Ата), 1945, № 4 (на казахском языке).

³⁵ «Вестник АН КазССР», 1957, № 3, стр. 34.

³⁶ Х. Айдарова. Первый казахский просветитель Чокан Валиханов.—«Большевик Казахстана», 1943, № 6, стр. 42.

чал важность некоторых мыслей С. Я. Булатова и необходимость продолжения работы в этом направлении.

Е. Бекмаханов⁴³ и Х. Адильгиреев⁴⁴ выразили свое несогласие с положениями С. Я. Булатова без разбора аргументов последнего.

В 1960 году Л. В. Дюков⁴⁵ вновь поставил вопрос о признании Ч. Валиханова последователем русских революционных демократов. Он назвал мысли С. Я. Булатова «оригинальными соображениями», а критику его противников — несаргументированной. На исторических примерах Л. В. Дюков довольно убедительно показал, что формула об «аналогии высшего развития с низшим», на которую любил ссылаться Ч. Валиханов при изложении вопросов народного быта в казахском обществе, заимствована им из трудов руководителей русской революционной демократии. Причем эта идея, в свою очередь, была органически связана с идеей утопического крестьянского социализма, которая была хорошо знакома Ч. Валиханову и которую он мог заимствовать «только у русских социалистов-петрашевцев и революционных демократов». Следуя идеям и методам революционных демократов, в частности Н. Г. Чернышевского, Ч. Валиханов не копировал их механически, а «творчески применял их к сложным условиям отсталого колониального Казахстана, поднимал новые вопросы, давая оригинальное, смелое истолкование и решение их»⁴⁶.

В настоящее время господствующей является точка зрения второй группы ученых, которые считают Чокана Валиханова крупным прогрессивным общественно-политическим деятелем и в основном признают близость его взглядов к взглядам русской революционной демократии, хотя прямо и не относят его к ее лагерю или в число ее последователей. Два фактора обусловили успех этой концепции: а) ее сторонники осуществили более глубокое

---

⁴³ Е. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России, стр. 223—224.

⁴⁴ Х. Адильгиреев. Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1958, стр. 18.

⁴⁵ Л. В. Дюков. Ч. Ч. Валиханов как последователь Н. Г. Чернышевского. «Ученые записки КазГУ», т. 29, вып. 6. Алма-Ата, 1960, стр. 67.

⁴⁶ Там же, стр. 72, 77.

исследование, тщательный анализ наследия Чокана Валиханова, использовали новые материалы и данные о нем; б) они добились большего успеха в применении конкретно-исторического подхода к определению деятельности и взглядов Чокана Валиханова. Немалую роль сыграло и то, что среди сторонников этой концепции находятся такие видные знатоки истории дореволюционного Казахстана вообще, общественной мысли в частности, как академик А. Х. Маргулан и профессор Е. Бекмаханов.

Вместе с тем следует отметить, что в работах этих ученых больше затрагивались вопросы жизни, деятельности и творческой биографии Чокана Валиханова, а его общественно-политические взгляды рассматривались разрозненно, мимоходом. Поэтому-то и их высказывания и выводы о социологических и политических воззрениях Чокана Валиханова носят, как правило, общий характер.

Что касается той группы ученых, которые относят Чокана Валиханова к лагерю русских революционеров и социалистов-утопистов 50 - 60-х годов XIX века, то они, оставаясь верными своей концепции, все-таки не могли привести достаточно убедительных доказательств в ее защиту. Они не дали более или менее развернутого исследования, ограничившись отдельными статьями, концентрируя свое внимание лишь на частных, хотя и важных вопросах проблемы. Например, их больше интересовало, как Ч. Валиханов смотрел на остатки древней демократии в казахском обществе. Выводы этих ученых в большей степени были интуитивными, недостаточно обоснованными материалами исследований. В результате на сегодня мало кто разделяет высказанные ими взгляды.

Между тем догадки и гипотезы этих ученых не лишены основания. Как показывает наше исследование, Ч. Валиханов по своим политическим убеждениям и деятельности был последователем освободительной мысли в России 60-х годов и находился в лагере русской революционной демократии.

Таковы некоторые итоги изучения наследия Чокана Валиханова. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на известное оживление исследований и некоторые достижения в этой области, ряд важных аспектов мировоззре-

ния Ч. Валиханова остается недостаточно разработанным. Это относится в первую очередь к его политическим взглядам.

II

В общественной мысли России 50—60-х годов XIX века, в период назревания революционной ситуации, проблемы политики приобрели особую актуальность и остроту. Деятелей этого периода следует оценивать не столько по тому, как они относились к распространению просвещения среди населения, развитию его культуры, как они протестовали против отдельного чиновничьего окрика представителей власти или как правильно они понимали историю прогресса и общественное развитие вообще. Эти вопросы, разумеется, важны. Однако не они служат главным критерием в характеристике деятелей общественной мысли и движения того периода. В центре идейной борьбы, получившей относительно широкий размах и охватившей многие просвещенные слои общества, стояли вопросы о крепостном праве и крестьянском землевладении, о крестьянской общине и социализме, о восстании и самоуправлении областей, о деспотизме самодержавия и о свободном Земском соборе. К сожалению, исследователи наследия Чокана Валиханова обходили эти вопросы. Между тем без рассмотрения отношения Ч. Валиханова к этим проблемам трудно, более того — невозможно дать сколько-нибудь полную характеристику его общественно-политическим воззрениям, решить вопрос об отнесении его к тому или другому лагерю деятелей.

Могут сказать, что взгляды Ч. Валиханова по этим вопросам не были изолированными и что, изучая его отношение к другим явлениям общественной жизни, можно составить представление о его политических убеждениях. Однако на этом пути исследователя подстерегают большие трудности и он не гарантирован от заблуждений и ошибок. Только непосредственное и аналитическое изучение всех основных аспектов и компонентов, из которых складываются политические убеждения, с последующим их синтезом и рассмотрением в связи с другими сторонами идейного развития, может полно и содержательно раскрыть природу взглядов деятеля.

Другим, как нам кажется, существенным недостатком научной литературы о Чокане Валиханове является то, что он рассматривается как сугубо казахский деятель, представитель местной общественной мысли. Учеба в кадетском корпусе, знакомство со ссыльными революционерами в Омске и уроки, полученные от них, а также пребывание в Петербурге, оказывается, определили его развитие и возвышение как казахского прогрессивного деятеля. Такой односторонний подход привел к тому, что почти во всех исследованиях сквозит одна и та же мысль: он никем другим не мог быть, кроме как просветителем-демократом в самом общем смысле, поскольку казахское общество было отсталым и не создавало условий для более радикальных мыслей. Об этом говорит хотя бы тот факт, что С. Я. Булатову, усматривавшему социалистические и революционные идеи во взглядах Чокана Валиханова, К. Бейсембиев задал вопрос, по его мнению, опровергающий контрвопрос: разве в Казахстане в то время возможна была революция?

В действительности Ч. Валиханов был не только и даже не столько представителем казахской общественной мысли. Он был связан не меньше, а, пожалуй, и больше, с Россией и ее деятелями. Он думал о России и о положении русского народа так же глубоко и постоянно, как и о заботах своего народа. Свой талант, энергию и кипучую деятельность он посвятил интересам России, не забывая в то же время об интересах казахского общества и казахских шаруа. Чокан Валиханов питал подлинную сыновнюю любовь к демократической России, и его, сына казахских степей, не случайно считали патриотом земли русской. Надо принять во внимание даже такой факт: он жил и находился среди русских не меньше, а больше, чем среди своих соотечественников. Отсюда совершенно естественный вывод: Чокан Валиханов должен быть рассмотрен с двух точек зрения — как представитель общественной мысли России и как представитель общественной мысли Казахстана. Было бы неправильно, практически и методологически, рассматривать его только как представителя казахской общественной мысли.

Сам Ч. Валиханов со всей отчетливостью сознавал, что прогресс казахского общества невозможен без России, без тесного союза с русским народом. Освобожде-

ние России могло принести освобождение и казахскому народу. Поэтому он свои надежды связывал с успехом русского народа и сам работал ради этого успеха. Раз это так, то тем более неправомерно подходить к общественно-политическим взглядам Ч. Валиханова с точки зрения внутренних, ограниченных запросов развития отсталого казахского общества.

Совершенно ясно, что в Казахском обществе середины XIX века не могли зародиться революционные и социалистические идеи на уровне освободительного движения в России 50--60-х годов. Если подходить с этих позиций и считать Ч. Валиханова лишь деятелем казахского общества, то, разумеется, каким бы талантом он ни обладал и какие бы мысли ни владели им, нельзя поднимать его до идей, созвучных русской революционной демократии. Сама по себе такая постановка вопроса неуместная и излишняя. Другое дело, когда Ч. Валиханов рассматривается как представитель общественной мысли России. Тогда вполне уместно и нужно ставить и искать ответы на вопросы: каких взглядов и чьей стороны придерживался он в общественных течениях России, был ли он в одном лагере с русскими революционными демократами, а если был, то в какой степени разделял их революционные и социалистические идеи.

Такая трактовка общественно-политических взглядов Ч. Валиханова ни в коем случае не говорит о его раздвоении или отрыве от национальной почвы. Наоборот, все это свидетельствует о разносторонности его деятельности, помогает представить творчески активную личность. И самое главное, такой подход облегчает восстановление исторической действительности.

При таком подходе к изучению наследия и взглядов Ч. Валиханова концепции ряда ученых, более или менее распространенные на сегодняшний день, получают иное освещение. Суждения Чокана Валиханова о различных сторонах общественной жизни казахов, а также его официальные предложения и рекомендации будут восприниматься не как конечные идеи, как это наблюдается до сих пор, а как мысли относительно ближайших задач и как тактические меры. Это мы стремились показать в нашем исследовании.

Существенным пробелом в исследованиях о Чокане Валиханове следует считать то обстоятельство, что в

них вовсе не содержится данных о его участии в политических кружках Сибири и Петербурга. По-видимому, это объясняется тремя причинами: 1) в трудах и бумагах Ч. Валиханова нет каких-либо сведений о его принадлежности к подобным кружкам; 2) кружок, членами которого были Потанин, Ядринцев и др., т. е. ближайшие друзья Ч. Валиханова, был обвинен царским правительством в сепаратизме, в стремлении отделить Сибирь от России. Это насторожило многих советских исследователей, а некоторые из них даже хотели бы, чтобы Ч. Валиханов стоял в стороне от этого кружка; 3) как было отмечено нами, политическая деятельность Ч. Валиханова мало кого из исследователей интересовала в таком аспекте и объеме, поскольку они не занимались этим вопросом специально.

Ч. Валиханов был одним из ведущих членов политического кружка «Сибирское землячество» в Петербурге в 1860—1861 годах, вошедшего впоследствии в состав революционной организации «Земля и Воля», во главе которой стоял Н. Г. Чернышевский и его сподвижники. Деятельность этого кружка была скоро перенесена в Западную Сибирь. Ч. Валиханов, будучи больным, находясь на лечении в своем ауле, не терял связи с этой организацией. И конечно, без освещения всех вопросов, связанных с участием в политических кружках и осуществлением их программы, вряд ли возможна характеристика политических взглядов Ч. Валиханова.

Петербургский период жизни, большое значение которого в идейном развитии Ч. Валиханова признают все исследователи, остается до сих пор слабо освещенной страницей в его биографии. Более или менее полно представлена его научная и служебная и значительно более скупо — его общественно-политическая деятельность в Петербурге.

Нельзя также не указать на несостоятельность отдельных доводов некоторых исследователей, высказанных ими в адрес сторонников концепции о принадлежности Чокана Валиханова к лагерю русской революционной демократии. Они говорят: разве можно ставить Ч. Валиханова рядом с Белинским или Чернышевским? Так, один из авторов усмотрел в позиции ученых, склонных считать Ч. Валиханова последователем революционных демократов, стремление поставить его «на одну дос-

ку с революционерами Чернышевским Н. Г. и Добролюбовым Н. А...»⁴⁷ Такое представление является заблуждением или сознательной передержкой. Ясно, что писатель никогда не считал, не считает и не допускает даже мысли о том, что Ч. Валиханов может занять место рядом с вождями русской революционной демократии.

Русская революционная демократия имела своих выдающихся деятелей, руководителей и идеологов. Они сделали очень много в распространении революционно-демократических идей и воспитали целую плеяду революционеров. Лагерь революционной демократии включал многих передовых общественных деятелей, писателей, студентов, разночинцев не только метрополий, но и окраинных территорий (Шевченко, Налбадиян и др.). Ч. Валиханов был одним из многих, воспринявших революционно-демократические идеи Белинского и Чернышевского.

В некоторых работах не столько освещаются заслуги Ч. Валиханова перед историей, сколько его ошибки, недостатки, утопизм. Порою при чтении таких работ создается впечатление, что у Ч. Валиханова были в основном недостатки и недосмотры, а положительное, прогрессивное в его деятельности и взглядах представляется отдельными зернышками. Исследователю, разумеется, нужно быть объективным: не возвеличивать деятеля, когда нет основания, и не замазывать его недостатки, если они имеются. Однако при характеристике того или иного деятеля прошлого основным критерием должно быть выяснение того, что он дал нового, положительного по сравнению со своими предшественниками и даже в отличие от своих современников и каково общественное значение его деятельности. Эта сторона вопроса заслуживает особого выделения и освещения.

Верно, что Ч. Валиханов, будучи по философским взглядам материалистом, в объяснении общественной жизни оставался идеалистом. Он идеализировал остатки древней демократии, казахскую аульную общину, строил иллюзию относительно самоуправления народов и обеспечения социального равенства в обществе. Он говорил о праве самозащиты народа против тирании и деспотизма, но не указывал правильных путей его осу-

⁴⁷ Х. Адильгереев, Чокан Валиханов, стр. 18.

ществления. Социализм Ч. Валиханова был неясным и иллюзорным. Но разве эти недостатки закрывают ему дверь в лагерь «шестидесятников»? Многие эти недостатки характерны не только для Ч. Валиханова. Они были свойственны революционно-демократической идеологии в целом. В этом выразилась ее ограниченность. Однако от этого она не перестает быть самой передовой и революционной идеологией того времени. Узость и ограниченность революционно-демократической идеологии 50—60-х годов XIX века не может быть поставлена в вину отдельным деятелям, которые были убежденными и подлинными защитниками интересов народных масс, отражали их чаяния и думы.

Изучение политических взглядов деятелей, живших в отдаленные эпохи, имеет свои трудности. Серьезной трудностью является воссоздание более или менее целостной картины той эпохи и периода, в котором жил и творил деятель, уяснение себе потребностей и тенденций развития общества, в частности в области социальных отношений, политики и идеологии. Исследователь, образно говоря, должен войти в историю и хорошо знать заботы той эпохи. Такая задача не из легких. Однако без такого представления трудно говорить о конкретно-историческом подходе к изучаемому явлению прошлого. Порою мы встречаемся с фактами, когда беремся судить об общественно-политических деятелях достаточно отдаленного от нас времени, не изучая и не зная истории и ситуации того периода. Отсюда и субъективизм и догматическое освещение проблемы. Этих недостатков не избежали и некоторые исследователи наследия Ч. Валиханова.

С этим вопросом тесно связана и другая особенность изучения политических взглядов Ч. Валиханова. С одной стороны, он жил в годы усиленного царского гнета, контроля над мыслями и разветвленной цензуры. Заточение в тюрьмы, ссылка в Сибирь получили в то время широкие масштабы в карательной политике правительства. С другой стороны, Ч. Валиханов был офицером русской армии, ученым с видным положением в обществе и в высоких официальных органах. То и другое обстоятельство наложили известный отпечаток на форму выступлений и высказываний, изложения своих политических взглядов. Этот момент не может не учитываться исследователями.

К трудам и бумагам Ч. Валиханова необходим дифференцированный подход и к ним должны быть предъявлены различные требования, ибо они написаны в различных условиях и имели различное назначение. Когда он составляет официальные записки и докладные в правительственные органы, в них он, разумеется, излагает свои идеи осторожно и умеренно. Порою он вклинивает отдельные мысли о политике, о самодержавном строе и о равенстве людей в сугубо научные труды, предназначенные для опубликования, и, видимо, сознательно не сообщает им необходимой ясности. Более откровенен был Ч. Валиханов в своей переписке с друзьями. Поэтому постановка таких лобовых вопросов, как-то: почему он здесь выступает умеренно, даже либерально, почему в этой его бумаге нет указания на свержение царизма и т. п., не всегда уместны и правильны.

Главное в трудах и бумагах Чокана Валиханова — внутренняя логика, внутреннее содержание. Не раскрыв и не поняв этого, нельзя дать характеристику его политическим воззрениям. Выдергивание отдельных цитат из его произведений и освещение их вне связи со всей логикой его убеждений, которая пронизывает труды в целом, нельзя считать допустимым. Тем более надо учитывать, что Ч. Валиханов по известной причине вынужден был вуалировать свои мысли.

Мы остановились на некоторых вопросах методологии и приемах изучения наследия Чокана Валиханова вообще, его политических взглядов в частности.

Исследование политических взглядов Ч. Валиханова требует того, чтобы, во-первых, тщательно были проанализированы его труды и переписка, вскрыты их внутренние связи; во-вторых, среда и окружение, друзья и единомышленники, обширные связи и интересы Ч. Валиханова были бы прослежены более полно, поскольку это возможно в наши дни. Это означает, что политические убеждения Ч. Валиханова и их аспекты должны быть раскрыты как на основании его собственных записей, так и на основании деятельности людей, его окружавших, идеи которых им разделялись. Это важно и потому, что Ч. Валиханов не публиковал публицистических статей и не писал трактатов о своих убеждениях, в то же время он имел широкие личные связи с деятелями освободительного движения России 60-х годов.

К настоящему времени основные произведения, дневники и переписка Чокана Валиханова уже изданы⁴⁸. Изданы и воспоминания современников о нем⁴⁹, которые, безусловно, представляют особую ценность для исследователей. При этом, однако, следует заметить, что эти воспоминания написаны спустя десятилетия после смерти Ч. Валиханова, когда отдельные детали (и не только детали) могли быть уже забыты. Кроме того, поскольку они предназначались для опубликования в открытой печати, в них включались такие материалы и сведения, которые не могли вызвать подозрений цензуры. Так, например Г. Потанин, близко знавший Ч. Валиханова, в своих воспоминаниях отмечает, что Ч. Валиханов был знаком «с политическими взглядами уже тогда, когда для его товарищей, и в том числе для меня, это была еще замкнутая книга», и что он для своих товарищей был «окном в Европу», но не объясняет, о каких политических взглядах идет речь. Г. Потанин также указывает, что в Омске «самое сильное влияние на Чокана имел Дуров», отбывавший ссылку в Сибири убежденный революционер. А в чем это влияние выразилось, приходится только догадываться. В воспоминании есть такое место: в Петербурге «свои демократические убеждения он продолжал высказывать резко»⁵⁰. Эта интересная и очень важная «деталь» осталась известной в подробностях только автору.

Для выяснения различных сторон политических взглядов Чокана Валиханова важное значение имеют труды и бумаги близких ему по убеждению «сибирских патриотов», как их именovali в то время: Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, Н. И. Наумова, И. В. Оммулевского-Федорова, С. Я. Капустина, Ф. Н. Усова и др.⁵¹ В них содержатся интересные данные о

⁴⁸ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собрание сочинений, т. I, II, III. Алма-Ата, 1961, 1963, 1965; Избранные произведения. Алма-Ата, 1938.

⁴⁹ «Ч. Валиханов в воспоминаниях современников». Алма-Ата, 1964.

⁵⁰ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Сочинения. СПб., 1904, стр. XIV, XXIV, XXXII.

⁵¹ Г. Н. П о т а н и н. Воспоминания о Н. Г. Чернышевском. ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 616; Воспоминания Г. Н. Потанина. «Сибирская жизнь», 1913—1918 гг.; Письма Г. Н. Потанина к Пышину. ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 322; Г. Н. П о т а н и н. Областные тенденции в Сибири. Томск, 1907; И. П о л о в. К 80-летию

ружке сибиряков в Петербурге, о его связи с организацией и людьми, близкими к Чернышевскому. Они дают достаточно полную характеристику взглядов этих деятелей, с которыми Ч. Валиханов имел много общего.

Петербургский период жизни Ч. Валиханова представляет кульминацию его политического развития. Изучение взглядов и концепций тех, с которыми он общался, поддерживал непосредственные связи и у которых учился и перенимал идеи, может служить дополнительным материалом, проливающим свет на натуру Ч. Валиханова. В этой связи изучены нами материалы известных деятелей 50—60-х годов XIX века — С. Сераковского, В. Обручева, А. А. Сленцова, братьев В. и Н. Курочкиных, М. Сажина (Армаил Росс), Г. Елисеева и М. Антоновича, Л. Ф. Пантелеева, П. Л. Лаврова, А. Шапова, Н. Я. Николадзе, Н. Утина и других⁵².

Разумеется, произведения идеологов русской революционной демократии — Белинского, Герцена, Огарева, Чернышевского и Добролюбова служили для нас основным пособием, помогающим нам разобраться в перипетиях и деталях сложной идейной борьбы, которую они вели и посредством которой воспитали целую плеяду революционеров.

Г. Н. Потанина. «Голос минувшего». 1915, № 1; Сибирские корреспонденты в ленинскую «Искру». Иркутск, 1951; «Архив Г. Н. Потанина» в научной библиотеке Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. Госархив Томской области, ф. 3 и 4, ЦГАЛИ, ф. 381 (фонд Г. Н. Потанина); Н. М. Ядрищев. К моей автобиографии. «Русская мысль», 1904, кн. 6; Н. М. Ядрищев. Иллюзия величия и ничтожества. Женева, 1891; С. С. Шашков. Собрание сочинений, т. 1 и 2. СПб., 1898; Н. И. Наумов. Сочинение. М., 1933; Полное собрание сочинений Омского, т. 1; Омский. Шаг за шагом. Хабаровск, 1952; С. Я. Капустин. О Ч. Валиханове. ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, д. 179; Ф. Усов. Очерк по истории сибирского казачьего войска. Омск, 1884.
⁵² «Вопрос польский». Рукопись Сераковского. «Русская старина», 1884, № 1; В. Обручев. Из пережитого. «Вестник Европы», 1907, № 5; «Литературное наследство», 1969, г. 67; В. Курочкин. Стихотворения. 1956; ЦГАЛИ, ф. 247 (фонд Курочкиных); М. Сажин. Воспоминания. М., 1925; «Шестидесятые годы». М., 1933; ЦГАЛИ, ф. 192 (фонд Елисеева); Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958; Н. Л. Лавров. Последовательные поколения. Женева, 1892; П. Аристов. Жизнь А. П. Шапова; «Письма русских литературно-общественных деятелей к Н. Я. Николадзе; Николадзе. Воспоминания о 60-х годах. «Каторга и ссылка», 1927, кн. 33—34; «Народное дело», 1863, № 2—3.

процессе работы над настоящим исследованием мы пользовались материалами фондов Центрального государственного архива КазССР, Центрального государственного военно-исторического архива, Центрального государственного исторического архива Ленинграда, Центрального государственного архива литературы и искусства, Рукописного отдела библиотеки имени В. И. Ленина, института русской литературы Академии наук СССР (ушкинский дом), Центрального государственного архива Узбекской ССР, государственных архивов Иркутской, Томской и Омской областей.

Мы имели возможность ознакомиться с частью богатого материала, собранного группой по изучению наследия Чокана Валиханова в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.

Проблема политических взглядов Ч. Валиханова связана с широким кругом вопросов. Ее решение представляет достаточную сложность и требует много труда. Эту проблему нельзя охватить более или менее полно в одной работе, тем более в первой. Поэтому мы надеемся, что вопросы, поднятые здесь, найдут отклик у ученых и всех читателей, и не удивимся, если некоторые вопросы вызовут дискуссию. Все это поможет углубленной разработке и освоению наследия выдающегося сына казахского народа Чокана Валиханова.

кружке сибиряков в Петербурге, о его связи с организацией и людьми, близкими к Чернышевскому. Они дают достаточно полную характеристику взглядов этих деятелей, с которыми Ч. Валиханов имел много общего.

Петербургский период жизни Ч. Валиханова представляет кульминацию его политического развития. Изучение взглядов и концепций тех, с которыми он общался, поддерживал непосредственные связи и у которых учился и перенимал идеи, может служить дополнительным материалом, проливающим свет на натуру Ч. Валиханова. В этой связи изучены нами материалы известных деятелей 50—60-х годов XIX века — С. Сераковского, В. Обручева, А. А. Слепцова, братьев В. и Н. Курочкиных, М. Сажина (Арманд Росс), Г. Елисеева и М. Антоновича, Л. Ф. Пантелеева, П. Л. Лаврова, А. Шапова, Н. Я. Николадзе, Н. Утина и других⁵².

Разумется, произведения идеологов русской революционной демократии — Белинского, Герцена, Огарева, Чернышевского и Добролюбова служили для нас основным пособием, помогающим нам разобраться в перипетиях и деталях сложной идейной борьбы, которую они вели и посредством которой воспитали целую плеяду революционеров.

Г. Н. Потанина. «Голос минувшего», 1915, № 1; Сибирские корреспонденции в ленинскую «Искру». Иркутск, 1951; «Архивы Г. Н. Потанина» в научной библиотеке Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. Госархив Томской области, ф. 3 и 4; ЦГАЛИ, ф. 381 (фонд Г. Н. Потанина); Н. М. Ядринцев. К моей автобиографии. «Русская мысль», 1904, кн. 6; Н. М. Ядринцев. Иллюзии величия и ничтожество. Женева, 1891; С. С. Шашков. Собрание сочинений, т. 1 и 2. СПб., 1898; Н. И. Наумов. Сочинение. М., 1933; Полное собрание сочинений Омурского, т. 1; Омурского. Шаг за шагом. Хабаровск, 1952; С. Я. Капустин. О Ч. Валиханове. ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, д. 179; Ф. Усов. Очерк по истории сибирского казачьего войска. Омск, 1884.

⁵² «Вопрос польский». Рукопись Сераковского. «Русская старина», 1884, № 1; В. Обручев. Из пережитого. «Вестник Европы», 1907, № 5; «Литературное наследство», 1959, т. 67; В. Курочкин. Стихотворения, 1956; ЦГАЛИ, ф. 247 (фонд Курочкиных); М. Сажин. Воспоминания. М., 1925; «Шестидесятые годы». М., 1933; ЦГАЛИ, ф. 192 (фонд Елисеева); Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958; П. Л. Лавров. Последовательные поколения. Женева, 1892; П. Аристов. Жизнь А. П. Шапова; «Письма русских литературно-общественных деятелей к Н. Я. Николадзе»; Николадзе. Воспоминания о 60-х годах. «Каторга и ссылка», 1927, кн. 33—34; «Народное дело», 1868, № 2—3.

В процессе работы над настоящим исследованием мы пользовались материалами фондов Центрального государственного архива КазССР, Центрального государственного военно-исторического архива, Центрального государственного исторического архива Ленинграда, Центрального государственного архива литературы и искусства, Рукописного отдела библиотеки имени В. И. Ленина, Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), Центрального государственного архива Узбекской ССР, государственных архивов Иркутской, Томской и Омской областей.

Мы имели возможность ознакомиться с частью богатого материала, собранного группой по изучению наследия Чокана Валиханова в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.

Проблема политических взглядов Ч. Валиханова связана с широким кругом вопросов. Ее решение представляет достаточную сложность и требует много труда. Эту проблему нельзя охватить более или менее полно в одной работе, тем более в первой. Поэтому мы надеемся, что вопросы, поднятые здесь, найдут отклик у ученых и всех читателей, и не удивимся, если некоторые вопросы вызовут дискуссию. Все это поможет углубленной разработке и освоению наследия выдающегося сына казахского народа Чокана Валиханова.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИИ И КАЗАХСТАНА В 30—60-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

1. Внутриполитическое положение России

В 30—60-х годах XIX века, как никогда раньше, обострились и обнажились основные противоречия, свойственные Российской империи. Они проявились как в области экономики и социальных отношений, так и в области политики и государственного управления. Относительно быстрое развитие буржуазного хозяйства в городах уживалось со средневековым консерватизмом в деревне. Возрастающий спрос на свободные рабочие руки наталкивался на глухие стены крепостнических отношений. Прогресс в экономике строился на нищете и крови десятков и сотен тысяч людей. Пропасть между имущими и неимущими классами все больше увеличивалась, создавая угрозу нарушения общественного «равновесия» и стабильности существующего режима. Действия и политика государственных органов, рассчитанные на смягчение этих противоречий, не только не сгладили, а, наоборот, еще больше осложнили их. Передовые представители народа лишней раз убедились в гнилости царской политической системы.

В силу объективных факторов, присущих этому периоду, формируются и развиваются новые идейные течения в прогрессивной общественной мысли России. К этим факторам, в первую очередь, относятся:

а) интенсивное развитие буржуазных отношений в экономике и как отражение этого процесса — рост «молодых» (буржуазных) сил в области культуры и идеологии;

б) значительный рост числа вольнонаемных рабочих в основном за счет вчерашних крестьян и тенденция к их концентрации. Само по себе это создавало возможность еще большего революционизирования общественного движения;

в) ухудшение экономического и политического положения крестьян, массовые выступления, готовые вылиться во всеобщее крестьянское восстание, утвердили крестьянскую идеологию как ведущую составную часть прогрессивной общественной мысли России.

XIX век (вплоть до 60-х годов) вошел в историю России как период общего кризиса феодально-крепостнической системы. Этот кризис выражался: во-первых, в активном разрушении устоев и все большим сужении сферы феодального способа производства в результате развития буржуазных отношений; во-вторых, в неудержимом росте оппозиционных сил — как левых, так и правых — по отношению к официальной власти и режиму; в-третьих, в неотвратимости надения старой системы и в тщетности приемов и отдельных реформ, предпринятых правительством для укрепления положения феодально-крепостнической системы; в-четвертых, в отставании государственной политики и все более резком ее несоответствии потребностям общественного развития.

Для первой половины XIX века характерен своеобразный начальный промышленный скачок. Это хорошо видно из следующих данных, показывающих рост промышленных заведений в обрабатывающей промышленности России (без Польши и Финляндии)¹.

<i>Годы</i>	<i>Количество пром. заведений</i>	<i>Число рабо- чих в них</i>
1830	5450	253893
1845	8302	507577
1862	15910	512778

Если в 1831—1840 годах в стране было произведено 2750 единиц машин, то в 1851—1860 годах — 36 433 единицы. За этот же период ввоз машин из-за границы воз-

¹ С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России. М., 1944, стр. 28, 37.

рос с 4111 до 48 080 единиц². К началу XIX века страна располагала только одним машиностроительным заводом, а к 1861 году их было уже около сотни. Промышленное развитие привело к увеличению городского населения. С 1811 по 1858 год городское население в России возросло с 2,7 до 5,7 млн. человек³.

Путь промышленного развития страны был сложным и противоречивым. Оно происходило в условиях сохранения крепостного права и господства феодальных отношений в экономике и политике в целом, т. е. в условиях ограниченных возможностей. Это сдерживало развитие капиталистического уклада. Достаточно сказать, что многие вольнонаемные рабочие — вчерашние крепостные крестьяне, отпущенные помещиками на оброк и не порвавшие связей с сельским хозяйством, рассматривали свою работу в городах лишь как вспомогательный источник дохода и только. Часть рабочих просто временно была приписана к предприятиям, причем за помещиками сохранялось право отзыва их по истечении определенного срока. Государство, оставаясь в основном диктатурой феодалов, оказывало поддержку промышленному развитию лишь в пределах, допускаемых интересами феодально-крепостнической системы. На этой почве назревал острый конфликт между буржуазными и феодальными отношениями как в экономике, так и в политике, конфликт между объективной тенденцией экономического развития и силами, препятствующими ему, между развивающимися производительными силами общества и старыми производственными отношениями, превратившимися к этому времени в оковы для первых.

Особенно сложными были социальные отношения в деревне. Несмотря на то, что Россия была преимущественно крестьянской страной и обладала достаточными земельными массивами, производительность труда в сельском хозяйстве оставалась низкой и не росла, а экономическое положение основной массы земледельцев, которое было незавидным и раньше, все больше ухудшалось. Причиной этому было сохранение крепостного права, усиливающийся феодальный гнет крестьян и техническая отсталость сельского хозяйства.

---

² Там же, стр. 20.

³ «История СССР». М., 1960, стр. 5.

Показательно, что в это время происходит постоянное ограничение участия крепостных крестьян в земле-
владении, уменьшение их наделов. С конца XVIII до
середины XIX века надел земли на душу населения в
барщинных имениях сократился с 10,1 до 2,5—3 десятин,
в оброчных имениях — с 13,9 до 4—5 десятин⁴, что не
могло не отразиться на экономическом положении зем-
ледельцев. Картина будет полной, если не сказать о
многочисленных повинностях, которые несли крестьяне,
и о неограниченном произволе помещиков. По некото-
рым данным, во второй четверти XIX века только крестья-
нский оброк составлял в среднем 30 рублей⁵. Это была
немалая сумма, если принять во внимание, что пуд хле-
ба стоил 43 копейки. крестьянская лошадь — 17 рублей,
а сам крестьянин («ревизская душа») оценивался в 60
рублей⁶.

Кроме того, в период с 1802 по 1852 год было 34 не-
урожайных года, которые явились настоящим бедствием
для слабообеспеченного крестьянского населения.

Некоторые новшества в помещичьих хозяйствах —
внедрение машин, поворот к возделыванию технических
культур и даже увеличение товарности хозяйства в ре-
зультате активного проникновения в деревню товарно-
рыночных отношений не принесли облегчения подневоль-
ным крестьянам.

Все это вместе взятое обострило социальные противо-
речия в деревне, которые выражались в углублении про-
цесса лауперизации крестьянского населения, усилении
роли промыслов, выходящих за рамки помещичьего хо-
зяйства, и росте отходничества, в сильном стремлении
крестьян освободиться от крепостной неволи и, нако-
нец, в открытых классовых выступлениях крестьян, под-
час разрозненных, стихийных, которые, однако, с каж-
дым годом становились более зрелыми и более опасными
для существующего режима.

Обострение классовой борьбы в деревне наглядно
подтверждается следующими данными. Если в первой
четверти XIX века в среднем на каждый год приходи-

⁴ И. А. Федосов. Революционное движение в России во вто-
рой четверти XIX века. М., 1958, стр. 14.

⁵ Там же, стр. 15.

⁶ С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России,
стр. 23.

лось около двух-трех десятков небольших, локальных выступлений крестьян, в большинстве своем быстро ликвидированных местными силами, то в 1859 году только по губерниям европейской части России имело место 91 крестьянское выступление, а в 1861 году — уже 1259. Для подавления этих выступлений (соответственно в 26 и 358 случаях) привлекались воинские команды⁷. К. Маркс говорил, что царская Россия со страхом ждет аграрной революции⁸.

Умопастроение народа передалось передовым слоям интеллигенции, офицерства, студенчества и разночинцев и еще больше революционизировало их. Обогащенные отечественным опытом и воспринимая революционное влияние Запада, они выросли идейно и стали смелыми в действиях. Вскоре после восстания декабристов началось освободительное движение в Польше, которое, по словам В. И. Ленина, имело «первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»⁹. В начале 50-х годов разразилась венгерская революция. Бунты среди военных поселенцев в Севастополе, Тамбове, Старой Руссе и Новгороде сливались с волнениями в военных гарнизонах других городов, среди студенчества и на колониальных окраинах империи. Эти выступления не были связаны между собой, носили локальный характер и не достигали тех целей, которые ставили. Но они явились грозным предупреждением всей феодально-крепостнической системе и под их ударами содрогались ее основы.

Среди интеллигенции, особенно молодежи, начиная со второй четверти XIX века, заметно усиливается тяга к изучению политико-просветительской и революционной литературы, порою запрещенной официальной властью как «мятежной», и тяга к организации различных кружков нередко с выраженными политическими оттенками. В кружках Лермонтова, Сунгурова, Станкевича, Белинского, Герцена и Огарева и других студенческая молодежь зачитывалась запрещенными стихами Пушкина и

⁷ С. В. Токарев. О численности крестьянских выступлений в России в годы первой революционной ситуации. В кн.: «Революционная ситуация в России в 1859-61 гг.» М., 1961, стр. 128.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXV, стр. 240.

⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 403.

Рылеева, изучала литературу о Великой французской революции, увлекалась сен-симонизмом, вопросами конституции и республики, живо интересовалась судьбой России и устраивала по этим вопросам острые диспуты. Лермонтов предсказывал, что и для России наступит время, «когда с царей корона упадет». Члены общества Сунгурова ставили своей целью введение в России конституционного режима. В кружке Станкевича, куда одно время входили Невров, Бакунин, Белинский, Грановский, А. Аксаков, Ключников и др., изучали философию Шеллинга, Канта, Фихте и Гегеля. Члены кружка придавали большое значение распространению просвещения среди народа и вопросам избавления его от крепостного права.

Кружки Белинского, Герцена и Огарева скоро стали в центре революционной общественной мысли России. В них оправдывались идеи и действия декабристов, говорилось о явном несовершенстве существовавшего в стране общественного и политического режима, о паразитизме крепостного права, о заманчивости идей социал-утопистов Запада. Для деятельности Белинского и Герцена в 40-х годах характерен поиск революционных путей разрешения социальных противоречий эпохи, страстная приверженность социализму. В 1841 году Белинский писал: «Я теперь в новой крайности — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей»¹⁰. По свидетельству одного из сведущих современников, в это время «социализм делал широкие завоевания в русской молодежи»¹¹.

После смерти Белинского (1848 г.) и эмиграции за границу Герцена, несмотря на строгую цензуру на их произведения и установление надзора над деятельностью их единомышленников, освободительные идеи в России не потухли. Члены кружка Петрашевского, несмотря на репрессии царизма, сумели расширить свои ряды и увлечь социалистической идеей многих передовых людей в разных уголках страны.

Объясняя, что такое социализм, петрашевцы писали: «Социализм не есть изобретение новейшего времени,

¹⁰ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIII, М.—Л., 1926, стр. 140.

¹¹ Из воспоминаний М. И. Вешокова, кн. I, Амстердам, 1895, стр. 147.

хитрая выдумка XIX века, подобная пароходу, паровозу или светописи,— он всегда был в природе человека и в ней пребудет до тех пор, пока человечество не лишится способности развиваться и усовершенствоваться... Социализм вообще не есть прихотливая выдумка нескольких причудливых голов, по результат развития всего человечества... Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо приговор наш исполнить»¹². Не отрицая положительной роли свосвременных реформ, петрашевцы думали уничтожить «настоящий быт общественный» посредством всеобщей крестьянской революции в России. По мнению петрашевцев, в отличие от декабристов, эту революцию должны совершить массы, народ. В этом заключалась заслуга петрашевцев в русском освободительном движении и глубина их политической мысли. Если, по определению В. И. Ленина, В. Белинский был предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении, то историческая роль петрашевцев заключалась в том, что они положили начало вытеснению дворян разночинцами¹³. Неслучайно поэтому В. И. Ленин считал существование «социалистической интеллигенции» в России, «начиная от кружка петрашевцев, примерно»¹⁴.

В условиях развернувшейся борьбы вокруг аграрной проблемы в России в 50-х годах лагерь борцов за интересы крепостных крестьян и обновление господствующего строя возглавила революционная демократия во главе с Чернышевским и Добролюбовым. Они совместно с «Колоколом» Герцена прилагали огромные усилия и проводили большую идеологическую и практическую работу в целях освобождения крестьян от крепостной неволи, по подготовке крестьянского восстания против самодержавия, за торжество крестьянского социализма. «На богатой почве классовой борьбы еще в период крепостничества, в 40—50-х годах XIX века,— указывается в истории партии,— выросли такие революционные демократы, как В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский. Деятельность их была пронизана глубокой ненавистью ко всем проявлениям крепостниче-

¹² «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 389, 423, 428.

¹³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 223.

¹⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 7, стр. 26.

ства в общественной жизни России и посвящена горячей защите прогрессивного развития страны»¹⁵. Как указывал В. И. Ленин, под влиянием могучей проповеди Чернышевского воспитывались настоящие революционеры¹⁶. Фронт сторонников и сочувствующих идеям революционных демократов, расширялся с поразительной быстротой, охватывая даже такие далекие уголки, как Сибирь, Азербайджан и Казахстан. Влияние революционных демократов на умы передовых людей в то время было колоссальным. Какой позиции и линии придерживалось в этот период царское правительство, каково было общественное значение его внутренней и внешней политики, в каком направлении развивалась государственная система в целом — это вопросы также важные для характеристики развития политических отношений в стране.

Царское правительство получило достаточный урок для понимания серьезности положения в стране и, предвидя неизбежный исход событий, решило опередить объективное их развитие и отменить сверху крепостное право. Этим оно хотело одновременно достичь ряда целей, укрепить в конечном счете позицию господствующих в обществе классов и правительства, а именно: проблему «отмены крепостного права» и «отпуска» крестьян решить в формах и направлениях, наиболее приемлемых в этих исторических условиях для помещиков и правительства; демонстрируя «понимание» стремлений крепостных крестьян, в какой-то степени укрепить веру их в царя и помещика, которая пошатнулась не пашутку; в той или иной степени удовлетворить основные требования национальной буржуазии, все больше влиявшей на общественное развитие и политику; «разрешив» крестьянский вопрос и ослабив бунтарский дух в деревне, собраться с силой для нанесения нового широкого удара по революционным, оппозиционным силам.

Однако царское правительство и его политика как в метрополии, так и на окраинах империи, настолько успели разоблачить себя как орудия крайней реакции и антинародной силы, что различные подтасовки и ухищрения властей вели к еще большему ослаблению их позиции, еще глубже обнажали их классовую природу, еще

---

¹⁵ «История КПСС», М., 1959, стр. 14.

¹⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 26.

больше укрепляли ряды противодержавного общественного движения, в особенности революционных сил.

Николай I, бесчеловечно расправившись с декабристами, по всем линиям усилил репрессивные и надзорные меры против лиц, отнесенных к категории «нежелательных». Говорят, что однажды он заявил: «Революция на пороге России... Но клянусь, она не проникнет в Россию, пока во мне сохранился дыхание жизни»¹⁷. Страна была наводнена всякого рода тайными агентами, в жандармских и полицейских управлениях составлялись длинные «черные списки» неблагонадежных, над которыми нависла угроза постоянного преследования. Широкая жандармская инквизиция, соединенная с произволом и беззаконием специальных судов, была увенчана созданием III отделения «собственной его императорского величества канцелярии». С организацией III отделения дороги в тюрьмы и на каторги стали еще более тесными, была введена дополнительная цензура на демократические издания¹⁸, усиливается контроль над мыслью в учебных заведениях¹⁹.

Как и следовало ожидать, в середине 30-х годов подверглись разгрому кружки передовой русской интеллигенции. Волна суровых репрессий, в первую очередь против революционеров, прокатилась по всей России. Она не стихла даже после очередных «успехов» властей в этой области. Россия действительно стала казармой, в которой господствовали три вещи: ограничение свободы, насилие над мыслью и кара за стремление к лучшей жизни. Как говорил В. И. Ленин, правительство защищалось драконовскими мерами от натиска революционеров²⁰.

Одним из методов борьбы царского правительства с растущим революционным движением была идеологическая диверсия порою с использованием разных штрейк-

---

¹⁷ И. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX века, стр. 20.

¹⁸ Это отразилось в Цензурном уставе 1826 года и в деятельности Секретного комитета для тайного контроля над цензурой, созданного в 40-х годах.

¹⁹ Так, Университетским уставом, принятым в 1835 году, была ликвидирована некоторая бывшая «автономность» университетов в решении отдельных вопросов внутренней жизни, исключены из программы как самостоятельные дисциплины философия и гражданское право с отнесением их в ведение богословия и т. д.

²⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 26.

брехеров в демократическом движении. «Теория официальной народности» министра народного просвещения Уварова, по которой православие, самодержавие, народность объявлялись качествами и мотивами, присущими жизни русского народа, была призвана противостоять идеологии революционеров. Известно, с какой горячей страстью разоблачали эту теорию представители складывающегося в то время революционно-демократического лагеря во главе с Белинским и Герценом. Белинский гневно обрушился на Гоголя за то, что тот выступил в защиту этой теории, невольно оказавшись «проповедником кнута и апостолом невежества». Белинский писал: «Церковь же явилась поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми, чем продолжает быть и до сих пор»²¹. Высмеивая «теорию официальной народности», А. И. Герцен указывал, что Николай I бежал в народность и православие от революционных идей.

Подобную служебную роль играли и установки славянофилов и западников. Славянофилы (А. Хомяков, И. Кирсеевский и др.) выступили с лозунгом «сила власти — царю, сила миссия — народу». Они защищали господство церкви, доказывали самобытность исторического пути развития России в отличие от западноевропейских стран, доходя до восхваления деятельности русских царей. Правда, они в то же время выступали против крепостного права, но ратовали за «свободный» труд в рамках самодержавия, стояли за учреждение Земского собора во главе с царем. Западники (Т. Грановский, К. Кавелин, В. Боткин, М. Кашков и др.), преклоняясь перед Западом, выступали за конституционную монархию, за постепенную отмену крепостного права «сверху».

Как славянофилы, так и западники исключали всякую возможность разрешения наболевших вопросов России революционным путем. Несмотря на полемическую борьбу между славянофилами и западниками, они сходились и были едины в главном — в желании сохранить и укрепить буржуазно-помещичий строй. Разумеется, во взглядах славянофилов и особенно западников имеются трезвые положительные моменты, которые, однако, не опре-

---

²¹ В. Г. Белинский. Письма, т. 3, стр. 233.

деляют характер их теории в целом. Именно благодаря этим отступлениям и реверансам официальная идеология хотела привлечь на свою сторону народные массы.

Еще Чаадаев расценил концепцию славянофилов как «пагубное учение русских националистов». По мнению Чаадаева, прошлое Московской Руси было «рабством более, чем монгольское иго»²². Белинский видел в славянофилах «витязей прошедшего и обожателей настоящего». Западников он называл «беспаспортными бродягами в человечестве»²³. Славянофильское направление, по Герцену, — это «кость в горле» русского общественного движения. По словам Герцена, от славянофилов «вест застенком, рваными ноздрями, епитимией, покаянием, Соловецким монастырем»²⁴. «Славянизм и европеизм, — писал он о славянофилах и западниках, — представляют негодные, неприлагаемые ими чужие формы для уловления нашей жизни; они ее мерят по другим эпохам, по иным мирозерцаниям; ни загробный голос праотцев, ни соседний ум не помогут разрешить его вполне»²⁵.

Русские революционные демократы во главе с Н. Г. Чернышевским к разрешению аграрной проблемы и вопросу отмены крепостного права подходили совершенно с иных позиций — с революционных. Они требовали безоговорочного освобождения крестьян без выкупа помещикам, сохранения и развития общинного землепользования в деревне и боролись за крестьянский социализм и республику, которые, по их мнению, одни способны были возродить по-новому общество.

Правительство вначале было непрочь отделаться частными реформами в крестьянском вопросе и затянуть отмену крепостного права. Во всяком случае оно хотело ослабить волну выступлений крестьян, несколько смягчить нравы твердолобых помещиков, упорствующих в своих старых позициях. В этом отношении показательна реформа Киселева, направленная на «благоустройство» государственных крестьян в хозяйственном и административном отношениях. Было провозглашено местное «самоуправление» крестьян, приняты меры по переселе-

---

²² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 6, 7.

²³ «История СССР», ч. I, М., 1961, стр. 533.

²⁴ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 311.

²⁵ «История СССР», ч. I, стр. 533.

нию части крестьян на свободные земли (в Сибирь), открыты кое-где школы и больницы.

Все эти реформы и идеологическая обработка, хотя нередко были связаны с известными уступками со стороны правительства в пользу народных масс и кое-где оказали свое влияние, не могли ослабить аграрное движение и удовлетворить далеко идущие требования крестьян.

Поражение в Крымской войне окончательно подорвало престиж власти в глазах народа и еще больше утвердило мнение о гнилости существующей политической системы. По всему было видно, что крепостнический строй доживает последние дни. Правительство в союзе с помещиками серьезно занялось рассмотрением различных аспектов отмены крепостного права. Были созданы секретные комитеты и комиссии по изучению этого вопроса и разработке конкретного проекта. Помещики и правительство всеми мерами старались не допускать превращения крестьян в собственников земельных угодий. Было признано необходимым опускать крестьян на свободу через выкупную систему, укрепляющую позицию и положение помещиков.

В стране назревала революционная ситуация, когда не только «низы» общества не хотели жить, как прежде, но и «верхи» — господствующие в политике классы — не могли хозяйничать и управлять обществом, как прежде. Угроза революционного взрыва в конце 50-х — начале 60-х годов стала наиболее реальной.

В начале 1861 года царское правительство «под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян»²⁶ отменило крепостное право. Но это «освобождение» не принесло и частицы тех благ, которых ожидали от него крестьяне, хотя проблема свободных рабочих рук как будто бы была решена. Крестьяне в результате освобождения оказались ограбленными и в экономическом отношении. Так, только в 36 губерниях Европейской России крестьяне потеряли не менее 18% лучшей земельной площади, которой они раньше владели. Более того, земля, стоявшая по ценам 1854—1858 гг. 544 млн. руб., была оценена при выкупе в 867 млн. руб.²⁷ «Пресловутое «освобождение»

²⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 4, стр. 395.

²⁷ «История СССР», т. 2, стр. 33—34.

«было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»²⁸.

Отмена крепостного права не разрешила политического кризиса и не сняла с повестки дня возможности революционного взрыва. В. И. Ленин указывал, что «падение крепостного права было таким крупным историческим переломом, который не мог не надорвать и полицейской завесы, прикрывающей противоречия между классами»²⁹. Крестьянские выступления не стихали и все больше раздавалось голосов, призывающих к борьбе за «повую волю».

В этих условиях революционные демократы, их ячки и сторонники, наряду с разоблачением антинародных приемов и методов «освобождения» крепостных крестьян, стали вести усиленную подготовку к крестьянской революции. Петербургский центр революционной демократии устанавливает более тесную связь с заграничным центром, Герценом и революционерами Польши. Создается тайная революционная организация «Земля и воля», призванная обеспечить мобилизацию революционных сил. Среди населения распространяются прокламации и листовки с призывом свергнуть самодержавный строй.

Складывающаяся в центре России обстановка оказывала свое влияние на все уголки империи и революционизировала прогрессивно настроенные местные силы.

В этой сложной политической обстановке, полной противоречий и борьбы, Чокан Валиханов формировался и мучал как политик и как общественный деятель.

2. Казахстан — отсталая колония Российской империи

20-60-е годы XIX века были относительно неспокойными в истории Казахстана: многие кочевые коллективы пришли в волнение, чаще, чем прежде, меняли место стоянок, отходили от традиционных кочевых путей. То в одном, то в другом месте возникали малые и значительные стихийные выступления.

Причинами этого были: а) усиление колониального проникновения Российской империи в центральные и

²⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 94—95.

²⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 24.

глубинные области казахского края, порою сопровождавшиеся действиями военных и карательных отрядов; б) энергичные меры царского правительства по насаждению новой системы управления в казахской степи с тем, чтобы превратить ее в придаток колониальной администрации. Это не могло не задеть интересы местной знати, державшей в своих руках власть в больших и малых коллективах; в) активизация Хивинского и Кокандского ханств на юге и юго-востоке Казахстана с явной целью захвата новой территории и ограбления местного населения, а также с целью остановить Россию на дальних подступах к этим ханствам; г) усиление борьбы среди знати за власть, за лучшие пастбищные угодия — в ущерб интересам народных масс; д) обострение в казахском обществе внутренних экономических и социальных противоречий.

В народе, отсталом, темном и жившем отдельными мирками, в условиях господства патриархальных привычек и быта, любое новое веяние, тем более внешнее давление, нарушающее эту стабильность, вызывало серьезную тревогу. Она, конечно, обострялась в период экономической, политической и военной экспансии извне. Как правило, в эту пору различные слухи распространялись с удивительной быстротой, сознательно и бессознательно преувеличивались. Простота нравов и легковерность народа нередко использовались в своих интересах корыстолюбивыми богачами-феодалами. Все это вместе взятое могло только усложнить общую обстановку и положение народа.

Рассматриваемый нами период в истории Казахстана может быть назван и периодом новой ориентации. Как бы ни активизировали свою деятельность среднеазиатские ханства, то посылая карательные отряды в казахскую степь, то наводняя ее исламскими миссионерами и торговцами-агентами, они постепенно теряли свои позиции в казахском обществе и вытеснялись из него в связи с растущим влиянием России. Потерпев неудачу и попытка китайского правительства охватить сферой своего воздействия некоторые районы Восточного Казахстана. Одерживая успехи в конкурентной борьбе по колонизации казахской степи, царское правительство постепенно перешло от политики склонения местной знати на свою сторону к ее подчинению. Этот процесс не мог не

влиять на ориентацию значительной части населения. Жить в условиях подданства России, и опираясь на ее мощь, дать отпор агрессии со стороны Хивы, Коканда и Бухары — такой взгляд становился все более определенным и доминирующим в народе.

Колонизация обширной казахской степи была завершена к середине 60-х годов XIX века. К этому времени царизм более или менее преуспел в области управления Младшим и Средним жузами. Вначале здесь местные ханы были ограничены в правах, а затем, в 20-х годах XIX в. (за исключением Букеевской орды), совсем отстранены от управления. Полнота власти на этих территориях перешла в ведение царской администрации, получившей возможность по своему выбору и усмотрению назначать местных начальников.

Назначение и формальные выборы в органы местного управления, введенные в 20-х годах, привели к ожесточенным схваткам между различными группами знати и кочевыми коллективами. Часто эта борьба приобретала окраску родовой вражды и соперничества. Взаимные доносы и обвинения, подкуп, насилие и шантаж, выступавшие прежде неостро и во многом завуалированно, стали теперь главными средствами достижения цели — прихода к власти борющихся групп.

Реорганизация управления в интересах колониальных властей имела и другую, оборотную сторону. Она во многих случаях проводилась торопливо, без достаточного изучения быта, уклада народа и учета других местных особенностей, безжалостно ломая устоявшиеся представления народа об управлении и власти и привычные для него традиционные формы организации общества. Удовлетворив некоторую часть крупной и средней местной феодальной знати, вошедшей в союз с царской администрацией, реорганизация ущемила интересы многочисленной прослойки мелкой знати, занимавшей прочные позиции в казахских аульных и общинных коллективах.

Одним из немаловажных результатов было то, что власть стала терять прежние связи с хозяйственными коллективами и массами, еще больше отделилась от них. Если раньше как бы ни была тверда и деспотична власть, она в своих же интересах старалась находить опору в народе, в родовых коллективах, то теперь носи-

тели местной власти больше ориентировались на поддержку колониальной администрации, ее воинской силы.

Следует еще указать на то, что система колониального управления, пришедшая на смену султанско-бийской, стала функционировать в условиях в основном старой, неколонизированной экономики, т. е. обнаруживала несоответствие базису. Таким образом, дальнейшее развитие колониальной системы управления не могло не вызвать известного расстройствa прежней экономики и хозяйственного уклада населения. Поскольку эта цювая система управления имела основную задачу укреплять колониальные отношения во всех областях жизни, она не могла не оказывать в ряде случаев отрицательного влияния на развитие общества.

Младший жуз был разделен на три административных управления — части, во главе каждого из них находился султан-правитель. К нему были приставлены двухсотенный воинский отряд и делопроизводитель-агент (мулла) от правительства. Средний жуз по Уставу Сперанского 1822 года состоял из округов, а округа — из волостей, во главе которых находились соответственно старшие султаны и управители. Вместе со своими представителями на местах они составляли так называемую «туземную администрацию».

Эти местные правители, для которых превыше всего были принципы обогащения, еще больше умножили злоупотребления в обществе, что ложилось тяжелым бременем на плечи простого народа. Как описывается в одной из работ того времени, один из старших султанов в Среднем жузе, обнаглев, получил взятки одновременно от нескольких претендентов на одну и ту же должность волостного управителя, подчиненного ему, а именно: от первого — 1000 баранов, от второго — 300 лошадей и т. д., и обещал каждому из них содействовать его избранию³⁰. Управитель Баян-Аульского округа бий Турсунбаев допускал такие злоупотребления, сообщается в другом источнике, что целая волость в 1841 году чуть ли не отложила от него³¹. Эти факты были типичными для «туземной администрации».

---

³⁰ М. Красовский. Область сибирских киргизов. СПб., 1868, ч. III, стр. 75—76.

³¹ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. I, д. 1298, лл. 1—28.

Народ, каким бы он ни был отсталым и обманутым, не мог долго оставаться пассивным, испытывая открытое притеснение и ограбление. Он направляет свою злобу в первую очередь против наиболее нетерпимых представителей местной власти. Так, в 1855 году был убит султан-управитель Младшего жуза Джантюрии³². В одном донесении, относящемся к 1845 году, сказано, что волостной управитель Кокчетавского округа Байджанов послал своего сына наблюдать за занятием подвластными ему коллективами зимних стойбищ. Недовольные этим кочевники убили его и бросили в воду³³. Были случаи, когда целые волости и даже округа выходили из повиновения местных властей. Так было в 1844 году в Аман-Карагайском округе. Население этого ведомства склонно к «неповиновению установлениям властей», — говорилось в официальном представлении³⁴.

Несмотря на сопротивление масс местная бюрократия, при поддержке колониальной администрации, все больше росла и укреплялась. «Вслед за нашим приходом в край, — писал В. Наливкин, — ... образовалась тесно сомкнувшаяся вокруг нас и разобщившая нас от народа и народной жизни стена, составившаяся из туземной администрации, торгашей и переводчиков. Народ спускался с нами через эту непроходимую для него стену, а мы видели глазами, слушали ушами, к стыду нашему, думали лукавым и хищным умом этой живой стены, постепенно утолщая ее разными способами»³⁵.

Колониальный режим насаждался не только через «туземную администрацию», сколоченную царскими чиновниками. Царское правительство, хотя и не всегда с желаемым эффектом, заигрывало также с местной знатью. Наряду с этим оно часто использовало карательные силы, которые, совершая рейды в более глубокие участки степи, чинили жестокую расправу над «неисслушными» родами и аулами, наводя страх на население целых районов. Даже в 1820—1825 годах, в относительно спокойный для края период, было совершено более десятка крупных рейдов войсковых частей с целью «устраше-

³² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 4477, л. 39.

³³ Там же, ф. 374, оп. 1, д. 1743, л. 4.

³⁴ Там же, д. 5405, л. 52.

³⁵ В. Наливкин. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913-стр. 71.

ния» местного населения. С такими задачами выступили в степь, например, отряды полковника Милорадовича (2519 человек), полковника Назарова, полковника Циолковского, полковника Аржанухина (в трех последних отрядах было 2220 человек), подполковника Шалова, полковника Берга и другие³⁶. В 30—40 годы таких отрядов было направлено в степь еще больше. Как указывает М. Веников, до 40-х годов среди ведущих царских чиновников в Оренбурге «продолжала господствовать теория, что степь нужно держать в покорности одними летучими отрядами...»³⁷

На этих рейдах сильно паживались военная верхушка и чиновники. Каждый раз военные команды пригоняли огромное количество скота, отобранное в большинстве случаев у мирных аулов. Сами царские чиновники признавали, что «эти летучие отряды редко достигали виновных и грабили только тех, кто, не чувствуя за собой вины, сидел спокойно на месте и не торопился уходить при вести о русском отряде»³⁸. В свою очередь, некоторые разграбленные коллективы собирали силы, старались отомстить и организовывали нападения на военные казачьи поселения, расположенные вдоль пограничной полосы, угоняли у них скот.

Среди многих фактов, объективно сдерживающих борьбу народных масс как против колониальных властей, так и против своих владельцев и знати, важное значение имели: забитость и разобщенность казахских шаруа, изолированность от внешнего мира и узость их интересов, в том числе и экономических, господство патриархальщины в бытовых и семейных отношениях и отсутствие просвещения, образованных людей, способных нести передовые идеи в массы.

Скотоводческие хозяйства, раскинувшиеся отдельными островками на бескрайних степных просторах, устойчивый монотонный кочевой и пастушеский образ жизни не способствовали совершенствованию личности, ее интеллектуальному развитию. Наоборот, член аульного коллектива больше был склонен к тому, чтобы оставить-

³⁶ Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, стр. 41, 45.

³⁷ М. Веников. Россия и Восток, СПб., 1877, стр. 177.

³⁸ М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. I. СПб., 1906, стр. 59.

ся простым придатком природы. Аульская община, обычаи и установления предков, языческие представления, смешанные с догмами ислама, притупляли сознание родовых масс, делая их более покорными «судьбе» и терпеливыми в условиях произвола и угнетения.

Но пережитки старины представляли значительную силу не во всех областях и звеньях общественных отношений. Например, они были более устойчивыми во внутривидовых, чем в межродовых отношениях. Если эти патриархальные пережитки служили еще в той или иной мере укреплению связей между властями и подданными в пределах рода, то эту роль они мало играли во взаимоотношениях ханов, султанов, ходжей — с одной стороны, и мелкой знати и рода в целом — с другой стороны. Эти особенности имели существенное значение в объяснении противоречий и борьбы как между отдельными звеньями власти, так и между массой и носителями власти.

Патриархальщина нередко служила ширмой для прикрытия отношений господства и подчинения, выступавших иногда в кочевых коллективах в резко выраженных и грубых формах. Господствующие классы, в целях выгодной им идеологической обработки масс, вытаскивали из древней истории реликвии и наставления предков, проповедовали соблюдение различных семейных и общинных обрядов, призванных сохранить и утвердить «общность» интересов всех членов рода и его отделений, насаждали догмы ислама и выписывали проповедников-мулл из Татарии и Бухары, чтобы их молитвами заглушить голос народа. Развращая таким образом сознание народа, они отводили от себя удары и временами ловко использовали недовольство масс в своих групповых и кастовых интересах.

Пережитки старины давали о себе знать не только в бытовых, семейных и социальных отношениях. Они играли значительную роль и в политике, и в организации и деятельности органов власти и управления. Хотя усиление колониальной и огосударствленной «туземной администрации» ослабило силу старых, традиционных политических форм и институтов, однако не уничтожило их. И эти органы не могли не воспользоваться авторитетами привычных для общества учреждений, таких как «народное» собрание, советы знати, коллегия знатоков обычного права, а также обычаем решать важные вопросы и спо-

ры в широком кругу в местах сбора населения во время праздников («той»), поминок («ас») и т. д.

В начале XIX века в казахских аулах еще были живы остатки патриархальных форм организации власти. Сиверс, побывавший в районе Тарбагатай, в ауле Султана Сарымбета, так описывает обстановку: «С собственным тюре (султаном) беднейший (в смысле подданный.— *Авторы*) из них мало церемонится; садится спокойно подле него, курия свою трубку»³⁹. Один из наблюдательных и образованных русских офицеров, оказавшийся в Казахстане в первой четверти XIX века, Г. Б. Броневский, под свежим впечатлением писал, что рядовые кочевники осуждают «своих солтанов и беев, если это не согласуется с их выгодами и внутренними побуждениями»⁴⁰. На это же указывал и Назаров, побывавший в степи в 1813—1814 годах: «Кочующая жизнь избавляет их (т. е. казахов.— *Авторы*) от большой подчиненности»⁴¹. Не очень много изменилось в этом отношении и к середине XIX века. В. Григорьев, десятки лет непосредственно изучавший жизнь казахов, писал: «Пигде в мире и главы народа и аристократия по происхождению не имели так мало значения, так мало действительной силы, как ханы и султаны у киргизов»⁴².

Эти авторы в основном правильно заметили внешнюю демократичность в обращении представителей власти с подданными, но это вовсе не отражало всей сути отношений господства и подчинения в ауле. Мы должны учитывать, что названные нами авторы судили о казахском обществе исходя из представлений развитого феодального общества с централизованным управлением. Поэтому их тезис о слабости местной власти в Казахстане должен восприниматься относительно и в сравнительном плане.

Таким образом, некоторые особенности управления в казахском обществе вытекали из специфических условий его существования в целом. Заигрывание властей с массами, стремление порой волю власти облекать в фор-

³⁹ К. Риттер. Землеведение Азии, т. III. СПб., 1860, стр. 169.

⁴⁰ Г. Броневский. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 170.

⁴¹ Ф. Назаров. Заметки о некоторых народах и землях Средней части Азии. СПб., 1821, стр. 6.

⁴² В. Григорьев. Русская политика по отношению к Средней Азии. СПб., 1874, стр. 17.

му веления старшего, «советывание» с народом — все это в первое время использовалось в интересах самой власти. Однако постепенно значение этих институтов все больше падало и, наоборот, крепла власть царских ставленников.

Изменения в положении народных масс, связанные с усилением влияния колониальных органов в обществе, а также с развитием и углублением внутренних социальных противоречий в кочевых и полукочевых коллективах, не могли определенным образом не отразиться на их умонастроениях и действиях. В 20—60-е годы прошлого века в казахском обществе сложился целый комплекс новых противоречий, намного более острых и глубоких, чем прежде. Этот период был сравнительно насыщен разного рода волнениями и выступлениями, которые можно разделить на три группы:

1) волнения и выступления против власти ханов и султанов (до второй четверти XIX века), против царских ставленников — султанов и биев, доводивших народные массы своими злоупотреблениями и притеснениями до отчаяния. Борьба подобного рода имела значительный размах, порою выливалась в крупные выступления, как, например, восстание Исатая Тайманова во Внутренней орде против Джангер-хана. Как правило, в этих выступлениях аульными и подродовыми коллективами предводительствовала «своя» мелкая и средняя знать;

2) волнения и выступления освободительного характера, направленные против колониальной политики и господства царизма в крае, против захватнических притязаний Хивинского и Кокандского ханств, постоянно совершавших нашествия на пограничные и глубинные казахские аулы и грабившие их;

3) конфликты и распри между родами, между крупными отселениями родов. Обида, нанесенная видному члену рода другим родом, стычки на почве заключения брачных актов или несоблюдения в последующем обычаев, борьба за первенство среди родов, проблемы распределения и пользования пастбищами и стойбищами и многие другие причины порождали вражду между более или менее крупными коллективами. Непременными атрибутами таких отношений являлись взаимные скрытые и открытые угоны скота, нападения с целью ограбления и отмщения, убийства. Такие отношения стойко держались

в течение десятилетий и осложнялись новыми неурядицами. Середина XIX века можно назвать периодом острого разгула межродовых конфликтов и распрей.

Что касается классовой борьбы внутри аулов и родовых коллективов, борьбы рядовых шаруа против «своих» мелких и средних феодалов, то она, в силу ряда факторов, была вообще слаба, а в условиях всплеск в значительных масштабах освободительной и межгрупповой борьбы еще более приглушалась. Классовая борьба в Казахстане не могла принять зрелых форм в результате того обстоятельства, что это была страна исключительно крестьянская, отсталая, страна, которая не имела своих ремесленных, культурных центров, своей интеллигенции, способной на обобщения, осознавшей необходимость просвещать народ и нести в массы передовые идеи. Односторонность и пассивность внешних связей, неподготовленность населения к восприятию имеющегося у других народов опыта классовой борьбы — все это предопределяло низкий уровень социальной борьбы в казахском обществе.

Выступления народных масс, которые, несмотря на то, что росли с каждым годом, оставались примитивными, местными, эпизодическими, ограниченными по целям рамками существующих отношений, а по социальной структуре — неоднородными, большей частью недифференцированными, потому они и не могли иметь серьезного успеха.

В хозяйственном укладе основной массы населения в первой половине XIX века каких-либо существенных изменений не произошло. При некотором росте земледелия кочевое скотоводство оставалось абсолютно доминирующей отраслью общественного производства. Известное оживление торговых связей Казахстана с соседями, в особенности с Россией, относительно активное проникновение товарно-денежных отношений в кочевые и полукочевые коллективы не нарушили старые формы связей в обществе и натуральный характер хозяйства.

Органы, проводившие колониальную политику, не были заинтересованы в изменении существующего хозяйственного уклада и кочевого быта местного населения. Тем более они не думали о каком-либо приобщении казахов к передовой культуре, к цивилизации. Наоборот, колониальные органы явно были заинтересованы в сохране-

нии и консервации старого во всем, что было им выгодно. Так, управляющий областью оренбургских казахов генерал-адъютант Сухтелен (1830—1832 гг.), по свидетельству его ближайших чиновников, в своей политике исходил из того, что «киргизы полезны для России только в виде кочевого народа, как потребители наших хлебных продуктов и мануфактурных изделий и производители кож и других сырых продуктов, поэтому правительство должно стараться удержать их в этом состоянии»⁴³. Этой установки придерживался и с большой настойчивостью проводил ее в жизнь и его преемник генерал Перовский (1833—1842 гг.)⁴⁴.

Объективное развитие общества не всегда следовало за намерениями колониальных властей. Под действием различных конкретных исторических условий хозяйственный уклад, образ жизни и мышления, права народа в некоторых отношениях постепенно видоизменялись. Характерно, что в 1854 году Оренбургской пограничной комиссии было сделано центральным правительством серьезное замечание за то, что она не смогла своевременно воспрепятствовать строительству за р. Уралом примитивных землянок казахами, жившими раньше в юртах⁴⁵. Даже в этом безобидном явлении царское правительство усмотрело вред для колониальных интересов. Подобными мерами царизм хотел задержать и так довольно мучительное развитие казахского общества, хотел увековечить в нем отсталость, патриархальщину и дикость.

Если методы осуществления колониальной политики и преследуемые при этом царским правительством цели были реакционными, если союз аристократической верхушки казахского общества с колониальной администрацией имел антинародную направленность, то совершенно иное значение приобретало само присоединение Казахстана к России, развитие тесных связей между русским

---

⁴³ Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, стр. 47.

⁴⁴ Такой же взгляд был характерен и для органов, ведавших делами сибирских казахов. Так, один из руководителей этой области генерал-лейтенант Гасфорт в 1852 году писал военному министру о казахах, что «в таком только быту они могут быть для нас полезными и невредными». (А. Серебровский. Туркестанский край, т. III. Ташкент, 1915, стр. 21).

⁴⁵ Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870, стр. 163—164.

и казахским народами в экономической, культурной и политической областях.

К середине XIX века в степи нередко можно было встретить не только русского чиновника и казачьего офицера, но и русского крестьянина, порою, кое-где, и русского учителя, обучающего казахских детей. Наряду с ташкентскими и казанскими торговцами, проникавшими в отдаленные казахские аулы, можно было видеть там и приказчиков, и агентов русских купцов. Разумеется, среди них немало было людей, ищущих наживы и корыстолюбивых. Но были и представители трудового русского народа, были интеллигенты-гуманисты и лица, сочувствующие казахскому народу и искренне желающие ему благополучия.

Примечательным было и то, что среди некоторой части казахского общества зародилось определенное, хотя еще довольно робкое культурное течение — казахи хотели знать русскую грамоту, обучать своих детей в русской школе, держать воспитателей из русских или знакомых с русской культурой, отвести детей русскому «тамыру» на воспитание и т. д. Этому новому веянию в основном была подвержена верхушка казахского общества, связанная с царским правительством и служившая ему в степи. При всем том оно имело впоследствии весьма положительное значение. Дети казахов, окончившие Невлюевский кадетский корпус в Оренбурге, Сибирский кадетский корпус в Омске, казачьи полковые школы в пограничных районах, крестьянские школы в местах смешанного расселения, которых было еще немного, под влиянием воспитания стали вносить свежую струю в жизнь своих аулов и родичей. Весть о них разносилась далеко за пределы кочевий родителей.

Определенное значение в поступательном развитии казахского общества имела промышленная разработка полезных ископаемых на территории Казахстана и в прилегающих районах Сибири и Урала. Правда, объем этой работы также был незначителен. На этих во многом примитивных предприятиях труд рабочих эксплуатировался хищнически: рабочие, в особенности казахи, массами погибали от антисанитарии, эпидемий и недоедания. Но пребывание здесь вчерашних казахских шаруа имело большое значение для пробуждения их сознания. Они постепенно начали понимать, что и русские трудо-

вые люди имеют своих угнетателей и что не все русские такие, какими бывают царские сатраны в колониальном управлении в степи. Казахи перенимали бытовое поведение русских рабочих, заводили с ними настоящую дружбу. По возвращении в свои аулы после окончания сезона работы побывавшие на предприятиях казахи вели себя по-новому, их взгляды на жизнь изменились.

Колониальная администрация и местная знать, следуя своей эксплуататорской политике, сеяли среди трудящихся масс семена раздора и взаимного недоверия. Это была глубоко враждебная народу политика. В поисках путей сопротивления реакции и деспотизму наиболее передовые люди казахского общества доходили до понимания необходимости совместного выступления с русским народом против царя и феодалов и того, что освобождение казахскому обществу придет через борьбу русского народа. Такого взгляда придерживался славный сын казахского народа Чокан Валиханов.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ Ч. ВАЛИХАНОВА КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

1. Годы учебы

Чокан Чингисович Валиханов родился в 1835 году в зажиточной и влиятельной в степи семье. До 12 лет он воспитывался дома и учился в частной мусульманской школе.

Чокан весьма рано проявил свои способности и обратил на себя внимание родственников и некоторых русских чиновников, посещавших аул его отца. По воспоминаниям его брата Кокыша, он в пять лет научился писать и читать. Еще будучи мальчиком стал помогать отцу, занимавшему в то время высокий пост в «туземной» администрации, вести делопроизводство на татарском языке¹. Как сообщает А. Х. Маргулан, Чокан еще до поступления в Омский кадетский корпус «читал на чагатайском языке памятники средневековой литературы, упражнялся в разговорной арабской и персидской речи, декламации стихов восточных поэтов»². Он с детства любил фольклор. Ему нравилось записывать песни и сказания, широко распространенные среди казахского населения. По словам самого Чокана Валиханова, в шесть лет он впервые услышал известную поэму «Едиге», а в семь лет обработал три ее варианта³.

Все новое и занимательное быстро увлекало мальчика. Замысловатые линейные и объемные рисунки топо-

¹ С. Муканов. Жарқын жұлдыздар. Алматы, 1964, 37 бет.

² А. Х. Маргулан. Жизнь и деятельность Чокана Валиханова. В кн.: Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 20.

³ Ч. Ч. Валиханов. Сочинения. СПб., 1904, стр. 223, 225.

графов и геодезистов, остававшихся в крепости Кушмурун, где родился и жил Чокан, представлялись ему загадочно интересными. Он увлекся ими и при содействии этих русских специалистов научился рисовать карандашом настолько, что мог легко воспроизводить основные портретные штрихи людей.

Биографы Чокана Валиханова отмечают своеобразные черты в его природном характере и поведении, которыми он также выделялся среди своих сверстников. Он любил мыслить и действовать по-своему, самостоятельно. Порою убедить его в чем-то, с чем он не был согласен, стоило родителям и близким много труда. Причем «я» Чокана не было голым самообразованием. Он был не по возрасту серьезным, у него рано появились свои собственные взгляды на то, что «хорошо» и что «плохо». В то время, в особенности в такой аристократической и династической семье, в какой жил Чокан Валиханов, старые традиции держались прочно. Слова властного главы семьи, каким был отец Чокана, как правило, не встречали возражения в семье, тем более со стороны детей, не достигших совершеннолетия. Чокан рос не всегда послушным мальчиком. Бывали случаи, когда он возражал отцу, уклонялся от выполнения его указаний. Эта черта в характере Чокана Валиханова резко проявилась в последующие годы, и в конце концов он был вынужден надолго оставить отцовский дом, хотя и питал нежную любовь к родителям и близким всю жизнь.

В то же время Чокан был ласковым и весьма общительным. Он любил общество взрослых и мог слушать их разговоры часами. Его присутствие забавляло старших. Он не отставал от русских геодезистов и топографов, когда увлекался рисованием, и пользовался их теплым расположением. Он не отходил от сказителей и певцов, когда они появлялись. Он увлеченно слушал русских чиновников, остававшихся в их доме, которые сообщали различные новости, происходившие за пределами аула. Чокану были чужды робость, стеснительность, пугливость, замкнутость. Он рос сдержанным, но в то же время активным, располагающим к себе, общительным.

Домашнее воспитание юного Чокана в тех условиях было поставлено по-своему великолепно, его отец и ближайшие родные были образованными людьми с относительно широким кругозором и интересами. Они надел-

лись, что Чокан со временем сделает значительную карьеру и будет достойным продолжателем дела и свершений рода. С ранних лет его готовили к этому.

Среди людей, окружавших в своем ауле юного Чокана и занимавшихся его воспитанием, следует выделить отца, бабушку Айгашым и Мусу Чорманова — дядю по матери.

Отец Чокана — Чингис Валиханов имел русское образование, что было редким в те времена. Он окончил училище Сибирского линейного казачьего войска. Значительную часть своей сознательной жизни Чингис Валиханов усердно служил царизму. В 23 года он был избран старшим султаном вновь созданного Аманкарагайского округа⁴. Эту должность он занимал в течение десяти лет, затем стал советником пограничного управления сибирских казахов (1854—1857) и старшим султаном Кокчетавского округа (1857—1866)⁵. Первый офицерский чин русской армии он получил в 1838 году, а в 1855 году был возведен в ранг полковника. Его служба неоднократно отмечалась наградами. Чингис Валиханов был кавалером орденов святого Станислава 2-й степени и святой Анны 2-й степени, он был награжден также золотой медалью на Александровской ленте и золотым перстнем с бриллиантами⁶.

Весной 1855 года он возглавил депутацию от казахов Среднего жуза к царскому двору в Петербург. 23 марта 1855 года все члены депутации были представлены императору Николаю I⁷. Чингис Валиханов был произведен в достоинство дворянина Российской империи⁸. Впоследствии, в 1868 году, военный губернатор области сибирских казахов характеризовал его как «вполне заслуживающего внимания правительства» и ходатайствовал о присвоении ему звания генерал-майора по армейской кавалерии⁹.

⁴ Этот округ был создан 30 августа 1834 г. Первым старшим султаном в нем был Чингис Валиханов. (Госархив Омской области, ф. 3, оп. 1, д. 1470, лл. 1-2).

⁵ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 3, д. 4453, л. 7; д. 4447, л. 13.

⁶ Там же, ф. 3, оп. 6, д. 7976, лл. 5-6, 24.

⁷ ЦГАИ.Л, ф. 472, оп. 143/980, д. 3, лл. 42-43.

⁸ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 4, д. 5406, л. 103.

⁹ Там же, ф. 3, оп. 6, д. 7976, л. 2.

Человек традиций, придерживающийся местных прав, в то же время видный чиновник, которому были известны все zigzagi колониального управления казахской степью, видевший перспективу развития личности в царской службе, таков был отец Чокана. Отец сделал немало для того, чтобы Чокан изучил «язык семи народов», в том числе ряд классических восточных языков. Особенно он хотел, чтобы сын освоил русскую грамоту и речь.

Отец Чокана был большим любителем народного фольклора, истории и музыки. В его ауле временами собирались даровитые личности — певцы, сказители, ораторы, знатоки устной народной истории и музыканты. Юный Чокан восхищался талантом этих людей, их проникновенным, западающим в душу искусством.

Как правильно отмечает А. Х. Маргулаи, «значительное влияние на духовный рост маленького Чокана оказала его бабушка Айганым»¹⁰. По-восточному грамотная, обладавшая ясным умом и мужской волей, она была активной личностью, вмешивалась в политические дела и упорно отстаивала семейные привилегии после смерти мужа. В период реорганизации управления в казахской степи в соответствии с «Уставом о сибирских киргизах» она была одолеваема заботой о том, чтобы сохранить власть своих братьев и сыновей в тех родовых объединениях, которые раньше признавали власть ее мужа — хана Вали. Когда многие старые местные правители все еще раздумывали относительно принятия нового устройства, введенного уставом 1822 года, ханша Айганым с некоторыми своими ближними султанами 25 февраля 1824 года обратилась к царским властям в Омске с просьбой «о скорейшем введении у них в степи порядка и устройства»¹¹. Этот ее шаг был расценен сибирским начальством весьма положительно.

Стремясь сохранить старые земельные привилегии, ханша Айганым просила сибирское начальство отвести подвластным ей двум родовым объединениям (кудайберды-агаевскому и уак-киреевскому) земельные участки и закрепить их за ней. Она также просила построить за счет государственной казны специально для нее дом, мечеть со школой, баню и двор с сараем. В уважение то-

¹⁰ Ч. Ч. Валиханов, Собрание сочинений, т. 1, стр. 24.

¹¹ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 1, д. 299, лл. 222, 425.

го, что она с рядом братьев и старших детей хана Вали, со своими сыновьями, имевшими влияние в обществе, придерживалась прорусской ориентации и отказалась поддерживать феодально-монархические всплески, направленные против интересов России, указом правительствующего сената от 30 апреля 1824 года ей была отведена земля «у камня и урочища Сырымбет на реке Ишиму до редута Новоникольского, на сибирской линии состоящего, и по реке Бурлуку за камень Сырымбет в лесах» и разрешено построить дом с мечетью стоимостью в 5 тысяч рублей¹². Этот дом в урочище Сырымбет (завоно перестроен в 1832 г.), куда она вошла в 1825 году со своими детьми и родственниками, стал впоследствии фамильной усадьбой Валихановых.

Ханша Айганым, которая принимала деятельное участие в воспитании Чокана, была энергичной, властной натурой. Во многих прошениях, исходивших от местных именитых лиц, ее подпись значилась в числе первых. Она выразила в свое время открытый протест Омскому областному правлению за избрание в некоторых волостях правителями не султанов (не по ханской линии), а выходцев из казахских родов. Увидев, что ее желание в этой части не может быть удовлетворено, она стала домогаться поездки в Петербург на личную аудиенцию к царю. Она писала губернатору Западной Сибири в письме от 21 мая 1828 года, что «не желает, чтобы волости были в зависимости киргизов, происходящих от простого племени»¹³. Ханша Айганым пользовалась печатью хана Вали, не передавая ее кому-либо из старших своих сыновей, как это было принято.

Маленький Чокан питал особую привязанность к дяде по матери — Мусе Чорманову. Здесь, по-видимому, существенное значение имело, во-первых, то, что у казахов братья матерей («нагашы») пользовались большим уважением в семьях своих сестер, особенно среди племянников («жпен»). Во-вторых, Муса Чорманов был незаурядной личностью, крупным знатоком родословия казахов, фольклора и адата. В-третьих, он много времени уделял Чокану и был к нему по-родственному неравнодушен.

---

¹² Там же, д. 422, л. 4.

¹³ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 1, д. 422, лл. 28—29.

Муса Чорманов — сын известного бия Чормана Кучукова, занимал должности волостного правителя (1833—1841), заседателя от казахов Баян-Аульского окружного приказа (1841—1854) и старшего султана Баян-Аульского округа (1854—1868). Это был влиятельный человек с трезвыми суждениями. Имел чин полковника. За различные заслуги перед правительством Муса был награжден медалью и орденом. В составе дегутации от казахов Среднего жуза два раза был в Петербурге и присутствовал при коронации Александра II¹⁴.

Муса, как и Чингис, вел полуоседлый образ жизни, наряду со скотоводством занимался земледелием. Муса был сторопником переселения безземельных русских крестьян в казахские степи¹⁵. «В течение не менее полувека Омская администрация пользовалась советами и влиянием на степное население этих трех лиц, султана Чингиса, его сына Чокана и его свояка Мусы Чорманова», — писал Потанин¹⁶.

Порою он выражал недовольство отдельными сторонами политики царского правительства в Казахстане. В 1865 году в беседе с членами Степной комиссии Муса Чорманов заявил: «Хуже настоящего нам не будет»¹⁷, имея в виду усиление влияния колониальных властей в местных органах и заметное ослабление позиций местной знати. Одно время Муса предлагал сибирскому начальству обязать старших султанов, биев и старшин отдавать своих детей в русские учебные заведения — в кадетские корпуса, гимназии и университеты с правом поступления по их окончании на гражданскую службу. Он рекомендовал в административном порядке изменить «непужкие и бесполезные» обычаи кочевого народа. После реформы 1867—1868 гг. Муса предлагал властям, в целях пресечения подкуна и групповой борьбы, принявших широкие размеры, заменить выборы должностных лиц из казахов жеребьевкой.

Казачий офицер И. Катанов писал в 1875 году из Омска Г. Н. Потанину: «Степь делается дойной коровой, которую сосут всякие проходимцы... По-видимому, коро-

¹⁴ «Акмолинские ведомости», 1885, № 39.

¹⁵ И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. СПб., 1912, стр. 313—328.

¹⁶ «Русское богатство», 1896, № 8, стр. 78.

¹⁷ А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. I, стр. 325.

ва эта хочет брыкаться и ждет только удобного случая... У Мусы, по-видимому, бродят какие-то замыслы относительно будущего управления степью, в нынешнем году было уже несколько заявлений о зачислении в гимназию киргизят. Это предполагаемый противовес грабежу русских уездных начальников»¹⁸. Подобные поступки М. Чорманова не нравились представителям колониальных властей, которые стали видеть в нем беспокойного и недостаточно благонадежного человека¹⁹.

По всему видно, что Муса Чорманов не был пассивной, покорной натурой. Его интересы не замыкались в узком кругу чиновничьих обязанностей. По-своему он оценивал политику, проводимую царским правительством в Казахстане. Обладал смелостью иногда говорить в глаза ответственным чиновникам об отдельных недостатках управления степью. Однако его требования в основном не выходили за рамки дозволенного, хотя не всегда были приятными для областных начальников. Все же с ним, имея в виду его влияние и вес среди местного населения, не могли не считаться в правительственных учреждениях.

Чокан поддерживал с ним теплые отношения во время учебы в кадетском корпусе и службы в Сибирском управлении, писал ему письма из Петербурга и пользовался его материальной поддержкой. В трудные дни, когда осложнились его отношения с отцом, Чокан искал совета и содействия у дяди²⁰.

Мать Чокана также была незаурядной женщиной, умелой и властной хозяйкой. Она, как и многие другие выходцы из казахской аристократии, более или менее строго придерживалась старых обычаев и порядков в быту и во взаимоотношениях в семье.

Дом родителей Чокана имел значительные связи с внешним миром. И нить управления степью тянулась сю-

¹⁸ ИБТГУ, архив Г. Н. Потанина, л. 183.

¹⁹ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 13, д. 5, л. 57.

²⁰ Забегая вперед, заметим, что ранняя смерть Чокана вдали от родного аула была большим горем и для любимого его Мусы Чорманова. Н. Ядрищев сообщает, что спустя много лет два старика, один из них Муса Чорманов, явились в Омск с просьбой соорудить памятник на могиле Чокана Валиханова. «Беседуя со стариками и вспоминая Чокана, мы были свидетелями, — пишет Н. Ядрищев, — как у этих седых представителей киргизской степи полились слезы» (Ч. Ч. В а л и х а н о в. Сочинения, стр. XXXIX).

да. Не только многочисленные дальние и близкие родственники, но и многие влиятельные в родовых объединениях люди приезжали в этот дом — одни за советом, другие с предложениями и претензиями, а третьи просто поговорить, погостить, узнать новости и поклониться. Часто посещали этот дом и различные просвие русские чиновники.

В доме родителей Чокана много говорили в этот период о делах династии Валихановых и Аблайхановых, о борьбе за власть, разгоревшейся среди родственных фамилий, об обидах, нанесенных друг другу, о недовольствах одной части султанов политикой царизма в Казахстане и о поддержке ее другой частью. Для впечатлительного мальчика многое из того, что он слышал, не могло пройти бесследно. Первые искорки размышлений, пусть даже наивных, появились у него именно в эти годы.

В 12 лет Чокана отдали в Омский кадетский корпус, в стенах которого он рос и достиг совершеннолетия. Пробывание в этом учебном заведении имело существенное значение в формировании Чокана как общественно-политического деятеля. Самыми важными чертами внутренней жизни кадетского корпуса в годы обучения в нем Чокана, отличавшими его от многих военных учебных заведений в России, пожалуй, были: а) известное вольнодумство и буржуазный демократизм ряда ведущих преподавателей; б) многие кадеты являлись выходцами из казачьей среды, питавшей недовольство сословной и земельной политикой царского правительства; в) само расположение этого учебного заведения в Западной Сибири, превращенной правительством в обширный район ссылки и поселения «политических преступников» и всяких других нежелательных в метрополии элементов, не могло не иметь определенного влияния на жизнь в корпусе.

В момент поступления Чокана Валиханова в кадетский корпус здесь происходили значительные перемены в постановке преподавания учебных дисциплин, обновление преподавательского состава, улучшение быта кадетов и их воспитания. Эти перемены, намного повысившие значение этого учебного заведения, были связаны: во-первых, с преобразованием в 1846 году «училища Сибирского линейного казачьего войска» в кадетский кор-

пус²¹ со всеми вытекающими отсюда последствиями; во-вторых, с приходом к руководству корпусом энергичных и образованных людей, сумевших привлечь к преподаванию подготовленных учителей.

Омское казачье училище до 1846 года оставалось захолустным учебным заведением. В нем, за отдельными исключениями, не было образованных и постоянных преподавателей. Отдельные студенты университетов, по тем или иным причинам оказавшиеся в Сибири, в роли учителей в училище задерживались недолго. Да многие из них попадали туда случайно и не были подготовлены для педагогической работы²². В низших классах учителями состояли одни урядники с ограниченными познаниями и кругозором.

Основным методом учебы было механическое заучивание положений и цитат из различных посредственных учебных пособий. Поскольку такие пособия были только у преподавателей, учащиеся тратили значительное время на переписывание из них целых страниц. Основой развития «внутреннего сознания долга» и источником формирования «понятий и чувств» воспитанников считались в училище «Начатки христианского учения», «Пространный катехизис» и «Сто чтыре священных историй», догмами из которых занимали внимание учащихся в классах, во время молитвенных часов, постных дней и посещения церковной службы²³. Все это происходило в условиях строжайшего соблюдения «дисциплины и субординации», разгула грубости со стороны офицеров, а в особенности урядников. Провинившихся публично пороли, прогоняя сквозь строй под ударами плетей и палок. Вот почему это училище негласно называлось «казачьей бурсой».

С преобразованием училища в кадетский корпус много изменилось к лучшему. Самое важное — были приглашены из Петербурга и других городов образованные молодые офицеры, воспитатели и преподаватели, увле-

---

²¹ По времени учреждения Сибирский кадетский корпус был шестым по стране и первым в Сибири. По трехклассной классификации он относился ко второй группе. («Юбилейная памятка Омского кадетского корпуса». Омск, 1913, стр. 9).

²² «Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса». Омск, 1884, стр. 46.

²³ Там же, стр. 50-51.

ченные не только своими узкими специальностями. Из прежних учителей в корпусе были оставлены только наиболее опытные и способные, такие как Н. Ф. Костылецкий и Т. Гонсевский. Урядники во всех классах заменялись офицерами. Обновилась программа обучения кадетов, она приобрела более научный характер. В лекциях дух творчества стал вытеснять долбление «от сих до сих». По отношению к кадетам поощрялась вежливость, с ними стали обращаться на «вы». Намного улучшился быт и обслуживание кадетов.

Кадетский корпус был призван «приготавливать своих воспитанников для службы офицерами в линейных батальонах и в казачьих войсках Отдельного сибирского корпуса»²⁴. В него могли поступать как дети казачьих и пехотных офицеров, так и дети чиновников из дворян в Сибири. По рекомендации генерал-губернатора Западной Сибири в нем могли обучаться дети казахских султанов и лиц, имеющих военные и гражданские чины²⁵.

Учебным планом, принятым в корпусе в период обучения Чокана Валиханова, предусматривалось изучение следующих дисциплин: математики и геодезии; «строительного искусства с главными началами архитектуры»; естественной истории; оснований физики и химии; русской и всеобщей истории; русской и всеобщей географии; русского языка; французского или немецкого языка — для детей линейных офицеров и гражданских чиновников из дворян; татарского языка — для воспитанников из казачьего сословия и казахов; закона божьего; оснований артиллерии; полковой фортификации; начальной тактики; военного судопроизводства и правил делопроизводства; чистописания, рисования и черчения. Кадетов обучали также гимнастике, плаванию, танцам, фехтованию и верховой езде. Занятия по строевой и стрелковой подготовке, топографии и саперному делу в основном проводились в период лагерных выездов. Обучение в корпусе было семилетним. На последнем курсе изучались специальные военные науки, от которых дети казахов освобождались.

²⁴ «Полное собрание законов Российской империи», т. XX, № 416.

²⁵ За первые 20 лет существования, с 1846 по 1865 год, корпус окончили только три казаха: Чокан Валиханов, Султан Булатов и Айтуваров. («Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса». М., 1915, стр. 390—395).

Сибирский кадетский корпус по постановке преподавания и качественному составу учителей, офицеров-воспитателей, по тем знаниям, которые он давал своим воспитанникам, и по успехам кадетов вскоре стал лучшим в тех условиях учебным заведением в Сибири.

«Новый дух в заведение», как указывает Г. Потанин, внес инспектор классов молодой артиллерийский капитан Ждан-Пушкин. С его прибытием в начале 1847 года «в корпусе заметно усиливается деятельность как по учебной, так и по воспитательной части»²⁶. Он оказался хорошим организатором. Вместе с тем он был высокообразованной личностью: знал немецкий, французский и английский языки, любил европейскую литературу, мог читать лекции по истории и вести курс алгебры, геометрии и артиллерии не менее интересно, чем преподаватели-специалисты. По характеру он был сдержан и благороден, любил свое отечество и военную службу и вскоре завоевал симпатии воспитанников²⁷.

По своим убеждениям Ждан-Пушкин вряд ли был последовательным монархистом. Его преданность престолу не была сухой и односторонней. Она смягчалась влиянием либеральной и радикальной общественной мысли в России. Ждан-Пушкин с симпатией относился к некоторым русским революционерам и их судьбе²⁸, постоянно выписывал и читал петербургские передовые журналы. Он хотел в рамках царского режима придерживаться принципов гуманности и добра. И следуя этим своим убеждениям, он не стеснял мысли и работу других преподавателей, терпеливо относился к некоторым вольностям в их лекциях. Ждан-Пушкин сыграл важную роль в интеллектуальном воспитании молодых кадетов. Г. Потанин, обучавшийся тогда в корпусе, писал позже, что Ждан-Пушкину «были мы, конечно, обязаны своим воспитанием»²⁹.

---

* «Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса», стр. 63.

²⁶ «Записки Русского географического общества» (ЗРГО), 1904, т. 29, стр. VI—VII.

²⁷ Есть сведения, что революционер Дуров и Достоевский тайно переписывались с Ждан-Пушкиным из Омской тюрьмы (С. Марков, В Омском эскадроне. «Казахстанская правда», 1961, 9 января).

²⁸ Г. И. Потанин. Встреча с С. Ф. Дуровым. Липецкий «Наславной восту». СПб., 1900, стр. 256.

✓ Однажды, в часы самостоятельной подготовки по математике (преподавание которой было поставлено вначале весьма), Ждан-Пушкин застал Ч. Валиханова за другим делом. На вопрос: «Валиханов, почему вы не занимаетесь?», Чокан смело ответил: «Если я не усвоил этот предмет за год, то что даст мне час подготовки?» «Идите за мной!» — скомандовал Ждан-Пушкин. «Высекут», — беспокоились кадеты. Но вместо наказания Ждан-Пушкин посадил Валиханова за стол и предложил почитать «Современник» — журнал, который считался в то время самым радикальным. Нельзя в связи с этим не предположить, что старший офицер-воспитатель был осведомлен об увлечениях Чокана демократической литературой³⁰.

К числу других способных педагогов, живо интересовавшихся современными им событиями и идеями, следует отнести в первую очередь Костылецкого и Гонсевского.

Николай Федорович Костылецкий (1818—1867), выпускник восточного факультета Казанского университета, преподавал в кадетском корпусе русскую словесность, времена и татарский язык. Он хорошо владел восточными языками — арабским, персидским, тюркскими, был в курсе русской литературной жизни. Сохранившиеся о нем отдельные сведения характеризуют его смелым в высказываниях своих мыслей и весьма остроумным. Как вспоминает один из бывших кадетов, «его ядовитые заметки и вставки, рассыпанные среди учебных занятий, сливались в нашей памяти в непрерывный протест против глупости, пошлости, ложного мишурного блеска, против бездарности, пользующейся незаслуженной почестью и т. д.» Он «сатанински издевался над омскими генералами и подрывал в нас к ним всякое уважение»³¹.

Костылецкий был тайным почитателем Белинского. Он был увлечен идеями Белинского настолько, что свои записи по истории русской литературы, о творчестве Гоголя, Пушкина и Лермонтова, которые раздавал кадетам и по которым последние должны были сдавать годовые экзамены, составлял в основном по критическим статьям

³⁰ Г. Н. Потанин. Биографические сведения о Чокане Валиханове. ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XVIII.

³¹ Г. Н. Потанин. Встреча с С. Ф. Дуровым, стр. 258.

Белинского. Это однажды стало известно ревизовавшему корпус генералу, который не замедлил сделать ему упрек³².

Очень интересные страницы об убеждениях Костылецкого приведены в работе А. Х. Маргулана, впервые использовавшего неопубликованные о нем материалы. «Костылецкий оставался до конца жизни стойким борцом против крепостничества, верил, что придет час свободы. Это был человек кристальной чистоты, всегда смело стоявший за правду. Он с убийственным сарказмом говорил о крепостнических порядках в России, о несправедливости и косности, с которой надо бороться... Впоследствии за открытую пропаганду освободительных идей Н. Ф. Костылецкий был уволен из кадетского корпуса и умер в большой нужде»³³.

Н. Ф. Костылецкий больше всех других преподавателей был близок к кадетам, «имел наиболее сильное влияние на своих учеников»³⁴. Он, как правило, не уходил после лекции из аудитории, оставался проводить практические занятия с учениками или занимал их увлекательными рассказами и уроками по восточным языкам, пристально наблюдал за склонностями и ростом каждого из них. Он шутил с кадетами, присваивал некоторым смешные клички. Разумеется, Чокан Валиханов был в числе первых учеников, обративших его внимание. Костылецкий видел в этом сухощавом, рослом юноше недюжинный талант. Он был одним из тех ведущих деятелей кадетского корпуса, которые заговорили о большой будущности Чокана Валиханова и стали готовить его к деятельности учебного-путешественника и разведчика. За год до окончания корпуса Костылецкий лично рекомендовал его известному профессору-ориенталисту И. Н. Березину, высоко оценивая его познания. Чокан Валиханов по заданию профессора работает над расшифровкой некоторых восточных рукописей, в том числе отдельных выражений и слов в «Ярлыке Токтамыша».

К числу способных и влиятельных преподавателей в

³² «Сибирская жизнь» (Томск), 1913, № 87; ЗРГО, 1904, т. 29, стр. VIII.

³³ А. Х. Маргулан. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова, стр. 37.

³⁴ А. Д. Адрианов. К столетию казачьего училища. «Сибирская жизнь», 1913, № 87.

кадетском корпусе следует отнести также Гилярия Васильевича Гонсевского, поляка по национальности, в свое время принимавшего участие в студенческих движениях и высланного за это в восточные провинции России³⁵. Гонсевский, бывший студент Казанского университета, был самым начитанным среди педагогов. Он вел историю, хорошо ее знал и умело излагал. С особенным подъемом он говорил о Великой французской революции и ее деятелях, выставляя «ее культурные заслуги для европейского общества».

По программе кадетских корпусов изучение истории доводилось до 1815 года, то есть до конца Отечественной войны 1812 года. Однако Гонсевский в своих лекциях захватывал и «запретную зону» истории и доводил ее до 1830 года, что было безусловно смело. Движение декабристов было еще свежо в памяти, многие его видные участники продолжали отбывать наказание в Сибири. О них запрещалось говорить, тем более в учебных заведениях. Гонсевский же охватывал в своих лекциях и этот «крамольный» период в истории России.

Чокан питал привязанность к Гонсевскому и часто бывал у него на квартире. Это знакомство имело немало-важное значение для идейного развития Чокана. «Беседы с Гонсевским познакомили его с политическими взглядами уже тогда,— писал Г. Н. Потанин,— когда для его товарищей, и в том числе для меня, это была замкнутая еще книга»³⁶.

Несколько позже Костылецкого и Гонсевского начал свою педагогическую работу в кадетском корпусе В. П. Лободовский, ученик и последователь Н. Г. Чернышевского. Его появление в Омске и в кадетском корпусе привнесло сюда свежую струю демократических идей столицы. Прекрасный знаток русской и европейской литературы, замечательный оратор, В. П. Лободовский быстро выдвигается в ряды авторитетных и уважаемых кадетами учителей. В одном из материалов, подготовленных руководством Омской военной гимназии (бывший Сибирский кадетский корпус) для печати, когда Лободовского давно уже не было в живых, о нем было сказано:

³⁵ Госархив Омской области, ф. 19, оп. 1, л. 875. л. 36.

³⁶ Г. Н. Потанин. Биографические сведения о Чокане Валиханове, стр. VIII, XIV.

«Преподаватель русского языка и словесности оставил по себе память человека, глубоко преданного служебному долгу, строгого и требовательного преподавателя. Любя свой предмет и веря, что художественные произведения наших писателей — великая сила при воспитании юношества, он широко знакомил с образцами классической русской и иностранной литературы. Будучи при этом прекрасным декламатором и отличаясь талантом ораторского искусства, он производил глубокое впечатление на учеников»³⁷.

Последние годы жизни этого замечательного человека были пераодостными. Арест Н. Г. Чернышевского и заточение многих друзей, реакция в политике и во всей внутренней жизни России после шестидесятих годов, бесконечные придирки грубых и никемных чиновников, охранявших царский режим, со временем породили улыбку и замкнутость у Василия Петровича Лободовского. Он стал цемодим, избегал встреч даже с товарищами. Такова была судьба многих и многих русских мыслящих людей.

Костынецкий, Гонсевский, Лободовский и некоторые другие преподаватели кадетского корпуса были настоящими проводниками знаний и радикально-демократических идей, почерпнутых из трудов Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Эти идеи они воспитывали в своих учениках.

В кадетском корпусе были и другие способные педагоги, повлиявшие на формирование убеждений своих воспитанников. Даже учитель богословия А. И. Сулоцкий, окончивший Петербургскую духовную академию, скромный, набожный и ученый человек, старался не столько забивать головы кадетов различными мертвыми религиозными догмами, сколько воспитывать в них чувство долга, стремление служить во имя земных идеалов. Его лекции, насыщенные фактическим и иллюстративным материалом, взятым как из «священных книг», так и из обыденной жизни, из гражданской истории и из природы, были весьма интересны. Чокаи старался не пропускать уроков Сулоцкого. Увлеченные в последующем Ч. Валиха-

---

³⁷ «Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса», стр. 377.

нова историей христианства в определенной мере было связано с чтениями Сулоцкого³⁸.

В целом обстановка и условия для познания и интеллектуального развития кадетов в корпусе в этот период были благоприятными. «Не боясь солгать,— писал Г. Н. Потанин,— можно выразиться, что Сибирский кадетский корпус был в то время лучшим учебным заведением во всей Сибири. Даже Иркутская и Тобольская гимназии уступали ему в выборе хороших учителей, не говоря уже о Томской, в которой в это время все учителя были какие-то допотопные фигуры»³⁹.

Воспитанники Сибирского кадетского корпуса были разделены на две части — на роту и эскадрон. Рота считалась подразделением дворян, а эскадрон — казачьим. В роту зачислялись дети чиновников-дворян и офицеров регулярных войск, в эскадрон — дети казачьих офицеров, в основном выслужившихся из солдат, и дети казахских султанов, биев и старшин. Различие между этими двумя группами подчеркивалось во всем совершенно официально. Так, рота занимала лучшие казармы и лучше обслуживалась. К ней были определены офицеры, приглашенные из Петербурга и Москвы; а в эскадроне были оставлены старые казачьи офицеры. Все новое в организации учебного процесса и досуга кадетов, в их воспитании вначале вводилось в роту, а потом уже в эскадроне.

Воспитанники роты и эскадрона, несмотря на то, что обучались в одном и том же заведении, по одной и той же программе, оказывались по окончании кадетского корпуса в различном положении. Казачий офицер мог служить только в своих территориальных казачьих частях — на окраинах империи. Возможность выхода в отставку до истечения 25-летнего срока службы для казачьих офицеров была почти исключена, жалование они получали низкое — всего 72 рубля в год. Квартирные, фуражные, отопительные виды довольствия им не полагались. Закон о пенсиях на них не распространялся. Совершенно в другом положении находился выпускник роты — пешотный офицер. Он мог служить в линейных

³⁸ Госархив Омской области, ф. 19, оп. 1, д. 144, лл. 14–15; Г. Н. Потанин. Биографические сведения о Чокапе Вальханове, стр. IX.

³⁹ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. IX—X.

частях на всей территории страны, пользовался правом выхода по своему желанию в отставку, получал солидную пенсию по окончании службы. Сверх оклада ему выплачивались квартирные, фуражные и определенные суммы на другие бытовые расходы.

Открытое разделение кадетов на привилегированных и непривилегированных порождала ненормальные отношения между этими группами. Кадеты из роты, как правило, вели себя заносчиво, считали себя более интеллигентными и начитанными, чем казачьи дети, смотрели на последних с некоторым пренебрежением. Многие молодые кадеты из сибирских казаков, среди которых были более сильны чувства дружбы и товарищества, таили обиду на свое положение, чувствовали себя приниженными. Если ротные считали «себя солью земли, то мы чувствовали, что мы плесень», — писал один из воспитанников эскадрона⁴⁰. Это вызывало настроение смутной неудовлетворенности, не очень лестные суждения о царе и его власти, отдельных сторонах правительственной политики в Сибири и т. д. Хотя молодые кадеты еще были далеки от серьезного размышления о происходящем и не всегда полностью осознавали значения того, о чем они говорили, тем не менее такая атмосфера не могла не оставлять определенного следа в сознании юношей.

Недовольство казачьих детей порою принимало серьезные формы, на которые не могли не обращать внимания некоторые ревностные защитники интересов царского престола. Так, кадеты эскадрона открыто, с юношеским задором, говорили, преимущественно среди своих, что казаки в Сибири — те же крепостные, а если отличаются от них, то только тем, что они являются «крепостными государства», а не собственностью помещиков. Однажды кадет Бедриц, совершивший какой-то проступок, на угрозы генерала: «Будешь простым казаком, не дам тебе падать на плечи эполеты», стоя в строю, смело ответил: «Для меня эполеты — кандалы».

В этой шумной и дерзкой среде и жил Чокан Валиханов. Он не только не остался в стороне, а, наоборот, освоившись с условиями, впоследствии выдвинулся в число лидеров среди кадетов эскадрона. Г. Н. Потанин, вспоминая эти годы, с осторожностью указывал, что

---

⁴⁰ «Сибирская жизнь», 1913, № 36.

«жизнь в плебейской среде, вероятно, не осталась без влияния на образование демократических мыслей Чокана»⁴¹.

Чокан Валиханов развивался в кадетском корпусе настолько быстро, что, плохо говоривший по-русски при поступлении, он за короткий срок успешно преодолел языковой барьер и стал выделяться среди своих товарищей знаниями, обширностью интересов и находчивостью. Современник и друг Чокана Н. М. Ядрищев позже писал, что в школе Чокан «обнаружил значительное превосходство над своими русскими товарищами»⁴². На это указывал и Г. Н. Потанин.

Обладая многими притягательными качествами, Чокан завоевывает симпатию не только товарищей, но и старших — преподавателей и офицеров. С помощью и при содействии своих воспитателей он получает доступ в фундаментальную библиотеку города. Некоторые ценные ему книги, особенно по истории Туркестана и Востока, он доставал через преподавателей. Таких возможностей другие кадеты не имели. Наоборот, тем из них, которые проявляли интерес к подобной литературе, запрещали увлекаться «посторонним делом».

Другой привилегией Ч. Валиханова была предоставленная ему возможность посещать квартиры преподавателей и высокопоставленных чиновников. Образованная и увлекающаяся часть молодых и старших учителей и чиновников заинтересовалась Чоканом Валихановым. Во время дней отдыха и каникул они приглашали его к себе домой на обеды и официальные вечера. Чем больше они узнавали Чокана, тем больше он им нравился, и вскоре Чокан стал нужной личностью среди интеллигентной молодежи города. Первое время Чокан бывал у востоковеда Сотникова, потом у офицера генштаба Померанцева, Г. Гонсевского, а в последние годы учебы у К. Гутковского и Калустиных. Эти посещения оставили значительный след в развитии Чокана Валиханова.

Сотников, которого посещал Чокан Валиханов в первые годы пребывания в кадетском корпусе, окончил восточный факультет Казанского университета и состоял

⁴¹ «Голос мнущего», 1913, № 9, стр. 274; «Сибирская жизнь», 1913, 10 марта; Г. Н. Потанин Биографические сведения о Чокане Валиханове, стр. X.

⁴² «Сибирский вестник», 1866, № 3.

на службе в Сибирском управлении казахской степью. Он знал казахский язык, по делам службы бывал в ауле отца Чокана, писал статьи. По свидетельству Г. Н. Потанина, Сотников не был поддакивающим начальству чиновником, когда надо отстаивал свои взгляды, боролся за них и на этой почве часто ссорился в управлении. Ко всему этому он был энергичным молодым человеком, любящим действовать. Бывали случаи, когда он, переодевшись в степного джигита, падал на дороге на пешеходов ему высоких царских чиновников. В конце концов его осудили и сослали в Енисейскую губернию, где он бросился с борта парохода в реку и утонул⁴³.

Об учителе рисования Померанцеве, который заболел о Чокане после Сотникова и часто брал его к себе домой, а потом дружил с ним, известно только то, что он был молодым, веселым и скромным офицером генерального штаба и хорошо рисовал. Впоследствии он часто бывал вместе с Чоканом в доме Капустиных, участвовал в молодежных вечерах.

Пожалуй, самым значительным было близкое знакомство Чокана Валиханова с преподавателем Гонсевским. Как уже говорилось, Гонсевский сочувствовал декабристам, с особым подъемом излагал историю французской буржуазной революции. Кроме того, он сам был участником студенческих волнений. Современники и друзья Чокана Валиханова в один голос признают благотворное влияние Гонсевского на научное и идейное развитие и склад его мыслей.

Карл Казимирович Гутковский — поляк по национальности, занимал должности адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири, члена областного правления сибирских казахов, а в последние годы пребывания Ч. Валиханова в кадетском корпусе был председателем правления. Гутковский преподавал кадетам физику, артиллерию и тактику. Он имел энциклопедическое образование, считался поклонником Кювье, был организатором клуба «избранной омской интеллигенции», сочувствовал ссыльным революционерам, заводил связи с некоторыми из них.

Он с пониманием относился к положению казачьих офицеров, особенно тех, которые, получив образование,

⁴³ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XIII.

остро ощущали свое неравноправное состояние. Говорят, что однажды, защищая интересы молодых способных казачьих офицеров, он бросил упрек правительству: «Зачем лицам, лишенным свободы, оно дает просвещение? Это безжалостно»⁴⁴. Гутковский был одним из тех, кто в рамках колониальной политики желал добра местному населению, сокрушался при виде разительных недостатков управления степью. Будучи членом Степной комиссии 1865 г. он с сожалением говорил: «Я почти тридцать лет указывал властям на безобразные принципы, которыми управляются степи»⁴⁵. Гутковский осповал в Омске приют для девушек-сирот.

Чокан Валиханов быстро вызвал к себе уважение в семье Гутковских. Со временем он стал здесь настолько близким, что Гутковские заботились о Чокане, как о родном сыне⁴⁶. Дружественную связь с Гутковским Чокан сохранил и после учебы в кадетском корпусе. Во время службы Ч. Валиханова в системе администрации Западно-Сибирского генерал-губернаторства К. Гутковский с большим интересом и вниманием относился к различным предложениям Ч. Валиханова и поддерживал их, хотя это иногда вредило его престижу и служебной карьере. Уже после смерти Ч. Валиханова Гутковский проявил искреннюю заботу о его наследии и трудах. Он убедил султана Тезека (шурина Ч. Валиханова) отдать ему все черновые бумаги Чокана, которые могли бы затеряться в степи. Часть этих бумаг Гутковский передал в свое время П. П. Семенову-Тянь-Шанскому, а оставшаяся часть была передана его семьей профессору Н. Вессловскому, опубликовавшему произведения Чокана Валиханова в 1904 году в «Записках Русского географического общества».

Семья Канустиных, где собиралась передовая и образованная молодежь, была вторым родным домом Чокана в Омске после семьи Гутковских. О роли этой семьи в общественной жизни города, а также в развитии Ч. Валиханова более подробно будет сказано несколько позже. Здесь мы лишь укажем, что глава семьи, Яков Фе-

---

⁴⁴ Г. Н. Потанин. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1913, № 26.

⁴⁵ А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. I, стр. 259.

⁴⁶ Г. Н. Потанин. Д. Банзаров. Черная всра и др. статьи, стр. 27.

дорович Капустин, занимал должность советника главного управления Западной Сибири, его жена Екатерина Ивановна была родной сестрой знаменитого русского химика Д. И. Менделеева. По отзывам современников, она была необыкновенно приятной, общительной, культурной женщиной, выражавшей искреннее сочувствие ссыльным революционерам и принимавшей участие в облегчении их участи в Сибири. Забегая вперед, укажем, что в этой семье впоследствии Чокан встречался с революционером-петрашевцем Дуровым и другими политическими ссыльными.

Близкое общение с видными деятелями края оказало серьезное влияние на интеллектуальное развитие и на политическое образование молодого Чокана. Разговоры о большой политике, об управлении Сибирью и казахской степью, о политических ссыльных, прибывавших в этот период большими группами, и многие другие, которые велись часто в присутствии Чокана, все больше вводили его в курс жизни и событий. Некоторыми впечатлениями, полученными у Сотникова, Померашева, Гонсевского, Гутковского, Капустиных и из книг, Ч. Валиханов делился с близкими своими друзьями, невольно становясь «оком в Европу» для своих друзей-кадетов⁴⁷, которые узнавали от него много нового и интересного.

Во время летних каникул Ч. Валиханов, особенно когда он учился уже в старших классах, ездил к своим родным в степь. С каждым приездом рос его интерес к жизни и отношениям людей. Аулы богатых родных обслуживались многочисленной челядью, работниками. Ч. Валиханов часто бывал среди них, сочувственно относился к их думам и стремлениям. Он много разъезжал, общался с родными и неродными, часто гостил в далеком ауле Чормановых.

В это время некоторая часть местной знати за участие в феодально-монархическом движении Кенесары Касымова находилась в опале. Она выражала сожаление об утраченной «свободе народа», о привилегиях и правах представителей «белой кости». Другая часть знати, всячески проявляя свою верность царизму, стремилась стать его надежной опорой в управлении Казахстаном. Такое расслоение было характерно и для родных Ч. Ва-

⁴⁷ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XIV.

Лиханова, живших разными мыслями и тревогами. Чокан хорошо видел положение в степи и воспринимал его критически.

В 1853 году Чокан Валиханов на год раньше своих сокурсников оканчивает Сибирский кадетский корпус, ему присваивается офицерское звание корнета армейской кавалерии⁴⁸.

Теперь следует поставить вопрос, с какими знаниями и подготовкой, с какими убеждениями завершил Чокан Валиханов курс в Сибирском кадетском корпусе. Ему было 12 лет, когда перед ним впервые открылись двери этого учебного заведения, и покинул его взрослым, 18-летним. Годы пребывания в кадетском корпусе были годами упорной учебы и возмужания в самом широком значении этого слова.

Чокан Валиханов окончил Сибирский кадетский корпус с уверенностью и сознанием того, что посвятит себя исследованию Востока. Он мечтал стать ученым-путешественником. Эта мечта увлекла его еще в детстве, до приезда в Омск. К этой миссии он сознательно готовился в годы учебы в кадетском корпусе. Это решение находило полную поддержку у самых ценных им авторитетов — учителей, и это еще больше его воодушевляло.

Когда Чокану Валиханову было всего 14—15 лет, т. е. уже на третьем году обучения в корпусе, «кадетское начальство начало на него смотреть, как на будущего исследователя и, может быть, ученого. Сам Чокан мечтал о путешествии по Средней Азии», — писал его товарищ и друг Г. Потанин⁴⁹. Эта мечта с каждым днем становилась реальнее и сильнее. «К концу пребывания в корпусе Чокан начал серьезно готовиться к миссии, на которую ему указывали его покровители, читал путешествия по киргизской степи и Туркестану, изучал историю Востока...»⁵⁰, — читаем мы в другой статье того же автора.

Чокан Валиханов поражал сверстников-кадетов своей страстью к путешествиям, желанием открывать тайны восточных народов. Видный деятель Колосов, в свое время обучавшийся вместе с Чоканом Валихановым в

⁴⁸ Дети казахов не проходили последнего специального курса, где изучались военные науки.

⁴⁹ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XVII.

⁵⁰ «Сибирская жизнь», 1913, № 17.

кадетском корпусе, вспоминал впоследствии, как однажды группа кадетов, в которой был и Чокан, стояла у ворот учебного здания. Перед молодыми людьми простиралась бескрайняя степь. Чокан жадными глазами впился в голубую даль, а потом, взглянув на свою ногу, сказал: «Бог знает, где эта нога очугится впоследствии». Как рассказывает Колосов, эта фраза Чокана крепко запомнилась ему и он почувствовал, что «перед ним стоял необыкновенный человек»⁵¹.

Мы можем теперь сказать, что Чокан Валиханов как будущий ученый-путешественник формировался в стенах Сибирского кадетского корпуса. Это учебное заведение вправе было гордиться своим питомцем. В день столетия со дня основания корпуса, которое пышно отмечалось в 1913 году, в ряде приветствий юбиляру в числе выдающихся его воспитанников называлось имя Чокана Валиханова⁵².

Более сложным и в то же время весьма важным является выяснение того, с какими политическими взглядами окончил Чокан Валиханов кадетский корпус. Известно, что он живо интересовался литературным движением и общественно-политическими событиями в России. Ему были знакомы в некоторой степени новости Европы. Он немало слышался различных вестей и толкований о злободневных вопросах современности в кругу кадетов, от преподавателей, молодых офицеров и образованных чиновников. Все это, разумеется, не прошло бесследно для Чокана Валиханова.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что мировоззрение юноши Чокана Валиханова во время его пребывания в кадетском корпусе, формировалось под воздействием следующих условий.

1. Между кадетами существовало открытое социальное разделение. На одной стороне — дети дворян и привилегированных к ним офицеров, пользовавшиеся особым покровительством, на другой — дети казачьего сословия, униженные этим неравноправием, без всяких привилегий и недовольные своим положением. Получалось, что учебное заведение само различало среди своих воспи-

⁵¹ Там же.

⁵² Это отмечалось в приветствиях Сибирского казачьего войска, Западно-Сибирского отделения Русского географического общества и Павловского кадетского корпуса.

танников маленьких аристократов и демократическую массу. Такое отношение не могло не влиять на неокрепшее еще сознание казачьих детей. На этой почве у них постепенно зрело чувство протеста против социальной несправедливости. Именно в эту группу в качестве одного из ее лидеров входил в то время Чокан Валиханов.

2. Среди ведущих преподавателей были лица, которые сочувственно относились к демократическим и революционным движениям в России и на Западе, к деятельности Белинского, восторгались произведениями Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Лекции этих учителей увлеченно слушали кадеты, особенно дети казаков, среди которых был и Чокан Валиханов.

3. Почти все воспитатели и чиновники, которые так любовно и с интересом относились к Чокану Валиханову и вводили его в круг своих семей, были не только образованными людьми. Они, независимо от того, какое официальное положение занимали в обществе и какого взгляда в конечном счете придерживались, радовались прогрессу и с одобрением относились к подъему общественной мысли в России. Они были людьми нового поколения, усвоившими гуманные принципы XIX века и не стеснявшимися иногда критически оценить отдельные стороны политики правительства.

В то время в Омске, если говорить в целом, свободомыслие было в большем почете, чем преданность престолу и царю. Это отдавалось эхом и в домах некоторых чиновников, на вечерах и собраниях молодежи, которые посещал Чокан Валиханов. Недовольство крестьян и казаков вливалось в кадетский корпус через их детей, с которыми Чокан делил свою участь и, можно сказать, даже сросся с ними.

Вот в каких условиях проходило интеллектуальное становление Чокана, его идейное развитие.

Для определения характера и степени идейной зрелости Чокана Валиханова большую ценность имеют работы Г. Потанина, опубликованные им в разное время. Это описания его встречи с Дуровым (1900), биографический очерк о Чокане Валиханове (1904) и воспоминания (1913). Г. Н. Потанин, как никто другой, близко и хорошо знал мечты и взгляды Чокана Валиханова. Он писал следующее:

«Чокан много читал в то время. Чтение развило в нем *критические способности* (курсив наш.— Авторы), приложением которых он удивлял нас как в области нравственных вопросов, так и в области восточной филологии, которая становилась уже его специальностью» (стр. XVII).

«...Мы вышли из корпуса с большим интересом к общественным делам. Еще на школьной скамье мы задумывались, как мы будем служить прогрессу. Любовь к прогрессу у нас включалась в любовь к родине... О прогрессе вообще мы могли думать не иначе как только так, что мы будем толкать Россию по пути прогресса» (стр. 257- 258).

«Мы смотрели на себя, как на будущих борцов, и реформы могли быть встречены нами только рукоплесканиями. Мы даже сочувствовали революциям там, где общество не могло мирными средствами проложить путь к прогрессивным учреждениям...» (стр. 258).

Лекции преподавателя Гонсевского о французской революции 1789 года «сделали из нас республиканцев; Лафайет и Демулен стали нашими любимцами» (стр. 256). Другой учитель — Костылецкий «был очень хороший чтец и особенно славился у нас как превосходный чтец Гоголя. На казаков сильное действие произвел «Тарас Бульба»; мы увидели нечто общее между нами и героями Гоголя и почувствовали себя сродни тем республиканцам, которые избрали Кирдягу кошевым атаманом» («Сибирская жизнь», № 56).

«Склад политических воззрений, с которыми я и мои сверстники вышли тогда из корпуса, можно бы назвать политическим двоеверием или политическим двосмыслием» (стр. 256).

Во время учебы в кадетском корпусе «наши мнения были одинаковы», — указывал Г. Потанин, имея в виду Чокана Валиханова.

Эти строки говорят о многом: о том, что Г. Потанин и Ч. Валиханов вышли из кадетского корпуса с явно памятливым внутренним убеждением служить прогрессу и народу. В них хлопотала страсть к демократическим преобразованиям. Но они еще были молоды и незрелы, не имели опыта, недостаточно были знакомы со сложной действительностью, потому и не представляли еще себе конкретных путей действий. В то же время они

находились под влиянием общей господствующей идеологии -- сознательного и бессознательного почитания особы государя. Действительно, они были двоеверами.

Г. Потанин, как нам кажется, очень правдоподобно обрисовал внутреннее содержание этого политического двоеверия. «Да, мы были политические двоеверы, -- писал он в 1900 году, -- может быть, вроде Карамзина, который говорил о себе, что он в душе республиканец, хотя в то же время искренне любит своего монарха, как всерноодашний, или, может быть, вроде тех иркутян прошлого века, которые два раза, недовольные царскими восходами, поднимали против них бунт, заковывали их в кандалы, садили в острог. На воеводский стул садили сыновей этих воевод, грудных ребят, вводили казачий круг, т. е. казачью республику, учреждали народное правительство, а в Москву отписывали, что они выправили царскую службу и сокрушили крамолу против царя»⁵³.

Это уже совершенно не похоже на легкомысленные молодых людей, лишенное внутренней логики. Это настоящий бунт мысли, характерный периоду активного идейного пробуждения передовой молодежи, способной перейти к практическому действию.

Чокан Валиханов и Григорий Потанин вынесли из стен кадетского корпуса убеждения, в основном противоположные тем, какие это учебное заведение должно было прививать своим воспитанникам. Вместо терпимого отношения к сословным и социальным контрастам, которые они наблюдали в кадетском корпусе и за его пределами, у них выработалось мнение о несправедливости возвышения детей дворян и унижения детей казаков. Вместо чувства отвращения, которое должно было ими руководить в оценке противоправительственного движения декабристов и других революционеров, они горячо сочувствовали им и считали их настоящими героями. Вместо примирения с действительностью они находили ее далеко несовершенной и мысленно переносились то в ряды республиканцев, то в ряды борцов баррикад.

Словом, Чокан Валиханов и Григорий Потанин, как представители передовой части кадетов, покинули стены корпуса, можно сказать, с беспокойством в сердцах. В то же время они сохранили уважение к особе монарха. Они

---

⁵³ Г. П. Потанин. Встреча с С. Ф. Дуровым, стр. 259.

еще верили в возможность устранения недостатков и несправедливостей в обществе с помощью царя и царской власти, ибо они не знали и не мыслили себе другого государственного устройства. Однако это не может бросить тень на убеждения Чокана Валиханова и Григория Потанина. Подобных наивных чувств нельзя было миновать в тех условиях и в том возрасте, в котором находились эти только что надевшие эполеты молодые офицеры. Важно то, что они готовились жить с чистой мыслью служения человеческому прогрессу и народу. По свидетельству Г. Потанина, Чокан, будучи, кадетом, «мечтал о своем служении казахскому народу»⁵⁴. Приходится порою удивляться тому, как могли относительно высоко подняться в своем идейном стремлении Чокан Валиханов и Григорий Потанин. И в этом немалая заслуга кадетского корпуса и его преподавателей.

Академик В. А. Обручев в своей монографии, посвященной жизни и деятельности Григория Николаевича Потанина, дал следующую характеристику обстановки в кадетском корпусе в конце 40-х — начале 50-х годов. «Хотя корпус был закрытым учебным заведением, — писал он, — но... сношения с внешним миром у кадет были. Поэтому на них все же сказалось влияние передовой части русской интеллигенции. А к тому же до них докатились отголоски революционных событий 1848 г. Постепенно у некоторых кадетов стал оформляться горячий протест против вопиющего факта пребывания русского крестьянства в крепостной кабале и против колониальной политики русского царизма в Сибири, обрекавшей на вымирание местные национальности, именовавшиеся «инородцами»⁵⁵.

Из изложенного видно, что учеба в Сибирском кадетском корпусе дала Ч. Валиханову многое. Кроме приобретения знаний, он получил возможность общаться с передовыми, трезво мыслящими деятелями, втягивался в прогрессивное общественное движение и в политику. Ч. Валиханов жадно впитывал идеи, которым суждено было развиваться в более или менее цельную систему в последующие годы его жизни.

⁵⁴ Г. П. Потанин. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1913, № 67.

⁵⁵ В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. М.-Л., 1947, стр. 24.

2. Становление политических взглядов

Чокан вышел из кадетского корпуса европейски образованным офицером. Об этом свидетельствуют следующие слова Семена Яковлевича Капустина, который после окончания юридического факультета Казанского университета служил в главном управлении Западной Сибири. «Несмотря на разные программы этих двух учебных заведений (речь идет о Казанском университете и Сибирском кадетском корпусе. — *Авторы*), — писал он о Валиханове, — мы, познакомившись, не находили предмета, о котором бы различно думали»⁵⁶.

Чокан Валиханов по служебной линии рос быстро. Еще более поразительные успехи он делал в области наук. Царские администраторы хотели подчинить научные познания Ч. Валиханова интересам «большой политики». Начитанность и прекрасное знание ряда восточных языков, склонность к глубокому анализу и бескомпромиссность суждений, смелость в научных исканиях и свободное владение русским языком — все это делало Чокана Валиханова весьма полезным в государственных делах на Востоке. Эти его качества быстро были оценены властями в Сибири и они делали в первые годы службы Валиханова все необходимое для подготовки из него преданного престолу чиновника. Однако этому не суждено было сбыться.

Послужной список Чокана Валиханова небольшой, но примечательный. После окончания кадетского корпуса он был формально зачислен офицером в 6-й кавалерийский полк Сибирского казачьего войска, а фактически оставлен чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Западной Сибири⁵⁷. Это была ответственная должность, на которую обычно назначались наиболее опытные, зарекомендовавшие себя лица. Менее чем через год, 6 марта 1854 года, он назначается адъютантом начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Яковлева, а 12 октября того же года Чокан Валиханов определяется адъютантом ге-

---

⁵⁶ С. Я. Капустин. О Ч. Валиханове. ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 25-31.

⁵⁷ И. Ф. Бабков. Упомянутое сочинение, стр. 134.

перал-губернатора Западной Сибири Гасфорта⁵⁸. В дальнейшем ему поручается выполнение ряда важных заданий общегосударственного значения.

В 1855 году Ч. Валиханов в качестве адъютанта сопровождал Гасфорта в его инспекционной поездке по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. Эта поездка дала Ч. Валиханову многое: он знакомится с запросами, нуждами и жизнью народа, непосредственно наблюдает работу местных царских и «туземных» чиновников. Одновременно использует свое пребывание в этих районах в научных целях. Он собирает и записывает исторические предания, легенды, поэмы и песни. В 1856 году принимает участие в отряде полковника М. М. Хоментовского, снаряженного формально для съемки бассейна озера Иссык-Куль в Киргизии. На Ч. Валиханова была возложена самая ответственная часть задачи. Он должен был ознакомиться с бытом, культурой, языком и состоянием киргизского народа, а также иметь представление о влиянии и власти манатов в народе, вступить в связь и попытаться склонить их перейти в российское подданство, а принявших его — агитировать усиливать связи с Россией. В этой поездке на Тянь-Шань Ч. Валиханов впервые в истории киргизского народа изложил на бумаге отдельные отрывки знаменитого эпоса «Манас» Ч. Валиханов решил оставить Иссык-Куль только тогда, когда убедился, что «все, что нужно было ему видеть и знать, уже было кончено».

Через Западно-Сибирское генерал-губернаторство министерство иностранных дел России в 1856 году направило делегацию в Кульджу для переговоров с представителями цинской империи об улучшении торговли между Россией и Китаем, а также, при желании китайцев, войти в переговоры о границах. Руководителем делегации был назначен подполковник Перемышльский — пристав казахов Старшего жуза, который должен был действовать, во всем совещаясь с консулом в Кульдже. В состав делегации входил и Ч. Валиханов. Он работал в тесном контакте с Перемышльским, оказавшимся гуманной лич-

---

⁵⁸ См. формулярный список о службе штаб-ротмистра султана Чокана Валиханова. (Этот материал находится в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР).

ностью с университетским образованием, постоянно выписывавшим и читавшим «Современник».

Переговоры с китайцами не дали особых результатов⁵⁹. В связи с участием Ч. Валиханова в этих переговорах как в дореволюционной, так в советской литературе ошибочно принято считать, что Ч. Валиханов руководил делегацией и что благодаря ему был заключен Тарбагатайский договор, открыты консульства в Кульдже и Чугучаке⁶⁰; Кульджишский трактат, который предусматривал создание в Кульдже и Чугучаке русских консульств и факторий, был заключен Е. П. Ковалевским в 1851 году⁶¹, то есть тогда, когда Чокан еще учился в кадетском корпусе. Сам Ч. Валиханов по этому поводу писал: «Русская фактория основана в Кульдже и Чугучаке в 1852 году для выгод нашей прежней торговли». Он также указывал, что руководителем делегации был Перемьяльский⁶². Заслугой Ч. Валиханова было, по-видимому, то, что он, участвуя в делегации, приложил все свое умение для регулирования некоторых частных вопросов, вытекавших из ранее заключенных договоров.

Результатом этих поездок Ч. Валиханова явились его «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Киргизы», «Западный край китайской империи и г. Кульджа», в которых содержатся ценные научные сведения по истории, этнографии, географии, флоре и фауне посещаемых им местностей.

С приближением границ к Кашгарии и Западному Китаю царское правительство стало проявлять к ним особый интерес. Для сбора сведений об этих землях Гасфорд решил послать Ч. Валиханова в киргизские кочевья, примыкавшие к этим землям. Ч. Валиханову было поручено вручить подарки киргизскому маңапу Бурамбаю. Это был лишь предлог⁶³.

⁵⁹ М. И. Венюков. Очерк старых и новых договоров России с Китаем. СПб., 1861, стр. 25.

⁶⁰ А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. I, стр. 353; А. Х. Маргулан. Жизнь и деятельность Чокана Валиханова. В кн.: Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 39; А. Х. Маргулан. Очерк жизни и деятельности Ч. Валиханова. В кн.: Ч. Валиханов. Собрание сочинений т. I, стр. 53; М. Фетисов. Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX века. Алма-Ата, 1959, стр. 466.

⁶¹ Н. А. Халфин. Три русские миссии. Ташкент, 1956, стр. 27.

⁶² Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 391, 395.

⁶³ Госархив Омской области, ф. 366, оп. I, д. 257, л. 53.

По приезде в укрепление Верное в 1857 году Ч. Валиханов доносил Гасфорту, что он в связи с наступлением зимы не может так скоро добраться до аула Бурамбая. Собрав сведения от купцов и местных жителей пограничных районов о восстании, вспыхнувшем в это время в Кашгаре и Западном Китае, он послал их почтой⁶⁴. Правящие круги России видели возможность использования этого восстания для реставрации власти прежней (магометанской) династии в Кашгарии, стремившейся к отдалению ее от Китая. Царское правительство хотело, чтобы это будущее ханство имело прорусскую ориентацию и даже сохраняло зависимое от России вассальное положение⁶⁵. Донося царю о некоторых результатах этой миссии, губернатор Гасфорт писал, что Ч. Валиханов «хорошо ознакомился с историей и нынешним состоянием среднеазиатских владений»⁶⁶.

Следует сказать, что Кашгария привлекла внимание и Англии, которая в 1857 году послала туда своего агента Адольфа Шлагинвейта под видом немецкого ученого, интересующегося исключительно путешествиями. После того как Шлагинвейт был убит вожаком восставших Валихантюре, англичане послали в Кашгар Абдул-Хамиду⁶⁷. На соперничество Англии и России в Средней Азии и возможное их столкновение в этих районах указывал и Ф. Энгельс⁶⁸.

В августе 1857 года директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел России Е. Ковалевский поднял вопрос о посылке в Кашгарию человека. Обсудив записку Е. Ковалевского, военное министерство и министерство иностранных дел приняли совместное решение: «Командировать в Кашгар подготовленного офицера для сбора сведений о местной ситуации». Это решение было одобрено и утверждено царем, который приказал послать «доверенное — лицо негласно»⁶⁹. Поэтому военное министерство предупредило генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта: «Должно соблюсти только,

⁶⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, 447 коллекция, ед. хр. 4, л. 138.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, 446 коллекция, ед. хр. 4, л. 14.

⁶⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, 447 коллекция, ед. хр. 4, л. 45.

⁶⁷ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 648, св. 73, лл. 1—9; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19275, ч. 3, л. 6.

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 614.

⁶⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, 447 коллекция, ед. хр. 4, лл. 12—13.

чтобы посылаемое лицо получило от Вас наставления не иначе как изустно, и чтобы ни под каким предлогом никаких бумаг, могущих обнаружить его положение и звание, при нем не находилось»⁷⁰. Для выполнения этого ответственного задания — проникновения в закрытую для европейцев Кашгарию — выбор генерала Гасфорта остановился на поручике Ч. Валиханове, «как на единственно подходящем из всех офицеров Отдельного Сибирского корпуса..., с очень хорошими дарованиями, и на расторопность которого вполне можно положиться»⁷¹.

Всю зиму шла переписка между Ч. Валихановым, находившимся в Верном, генерал-губернатором Гасфортом и начальником правления области сибирских казахов К. Гутковским. Было решено послать Валиханова с торговым караваном. С каравана была снята пошлина, и его составу было поручено не гнаться за выгодой, а направлять караван по желанию путешественника-разведчика.

23 июня 1858 года генерал Гасфорт встретился с Ч. Валихановым в Каратале и повторил ему все наставления о строгой секретности и осторожности⁷².

Ч. Валиханов понимал опасность своего путешествия и тем не менее, как это видно из хода подготовки каравана, охотно шел на выполнение поставленной перед ним задачи. В данном случае для Ч. Валиханова научные цели (познание малоизвестного края) и служебные обязанности (сбор сведений об общественно-политической жизни края) совпадали. Это путешествие, несмотря на его опасность и трудности, сильно его увлекало.

Выехав в Кашгарию 28 июня 1858 года, Ч. Валиханов вернулся по выполнению задачи в Верное (Алма-Ата) 12 апреля 1859 года. В Кашгарии Ч. Валиханов жил на нелегальном положении, выдавая себя за сына кашгарского купца, пропавшего без вести в пределах России еще в 30-е годы. Эту роль он сыграл весьма искусно. Подчиняясь неписанным законам страны, он вступил здесь во временный брак. Избранница Ч. Валиханова оказалась не только привлекательной, но и сметливой — она

⁷⁰ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 333.

⁷¹ Там же.

⁷² ЦГВИА, ф. ВУА, 447 коллекция, ед. хр. 4, л. 165; Госархив Омской области, ф. 366, оп. 1, д. 257, лл. 93—95.

хорошо знала местные события, и из ее рассказов Чокан Валиханов почерпнул немало полезных сведений.»

О результатах путешествия в Кашгарию Ч. Валиханов писал после возвращения следующее: «Что касается до моих действий, то я во время пребывания в Кашгаре старался всеми мерами собрать возможно точные сведения о крае, особенно политическом состоянии Малой Бухарии, для чего заводил знакомство с лицами всех наций, сословий и партии, и сведения, полученные от одного, сверял с показаниями другого. Сверх того я имел случай приобрести несколько интересных книг, относящихся к периоду владычества ходжей, и пользовался дружбой некоторых ученых ахунов... Факты, относящиеся к территории шести городов и туземного его населения, приобретенны от кашгарских беков, шейхов, ахунов и от моих кашгарских родственников, людей, сведущих в этом деле»⁷³.

«Научный труд Ч. Валиханова «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)», в котором были изложены итоги путешествия, был признан ученым миром как оригинальное и капитальное исследование. Следует сказать, что к этому времени Чокан Валиханов уже считался видным ученым. Еще до отъезда в Кашгарию 27 февраля 1857 года по рекомендации и предложению П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского Ч. Валиханов был избран в действительные члены русского географического общества.

В Петербурге Ч. Валиханова ждали с результатами его поездки в Кашгарию. Но приехав в Омск, Ч. Валиханов заболел. Об этом генерал Гасфорт сообщал военному министерству⁷⁴. Донесение с отчетом Ч. Валиханова о политическом состоянии Кашгарии было отправлено почтой и прибыло в столицу раньше, чем он сам.

В Петербурге Ч. Валиханов за образцовое выполнение задания был награжден орденом Святого Владимира IV степени, следующим чином — штаб-ротмистра, получил единовременное поощрение в 500 рублей. Правительство взяло на себя и его долг в сумме 1175 руб-

⁷³ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 483—484.

⁷⁴ ЦИВИА. ф. ВУА. 447 коллекция, ед. хр. 4, л. 211.

лей⁷⁵. По представлению Ч. Валиханова, были награждены каравабашы: Мусабай (золотой медалью), Букаш (золотой медалью и чином хорунжего) и другие. Цаграду получил и Гутковский за подготовку каравана⁷⁶.

Е. Ковалевский представил Ч. Валиханова графу Д. Блудову — председательствующему в Сибирском комитете, через которого его отчеты о поездке в Кашгарию проникли в высшие круги столицы, воздавшие должное таланту молодого исследователя и проявившие исключительно живой интерес к его личности. Им интересовались граф А. И. Толстой — обер-прокурор святейшего синода, полковник Д. Романовский — заведующий отделением департамента генерального штаба по делам кавказским, оренбургским и сибирским, с которым Ч. Валиханов впоследствии завязал дружественные отношения.

Путешествие в Кашгарию было настоящим научным подвигом. Западно-Сибирское отделение Русского географического общества в своем приветствии Сибирскому кадетскому корпусу в день его столетия, как заслугу этого учебного заведения, отмечало: «В те же невдомые, но крайне враждебно к нам настроенные края, в начале 60-х годов по поручению сибирского начальства проникает под видом среднеазиатского торговца молодой казах, поручик русской службы, питомец Омского кадетского корпуса Чокан Валиханов, проживает там под ежеминутным страхом быть узнанным и преданным позорной казни, подробно исследует тогдашнее положение тех ханств и Кашгарию, благополучно возвращается в Россию и представляет подробнейшие, захватывающего интереса отчеты о своем путешествии, напечатанные потом в изданиях Географического общества»⁷⁷.

Официальная служба не сделала Чокана Валиханова только чиновником. Имея дарование ученого и отдаваясь науке, он не стал только ученым. Его волновали жизнь и чаяния народа, как казахского, так и русского. Он еще в большей степени, чем в период учебы, стал интересоваться и заниматься политикой, установил непосредственные контакты с многими передовыми лю-

⁷⁵ Там же, лл. 211—212.

⁷⁶ ЦГВИА, ф. 4, оп. 27, д. 84, лл. 1—2.

⁷⁷ «Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса». М., 1915, стр. 279.

дьями края, учился у них мыслить по-революционному. Современные ему условия Западной Сибири, в особенности политическая жизнь Омска, благоприятствовали идейному росту и совершенствованию Чокана Валиханова.

Западная Сибирь была местом ссылки. Здесь отбывали наказание декабристы (в 20—30-х годах), польские демократы, студенты Московского, Петербургского и Киевского университетов, принимавшие участие в политических кружках, революционеры-разночинцы и крестьяне, оказавшиеся «неблагонадежными». В начале 50-х годов в Сибирь прибыла группа активных участников революционного кружка в Петербурге — М. В. Бугашев-Пестрашевский, Н. А. Спешнев, С. Ф. Дуров, Ф. М. Достоевский. Жил здесь в ссылке и Бакуниц. Поток революционеров — студентов и разночинцев — становился обычным явлением для жизни Сибири.)

Интеллектуальным и идейным центром Сибири в 50-е годы был город Омск. Здесь находились не только канцелярия Западно-Сибирского губернатора, штаб Отдельного Сибирского корпуса и первый в Сибири кадетский корпус; а следовательно, большое общество офицеров и чиновников, среди которых было немало образованных и передовых людей. (Здесь сходились и пути ссыльных революционеров.) Они назначали сходы, приезжали из других городов Сибири, чтобы встретиться и побеседовать перед отъездом в районы Центральной России. При отправке на места поселения и при передислокации многие ссыльные проезжали через Омск. Некоторые из них отбывали наказание в самом городе или оставались жить в нем по освобождению. Все это не могло не влиять на обстановку в городе.

На идейную жизнь города существенное влияние оказывали события, происходящие в стране, в особенности в Петербурге и Москве. В Сибири появились призывные и высокохудожественные произведения Щедрина, Тургенева, Некрасова. Не менее широкое распространение получило литературное наследие Белинского. В Омске зачитывались Чернышевским. Он стал превращаться в любимого писателя и публициста во многих интеллигентных семьях, среди образованной молодежи и офицерства. В 1860 году жители Омска получали 19 экземпляров журнала Чернышевского «Современник», в то время

как все остальные города Тобольской области (Тобольск, Петропавловск и другие) — 24 экземпляра⁷⁸.

Важно здесь отметить, что население Западной Сибири, устроившись более «свободно», чем крестьяне центральных губерний России, на каждое притеснение, которые в XIX веке участились, реагировало более возбужденно и открыто выражало протест против ущемления своих прежних прав. В сибирских крестьянах еще сохранился здоровый дух свободолюбия. Они в основном сочувственно отнеслись к политическим ссыльным, порою легко поддавались влиянию их положительных идей. Правительственные надсмотрщики над политическими ссыльными часто доносили своим начальникам о подобном рода явлениях, «отрицательных», по их мнению. Так, тобольский губернатор в 1834 году вынужден был признать, что отдельные ссыльные декабристы были «замечены в связях с некоторыми крестьянами и посельщиками тамошнего округа и обратили на себя подозрение в делании им советов и внушений, клонящихся к поселению в них духа ябедничества, недоверчивости и даже неуважения к местному начальству»⁷⁹. В одном из донесений 1834 года говорилось, что в Томской губернии ссыльные поляки и «некоторые из русских ее поселенцев» летом 1833 года «были действительно в волнении, в ожидании чего-то особенного. Если после принятых мер они успокоились, по-видимому, то нельзя, кажется, и ныне прекращать бдительного наблюдения за людьми подозрительными, каковых между многими тысячами посельщиков, обременяющих Томскую губернию, находится немало»⁸⁰.

Недовольство мероприятиями царского правительства в Сибири, характерное для основной крестьянской массы, не могло не находить отклика у передовых представителей местной интеллигенции и офицерства. Оно влияло и на Чокана Валиханова, который не только в годы учебы и службы в Западной Сибири, но и под конец жизни, с надломленным здоровьем, как писал его друг Г. Н. Потанин, «живя в юрте и одеваясь киргизом... до

⁷⁸ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 7. М., 1950, стр. 423—424, 896—898.

⁷⁹ Государлив Омской области, ф. 3, оп. 13, д. 4, л. 1.

⁸⁰ Там же, л. 6.

последней минуты жизни жил интересами европейского общества»⁸¹.

Возвышенные думы и стремления русского и казахского народов, идеи ссыльных демократов и революционеров, взгляды передовых представителей местной интеллигенции и офицерства — вот те родники, которые питали убеждения Чокана Валиханова в годы службы в Сибири.

Чокан Валиханов, наряду с научными исканиями, усиленно работает над своим идейно-политическим совершенствованием. Он завязывает новые знакомства с некоторыми из видных деятелей демократического и революционного движения, находившимися в Омске и в других городах Западной Сибири, регулярно читает передовые журналы, старается быть в курсе общественно-политических событий в России.

Летом 1854 года в Заилийском крае Ч. Валиханов встречается с ученым П. П. Семеновым и в дальнейшем поддерживает с ним тесную связь. В свое время П. П. Семенов, как и Ф. М. Достоевский и С. Ф. Дуров, являлся членом революционного кружка М. Пестрашевского, который, по его же определению, руководствовался «идеей освобождения крестьян»⁸². П. П. Семенов считал себя сторонником петрашевцев и до конца жизни сохранил к ним уважение⁸³. Вместе с тем он к этому времени был уже известным ученым с разносторонними связями и пользовался влиянием и авторитетом в официальных кругах. Встречи и постоянное общение с ним помогли Чокану Валиханову многое понять и уяснить. В их беседах затрагивались как вопросы политики, так и вопросы науки: В 1857 году Ч. Валиханов неоднократно встречается с П. П. Семеновым в Омске, в доме Капустиных, у себя дома. Однажды при откровенном разговоре с Чоканом Валихановым, П. П. Семенов сказал: «Тяжела жизнь на Руси и покуда не освободим мы крестьян от крепостной зависимости, лучше она не станет. А освобождение близится... Близится! И я спешу в Петербург»⁸⁴.

⁸¹ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 30, 38.

⁸² П. П. Семенов. Мемуары, т. I. Пг., 1917, стр. 205—207.

⁸³ М. И. Фетисов. Литературные связи России и Казахстана. М., 1956, стр. 321.

⁸⁴ И. Завелин. Чокан Валиханов. М., 1956, стр. 19.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский отдавал должное таланту и познаниям молодого Ч. Валиханова, восхищался его умением находить и обобщать научные материалы. Он «тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, — писал П. Семенов-Тянь-Шанский, — изучал среднеазиатские наречия, дорогою ценою скупал древности, находимые туземцами в старых развалинах и могилах, с опасностью жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи»⁸⁵. В библиотеке Чокана было собрано все, что было напечатано о казахах по-русски. Несколькими позже в рекомендательном письме к своему дяде, П. Семенов писал о нем «как об удивительном молодом человеке, который, живя в глухой провинции, сумел приобрести громадную начитанность в литературе о Востоке»⁸⁶. П. Семенов подал генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту мысль командировать Ч. Валиханова в Кашгар и по возвращении дать ему возможность, оставаясь на службе при генерал-губернаторе, поехать в Петербург на продолжительное время для обобщения и разработки собранных им этнографических и исторических материалов о казахской степи. При этом Семенов обещал Ч. Валиханову широкое покровительство и содействие Географического общества⁸⁷. Как известно, исследователь сдержал слово, данное Ч. Валиханову.

В Заилийском крае Ч. Валиханов много говорил П. П. Семенову о своем друге — казачьем офицере Григории Николаевиче Потанине, и позднее П. Семенов, отыскав в Омске Чокана, едет с ним к Потанину. Впоследствии Семенов очень много помогал Г. Н. Потанину — будущему знаменитому путешественнику и исследователю Монголии и Китая.

Ч. Валиханов был другом великого русского писателя Ф. М. Достоевского, с которым лично познакомился в 1854 году. О нем Ч. Валиханов, конечно, слышал гораздо раньше. В тех домах, где часто бывал он, знали наперечет всех политических ссыльных, отбывавших нака-

---

⁸⁵ Отчет Географического общества за 1865 год. СПб., 1866. стр. 9.

⁸⁶ ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 322, д. 14; «Сибирская жизнь», 1913, № 17.

⁸⁷ П. Семенов. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958, стр. 269.

зание в Омском остроге, тем более тех из них, которые уже имели некоторую славу литератора и революционера.⁸⁷

Известно, что молодой Достоевский в 40-х годах находился под влиянием Белинского, посещал его кружок. «Все эти тогдашние новые идеи, — писал Достоевский об этом периоде, — нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до Парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю правду этого грядущего «обновленного мира» и во всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским»⁸⁸. Это чувство привело его потом в революционный кружок Петрашевского. С этим убеждением он стоял в 1849 году на площади, ожидая казни. С этим идеалом он, закованный в кандалы, отправился в Сибирь, где суждено было ему найти искреннего и близкого друга и почти единомышленника в лице Чокана Валиханова.

В течение четырех лет Ф. М. Достоевский содержался в Омском остроге. За это время в его убеждениях произошли известные перемены. У него усилились набожность и настроения примирения, как следствие этого немного ослабла революционная страстность. Однако он сохранил глубокую веру в торжество гуманности и справедливости, как никто другой глубоко видел пороки существующего режима — «мертвого дома». Ф. Достоевский вошел в русскую историю как гениальный обличитель буржуазного общества, великий художник-гуманист. Об этой его главной черте хорошо сказал один его современник: даже его идейные противники признавали в нем замечательное качество — «это непрерывное горение в гениальной душе вечных вопросов человеческого существования»⁸⁹. Нельзя не согласиться с мнением советского исследователя В. Кирпотина, что Ф. М. Достоевский в трудных для него физических и моральных испытаниях отстаивал «важные основы гуманизма, вырабо-

---

⁸⁷ Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 135.

⁸⁹ Ч. Ветрицкий. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. М., 1912, стр. XXIX.

танного им под влиянием печатных и устных уроков Белинского»⁹⁰.

Ф. М. Достоевский сохранил на всю жизнь память о Белиском. «Это была самая восторженная личность из всех мне встречающихся в жизни», — писал он в «Дневнике писателя за 1873 год»⁹¹. Федор Михайлович поддерживал личный контакт с Н. Г. Чернышевским, питая уважение к его таланту и характеру. Но Достоевский не был в этот период его единомышленником. Не поняв путей борьбы с буржуазным обществом, он не поддерживал действий русских революционных демократов, выступал против их призывов к восстанию.

По отбытии наказания в Омском остроге Ф. М. Достоевский некоторое время перед выездом к месту службы остается в городе. В доме Ивановых, где жили Дуров и Достоевский, происходит первая встреча их с Чоканом Валихановым, которая затем переходит во взаимную дружбу и любовь.

Скоро Ф. М. Достоевский переселяется в Семипалатинск, где был расквартирован седьмой линейный батальон, рядовым солдатом которого он определялся. В Семипалатинске у Ф. М. Достоевского неоднократно бывал Чокан Валиханов. Барон Врангель, бывший в это время прокурором Семипалатинской области и сблизившийся с Ф. М. Достоевским, в своих воспоминаниях о нем указывал, что «из немногих посещавших нас последнее время лиц, — помню, между прочим, заехал проездом, чтобы повидать Достоевского, молодой, премилый офицер-киргиз, воспитанник Омского кадетского корпуса, внук последнего хана Средней орды Мухамедханафия Валиханова... Мне он очень понравился, и Достоевский очень был рад повидать его»⁹².

Взаимная привязанность Ф. М. Достоевского и Чокана Валиханова с течением времени переросла в нежные трогательные отношения. Перед отъездом из Семипалатинска к себе на родину — в Тверь Ф. М. Достоевский, прощаясь с Чоканом Валихановым, дарит ему

⁹⁰ В. Кирпотин. Достоевский и Белинский. М., 1960, стр. 48.

⁹¹ Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. 19. СПб., 1896, стр. 157.

⁹² А. Е. Врангель. Воспоминания о Достоевском в Сибири 1854—1856 гг. СПб., 1912, стр. 95.

небольшой кинжалик, хранившийся до того у него как ценная память о другом человеке. В свою очередь Чокан Валиханов преподносит ему свой палисандровый ящик, в котором впоследствии Достоевский хранил рукописи и письма. После смерти Чокана Валиханова Достоевский как-то сказал своей будущей жене Анне Григорьевне: «Видите этот большой палисандровый ящик? Это подарок моего сибирского друга Чокана Валиханова, и я им очень дорожу. В нем я храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие мне по воспоминаниям...»⁹³

Ф. М. Достоевский по характеру был несколько нервно-болезненным, прямым, а иногда и крутым человеком. Он видел собеседника насквозь, почти не заводил знакомства с теми, кто не нравился ему, был весьма щепетильным и разборчивым в выборе друзей. Если он, будучи старше Чокана Валиханова почти на 15 лет, все же нашел в его лице «премилого и пресимпатичного человека» и друга, то это говорит о высоких человеческих качествах и идейно-нравственной полноценности Чокана Валиханова.

«Мне так приятны эти немногие дни,— писал Ч. Валиханов Ф. М. Достоевскому после посещения его в 1856 году,— проведенные в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю»⁹⁴. Далее он сообщает, что Омск стал ему «противен со своими сплетнями и вечными интригами» и серьезно подумывает оставить его. «Посоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше», — обращается он к своему учителю. Во второй половине 1862 года, в период некоторого морального кризиса, вызванного непрерывными, незаконными и грубыми действиями Омского губернатора, а также осложнением отношений в родительском доме, Чокан Валиханов пишет Ф. М. Достоевскому в Петербург: «Пожалуйста,

---

⁹³ «Воспоминания А. Г. Достоевской». М.—Л., 1925, стр. 45. Вторая жена Ф. М. Достоевского лично не видела Чокана Валиханова. Судя по тому, как она вспоминала этот рассказ уже в преклонном возрасте и спустя почти 30 лет после смерти мужа, можно думать, что она много раз слышала из уст своего мужа о Чокане Валиханове, и его имя оставалось близким в их семье.

⁹⁴ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 545.

посоветуй, что делать»⁹⁵. В своих советах Ф. М. Достоевский делал упор на необходимость «быть необыкновенно полезным своей родине»⁹⁶, любить свой народ и бороться за его интересы.

Дружба с такой великой личностью, как Ф. М. Достоевский, научила Чокана Валиханова жить, трудиться на благо и в интересах народа, мыслить глубоко и критически, ценить справедливость, гуманизм и свободу.

Почти в это же время Чокан Валиханов сблизился с С. Ф. Дуровым, отбывшим наказание по делу петрашевцев. Дуров в отличие от Достоевского был революционером до мозга костей и остался таким на всю жизнь. Поэтому его влияние на Чокана Валиханова было особенно конкретным и радикальным.

С. Ф. Дуров был наиболее видным деятелем в кружке Петрашевского. Как известно, здесь много говорили о немедленном уничтожении крепостного права, связывая с этим свободу слова, гласность и развитие общественного мнения. Некоторые члены этого кружка предпочитали борьбе конституционные методы. С. Ф. Дуров в отличие от них был склонен отстаивать «именно революционный способ разрешения крестьянского вопроса»⁹⁷.

С. Ф. Дуров (1816—1869) происходил из дворянской семьи, но рано остался без родителей и без какого-либо наследства и всю сознательную жизнь жил своим личным заработком. Он окончил пансион при Петербургском университете и был разносторонне образованным человеком, в совершенстве владел французским, английским, польским и латинским языками. Очень рано начал писать стихи, переводил Горация, Данте, Гюго, Байрона, Байрона, Мицкевича и др. В свое время Белинский похвально отзывался о его переводных трудах⁹⁸.

За активное участие в кружке Петрашевского, за «прогнуправительственные мысли» С. Ф. Дуров, вместе с Ф. М. Достоевским, был приговорен к расстрелу, позже замененному лишением всех прав состояния и 4 годами каторги. Отбывал наказание в Омском остроге. Годы

⁹⁵ Там же, стр. 564—565.

⁹⁶ Ф. М. Достоевский. Письма, т. 1. 1928, стр. 200.

⁹⁷ Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. М.—Л., 1936, стр. 34.

⁹⁸ В. И. Семевский. Неграшевы С. Ф. Дуров, А. И. Пальм, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев. «Голос минушнего», 1915, № 11, стр. 5—8.

каторги серьезно подточили его здоровье. Он страдал хроническим ревматизмом с осложнением на сердце. И вышел из острога, как говорили тогда, «развалушкой и с одышкой», физически надломленным, но духовно по-прежнему крепким. Его революционность ничуть не ослабла. Наоборот, у него как бы прибавилось ненависти к царизму, он стал вкладывать больше страсти в пропаганду своих взглядов.

После отбытия наказания он вместе с Ф. М. Достоевским жил в доме Анны Андресовны Ивановой, дочери декабриста Анисимова. Ее мать в свое время последовала за мужем на каторгу. Иванова высоко чтит своих родителей и многое переняла от них. Врангель, хорошо знавший ее, сообщает, что «г-жа Иванова была чудная, добрая женщина, высокообразованная, защитница несчастных, особенно политических»⁹⁹. Ее и семью хорошо знал Чокан Валиханов, он часто бывал у нее и здесь встретил С. Ф. Дурова.

С. Ф. Дуров по выходе из острога был зачислен рядовым в один из местных казачьих батальонов, но по состоянию здоровья нести службу не мог и в 1855 году вышел в отставку. Надеясь поправить здоровье, он оставался в Омске по крайней мере до лета 1857 года. В течение более чем трех лет (1854--1857) Чокан Валиханов постоянно навещал его, проводя вечера в беседах, встречался с ним у Капустиных. Чем больше Чокан Валиханов узнавал Дурова, тем больше проникался уважением к этой необыкновенной и высокой личности. Он говорил, что С. Ф. Дуров «это человек с таким многосторонним образованием и с такой изящной душой, какого я еще не видывал»¹⁰⁰, и что это человек «с необыкновенными идеями»¹⁰¹.

С. Ф. Дуров хорошо знал социалистическую литературу Запада. В кружке петрашевцев он работал бок о бок с людьми, побывавшими за границей и специально изучавшими идеи социализма в Европе (Спешнев) и даже знакомыми с «Коммунистическим манифестом»

⁹⁹ А. Е. Врангель. Воспоминания о Достоевском в Сибири 1854—1856 гг., стр. 13.

⁹⁸ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, 1928, стр. 200.

¹⁰⁰ Г. И. Потанин. Встреча с С. Ф. Дуровым, стр. 259.

¹⁰¹ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XXIV.

К. Маркса¹⁰². Нечего и говорить о том, что он был весьма компетентен в вопросах революционного движения в России. Его рассказы и беседы главным образом касались политических тем, были насыщены и страстными. Все те, кто знал его и встречался с ним, отмечают его простоту и задушевный характер бесед, захватывающих, увлекательных, касающихся самых сложных и злободневных вопросов политики. (Под непосредственным влиянием этой личности формировалась политическая зрелость Чокана Валиханова, который восторгался идеями Дурова, декабристов и петрашевцев и готовился жить и действовать под знаменем этих идей.)

В этот период Ч. Валиханов быстро прогрессирует в своем идейном и политическом развитии: от известного почитания самодержавия, характерного для юности Валиханова, он переходит к критическому осмыслению 30-летнего царствования императора Николая I, становится носителем демократических и революционно-просветительных идей. Судя по рассказам современников, в особенности Г. Н. Потанина, у Чокана в годы службы в Омске от былого «двоеверия» ничего не осталось. «Чокан постепенно усваивал новые идеи, приносимые книжками журналов, — писал Г. Н. Потанин, — и когда я вернулся в Омск (1857 год. — *Авторы*), это был преобразованный (курсив наш. — *Авторы*) человек, а я остался при тех взглядах, с какими вышел из кадетского корпуса»¹⁰³.

Г. Н. Потанин с горечью заметил, что его политические убеждения «сильно расходились в это время с убеждениями Чокана»¹⁰⁴. Чокан Валиханов «нередко заезжал ко мне по вечерам, и мы много спорили по поводу тогдашних направлений в журналистике; во многих пунктах наши взгляды не сходились, мы горячились, сердились друг на друга и на самих себя, и расходились очень раздраженными»¹⁰⁵. Чокан «напрасно бился со мной: я оставался по-прежнему двоевером. Когда он после спора уезжал от меня, я сознавал себя разбитым наголову; мой арсенал беднее его, я сознавал себя боль-

¹⁰² Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев, стр. 9.

¹⁰³ Г. Н. Потанин. Встреча с С. Ф. Дуровым, стр. 255—256.

¹⁰⁴ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XXIII.

¹⁰⁵ Г. Н. Потанин. Встреча с С. Ф. Дуровым, стр. 255.

шим невеждой, но все-таки не уступал; слишком глубоко укоренились во мне те симпатии, которые он хотел разрушить... Я тогда еще не понимал, что дело в системе управления, а не в отдельных личностях. Мне представлялось, что разные бездарные и нечестные личности случайно залезли в Сибирский край, и что вся сила в них»¹⁰⁶. Более того, Г. Н. Потанину тридцатилетнее царствование Николая I казалось «самой славной страницей русской истории»¹⁰⁷.

Чокан Валиханов был не из тех, кто мог примириться с остальными, по его мнению, убеждениями своего друга. «Чокан часто приезжал ко мне спорить, — пишет Потанин, — пытался приучить меня критически относиться к прошлому царствованию... Чокан немало вечеров употребил, немало крови потратил на то, чтобы обратить меня в свою веру..., но я упорствовал, пока не познакомился с Дуровым»¹⁰⁸.

Эта встреча состоялась весной 1857 года. Ее организовал Чокан Валиханов. Беседа, длившаяся до глубокой ночи, была откровенной и пламенной. Когда зашла речь об администрации Западной Сибири, С. Ф. Дуров «не стеснялся в сильных выражениях, перебирая ее грехи и преступления». Когда Г. Н. Потанин высказался в том плане, что для борьбы с этими безобразиями необходимо, чтобы явился свой сибирский Гоголь, Дуров, пишет Г. Н. Потанин, «развечал мою идею. Смех, сказал он, слабое, недействительное средство: смех примиряет со злом. Портреты Ноздрева, генерала Бетрищева, Сквозника-Дмухановского забавляют нас, а не удручают. Скучно, взглянешь на эту русскую галерею, расхохочешься и повеселеешь. Нужен не смех, а прямое указание зла». В речах С. Ф. Дурова Г. Н. Потанин услышал «горячий протест человека, раздавленного режимом только что минувшего тридцатилетия...». Действие этих речей было такое, что собеседник стал вскрикивать в то, что та же лавина раздавила бы и его, «если бы ее движение не остановилось»¹⁰⁹.

Беседа революционера С. Ф. Дурова произвела на Г. Н. Потанина сильное впечатление. «Со мной совер-

¹⁰⁶ Там же, стр. 259.

¹⁰⁷ Там же, стр. 263.

¹⁰⁸ «Сибирская жизнь», 1913, № 118.

¹⁰⁹ Г. Н. Потанин. Встреча с С. Ф. Дуровым, стр. 262, 263.

шился переворот, — писал он, вспоминая эту встречу. — Я ушел от Дурова тем, до чего меня хотел довести мой друг Чокан»¹¹⁰. Несколько позже, вспоминая этот день, как день своего «духовного перелома», после которого он «переменил свои политические убеждения», Г. Н. Потанин подчеркивал: Дуров «на меня произвел такое впечатление в течение одного вечера; Чокан же находился под постоянным его влиянием не менее, вероятно, года»¹¹¹ и обязан ему «своим политическим просветлением»¹¹².

Влияние С. Дурова на Чокана Валиханова можно сравнить с действием майского солнца на неокрепшие зеленые всходы, в результате которого совершается их стремительный рост и полное формирование.

С. Дуров остался убежденным революционером и пропагандистом идей Фурье и после возвращения из Сибири в Центральную Россию. По поводу его смерти газета «Санктпетербургские ведомости» писала: «6 декабря 1869 года в Полтаве умер С. Ф. Дуров..., твердые, жизненные убеждения, не убитые самыми страшными невзгодами жизни... Одним честным, добрым, прямым, стойким и умным человеком стало меньше в нашем обществе»¹¹³.

Чокан Валиханов видел и слышал многих политических ссыльных, среди которых было немало стойких революционеров. В литературе имеются сведения о том, что получившие амнистию оставшиеся в живых декабристы и петрашевцы по пути в Россию нередко назначали съезды для свидания в г. Омске, на которых присутствовало немало передовой сибирской молодежи¹¹⁴. Весьма вероятно, что среди этой молодежи был и Чокан Валиханов, не пропускавший подобных собраний.

Надо полагать, что в сближении Чокана Валиханова с некоторыми декабристами в Сибири положительную

¹¹⁰ Там же, стр. 264.

¹¹¹ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XXV.

¹¹² «Минувшие годы», 1917, № 1, стр. 226.

¹¹³ Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), ф. 36, оп. 1, № 41, стр. 24; «Санктпетербургские ведомости», 1869, 8 декабря. Судя по тому, что под некрологом стоит буква «К», можно предполагать, что его написал С. Я. Капустин, который очень хорошо знал С. Дурова еще в Сибири и который в это время находился в Петербурге в качестве редактора внутреннего отдела «Правительственного вестника».

¹¹⁴ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 22—23.

роль сыграл его друг Александр Николаевич Цуриков, приходившийся родственником видного декабриста Г. С. Батенькова¹¹⁵ и имевший широкие связи в этих кругах.

После смерти императора Николая I русская общественная мысль получила некоторую свободу. Выступили М. Салтыков-Щедрин, И. Тургенев, Н. Чернышевский и др. «Новые веяния» дошли и до Омска. Сведения о передовом общественном движении России просачивались в Сибирь через литературу, через ссыльных, по перепискам. Ч. Валиханов познакомился в это время с произведениями А. И. Герцена, которые доставлялись в канцелярию губернатора Западной Сибири, так как Гасфорт считал «несободимым быть в курсе того, о чем пишет Герцен в «Полярной Звезде» и в других лондонских изданиях»¹¹⁶.

На развитие политических взглядов Чокана Валиханова оказывали некоторое воздействие прогрессивно настроенные служащие из канцелярии Западно-Сибирского губернатора и офицеры, окружавшие его в процессе служебной и научной деятельности. Чокан Валиханов всегда находил с ними общий язык, быстро завязывал дружеские связи, хотя и не всегда разделял их взгляды. Так, Валиханов был знаком с капитаном Генерального штаба А. Ф. Голубевым, с которым первый раз встретился в Верном по пути из Кашгарии в Омск. А. Ф. Голубев ехал в Кульджу по делам службы¹¹⁷. Он придерживался передовых взглядов и считался демократически настроенным молодым офицером.

По-видимому, не без посредничества Голубева Ч. Валиханов, будучи в конце апреля 1859 года в Копале, завязывает знакомство с другим капитаном Генерального штаба М. И. Венюковым. Венюков стремился стать ученым и считал себя учеником Гумбольдта¹¹⁸. Он тоже окончил кадетский корпус, где учился вместе с будущим поэтом Василием Курочкиным. Их преподаватель статистики Ф. Л. Ястржембский, познакомивший молодых

---

¹¹⁵ Ч. В а л и х а н о в. Избранные произведения, стр. 545; НБТГУ, архив Г. Потанина, № 125 (5315).

¹¹⁶ Б. Г. Кубалов. А. И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958, стр. 19, 25.

¹¹⁷ А. Ф. Г о л у б е в. Биографический очерк. Омск, 1900, стр. 6, 12.

¹¹⁸ «Русская старина», 1886, № 7, стр. 94.

кадетов с учением социалистов-утопистов, был сослан на каторгу. Будучи кадетом, Венюков считал своим идеалом Герцена, был противником телесного наказания солдат, называл Николая I «венчанным вахмистром». В узком кругу кадеты распевали о Николае I:

С ног до головы дегтина,
И с головы до ног скотина!

Впоследствии Венюков был нелегальным корреспондентом «Колокола», горячим сторонником идей революционных демократов.

В 1856 году Венюков окончил Академию Генштаба и в мае 1857 года был назначен старшим адъютантом генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. В Сибири он познакомился с декабристом И. И. Горбачевским и сблизился с М. В. Петрашевским, только что отбывшим каторжные работы. Венюков считал, что петрашевцы служили «честным идеям». В 70-х годах он эмигрировал за границу и выступал против самодержавия¹¹⁹.

Надо полагать, что Чокан Валиханов и М. И. Венюков в течение нескольких дней, совместно проведенных в Копале, беседовали не только о Зачуйском крае, куда Венюков съездил для топографической съемки. Крестьянский вопрос, приобретший в этот период особую остроту, «большая политика», положение в Петербурге, деятельность русских революционных демократов, по-видимому, занимали не последнее место в их беседах. На Венюкова Валиханов произвел самое хорошее впечатление. Их беседы были взаимно плодотворными. Это видно и из того, что Венюков свою задержку в Копале объяснил не только болезнью, но и получением сведений от Валиханова¹²⁰. Их знакомство продолжалось затем и в Петербурге.

Несколько раньше было замечено, что Чокан Валиханов находился в самых близких отношениях с Гутковским — председателем областного правления сибирских казахов. Гутковский высказывал трезвые суждения о политике, читал литературу русских революционных демо-

¹¹⁹ М. И. Венюков. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952, стр. 10, 18, 23, 31, 121; БСЭ, т. 7, стр. 420.

¹²⁰ ЦГА КазССР, ч. 3, оп. 1, д. 32, л. 273.

кратов, сочувственно относился к судьбам политических ссыльных в Сибири, в особенности к полякам. Разумеется, дальше сочувствия передовым идеям он не шел, но уже и это само по себе было весьма значительным фактом.

Особую роль в жизни передовой интеллигенции города играл дом Капустиных. Это был настоящий клуб, где часто и регулярно собирались образованные и интересные люди: критически настроенные молодые умы, знаменитые путешественники, ссыльные революционеры и т. д. То, что говорилось в этом доме, имело определенный резонанс в городе.

Душой общества в доме Капустиных была его хозяйка — Екатерина Ивановна. Ее муж Я. Ф. Капустин также относился к числу образованных служащих с передовыми взглядами.

К этому дому Валиханов стоял весьма близко. Он был почти постоянным посетителем его вечеров и пользовался огромной симпатией членов семьи Капустиных. Между сыном Я. Ф. Капустина — С. Я. Капустиным, прибывшим в Омск после окончания Казанского университета, и Чоканом Валихановым завязались тесные, дружественные отношения. В своих воспоминаниях С. Капустин писал, что Чокана «приятнейшим собеседником делал дар слова, умение метко и образно выражаться, к этому присоединялась еще его всегдашняя наклонность — облекать свой рассказ в ироническую форму, ловко подделываться под тон и способ выражения действующих лиц рассказа и дополнять все это изумительной мимикой... Чокан умел очерчивать целый характер человека, давать крайне остроумные предположения о его прошлой жизни, о его будущих похождениях»¹²¹. Они сблизились еще и потому, что и тот и другой мечтали служить интересам народа и оба были яркими в этом отношении личностями.

С. Капустин впоследствии был членом тайной революционной организации «Земля и воля» 60-х годов¹²². Современники отзывались о нем как о «народнике до мозга костей», в котором простые и обездоленные люди всег-

¹²¹ С. Я. Капустин. О Ч. Валиханове. ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 25—31.

¹²² «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». М., 1958, т. 1, стр. 301.

да находили брата»¹²³. Он, например, выступал против хуторного хозяйства, защищал русскую поземельную общину, считая, что в ее основе лежат взаимность и труд, связывающие всех. В лице кулаков он видел сельских буржуа, осуждал их за жестокую эксплуатацию крестьян, называл отщепенцами.

Молодой С. Капустин, дружа с Чоканом Валихановым, в то же время и учился у него и влиял на него. Как отмечают современники, С. Я. Капустин после С. Ф. Дурова играл значительную роль в идейном развитии Ч. Валиханова¹²⁴. Они были искренними и постоянными друзьями. Неслучайно спустя десятилетия после смерти Чокана Валиханова, когда Капустин уже приобрел славу ученого и публициста, он собирался писать специальную книгу о своем покойном друге молодости.

Встречи, знакомства и связи с передовыми, образованными людьми, в том числе и с убежденными революционерами, дали многое Чокану Валиханову, в этом нет сомнения. Однако главным источником вдохновения и эволюции мыслей Чокана Валиханова была сама жизнь. Повседневная действительность беспрестанно толкала на раздумья, задевала самые тонкие струны в сердце человека, которого остро волновали судьбы народов.

Служба в органах управления казахской степью, разъезды и путешествия как по внутренним районам края, так и за его пределами представляли насыщенную жизненную школу: Чокан Валиханов бывал рядом с теми, кто творил и проводил государственную политику в Казахстане, в среде царских чиновников, в то же время не терял связи со своим народом, изучал его историю, культуру, жил его думами и чаяниями, общался с передовыми людьми России и питал явную симпатию к русскому народу и, наконец, сочувственно относился к идеям равноправия и свободолюбия.

Самостоятельность мышления, стремление проводить свою линию — черты, которые присущи зрелым деятелям, стали заметно обнаруживаться у Чокана Валиханова

---

¹²³ С. Я. Капустин. Что такое поземельная община. СПб., 1882, стр. 20; его же. Голос к земству, стр. 58, 75; «Северный вестник», 1891, № 2, стр. 88; Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон, т. 27, стр. 407.

¹²⁴ Д. Банзаров. Черная вера и шаманство у монголов. СПб., 1891, стр. 28.

ва еще задолго до поездки в Петербург.) Взгляды Валиханова по вопросам, которыми занимались органы власти, нередко расходились со взглядами видных царских чиновников края. Так, Валиханов, твердо придерживаясь убеждения о целесообразности и необходимости присоединения юго-восточных районов Казахстана и Киргизии к России, в то же время в ряде случаев расходился с официальным мнением о методах и формах достижения этой цели. Валиханов считал, и это он подчеркивал неоднократно, что присоединение указанных территорий к России, отрыв их из-под влияния кокандского хана и цинских владельцев следует осуществлять, не прибегая к силе, не разжигая внутренней розни, ведущей к расстройству общества и ослаблению силы каждого из родоначальников, а путем привлечения их на свою сторону.

Надо сказать, что к мнению Чокана Валиханова царская администрация прислушивалась. Об этом говорит хотя бы следующий пример. В мае 1858 года в районе реки Чу при поспешном отступлении кокандского отряда был захвачен в плен бывший пишпекский комендант датха Алишер. Стал вопрос, как с ним поступить, говорили о его заточении и даже казни. Ч. Валиханов по этому поводу писал областному начальнику Гутковскому: «Русским, кажется, нечего держать Алишера или другого какого-нибудь среднеазиатца. Для кокандцев личность Алишера не имеет никакого значения, и если бы он совершенно погиб, то и тогда не будут считать это большой потерей. Между тем как нравственное великодушие и сознание своего превосходства подействует гораздо благотворнее на кокандцев и на киргиз, чем страх потерять Алишер-датху». Это предложение Валиханова было принято¹²⁵.

Передовая молодежь Омска со временем стала переходить к активным практическим действиям в борьбе за свои идеалы. В 1858 году ею создается «Казачий кружок», главной задачей которого было «служение Родине» — Сибири. Вначале в него входили Пирожков, Чукреев, Усов, Колосов, Потанин, Валиханов¹²⁶. Организа-

¹²⁵ ЦГВИА, ф. 483, д. 421, лл. 7—8; Ч. В а л и х а н о в. Избранные произведения, стр. 551. Составители их ошибочно датируют это письмо 1861 годом; ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 59а, лл. 625—627.

¹²⁶ «Сибирская жизнь», 1913, № 62.

торами этого кружка были Г. Потанин и Ч. Валиханов, которые, как потом писали о них, подобно Герцену и Огареву давали друг другу «клятву служения родине для достижения общественных идеалов»¹²⁷.

Первые месяцы работы кружка, первые споры по злободневным проблемам современности убедили молодых сибиряков, что они еще не могут ответить на ряд важных вопросов, что в этой части у них просто недостаточно еще не только опыта, но и знаний. Они единогласно решают ехать в Петербург, слушать лекции в университете, связаться с деятелями передового общественного движения, поучиться опыту создания кружков.

Еще будучи кадетами, Ч. Валиханов и Г. Потанин строили планы поездки в Петербург для учебы в прославленном столичном университете. Они ночи просиживали, предаваясь трепетным и радужным мечтаниям. Договорились, что Чокан Валиханов поступит на восточный факультет, а Г. Потанин — на естественно-историческое отделение физико-математического факультета, а по окончании университета будут путешествовать по Азии вместе: первый будет заниматься проблемами филологии восточных племен, а второй — естественной историей и собирать коллекции для научных учреждений¹²⁸. Эти планы они не оставляли и в период службы офицерами. Наоборот, юношеские мечты приобрели теперь более практический смысл.

Многие из членов кружка, которые впоследствии оказались в Петербурге, попали туда разными путями и способами. Чокан Валиханов отправился в столицу как уже известный своими исследованиями по Востоку ученый, в порядке служебного перевода. И. Пирожков как инородец-офицер подал в отставку. Усов, Чукреев и Потанин, как офицеры казачьих войск, не могли воспользоваться этим путем, тем не менее они идут на все, чтобы попасть в Петербург. Г. Потанину с помощью П. П. Семенова удается добыть формальную медицинскую справку о заболевании грыжей и выйти в отставку. Но ему, прежде чем отправиться в Петербург, пришлось прожить некоторое время в Томске, где он познакомился с Бакуниным, который назвал Потанина

---

¹²⁷ «80-летие Г. Н. Потанина». Омск, 1916, стр. 1.

¹²⁸ «Сибирская жизнь», 1913, № 17.

«сибирским Ломоносовым» за то, что Потанин готов был добираться до Петербурга пешком и действительно отправился туда почти пешком — с обозом алтайских золотопромышленников. Бакунин много рассказывал Потанину о революции в Европе, об образовании саксонской республики, о философии Гегеля, о своей встрече с Г. Гейне и К. Марксом¹²⁹. Недаром в советской литературе иногда принято считать, что «первые семена революционности в Потанине заложены Бакуниным»¹³⁰.

Здесь следует заметить, что и Чокан Валиханов имел случай увидеть и услышать Бакунина, который после ареста в Германии, по пути к месту поселения, остановился в Омске. Генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт, немец по национальности, заинтересовался личностью Бакунина, «саксонским героем», и решил принять его у себя дома. Валиханов, как личный адъютант генерала Гасфорта, был свидетелем этой встречи, во время которой этот ссыльный революционер, по его словам, «держался с достоинством, беспримерным в залах генерал-губернаторского дома»¹³¹. Об обстановке и деталях этой встречи Валиханов потом сообщил Потанину. Есть некоторые сведения, что Валиханов по поручению Гасфорта сопровождал Бакунина во время его этапирования из Омска в Барнаул.

Из изложенного вытекает, что служба в администрации Западной Сибири во многих отношениях была плодотворной для Чокана Валиханова. В этот период раскрылся его талант исследователя и путешественника, он по-настоящему познает народные думы и стремления, наблюдает и изучает пагубные результаты политики самодержавной власти на местах. В эти годы он много расширяет личные связи с передовыми людьми, в том числе со ссыльными революционерами, и формируется как общественный деятель.

У Чокана Валиханова в этот период складывается твердое убеждение, что общественная жизнь далеко не совершенна, что в ней много существенных пороков, от которых в первую очередь страдают народы, и что про-

---

¹²⁹ НБТГУ, архив Г. Н. Потанина, № 5316. Заметки о Бакуни-
не; «Деятели революционного движения в России». М., 1929, стр. 71.

¹³⁰ Б. Козьмин. Казанский заговор 1863 г. М., 1929, стр. 70.

¹³¹ «Сибирская жизнь», 1913, № 68.

блема устранения этих пороков упирается в существующую систему власти и управления, т. е. в самодержавный строй и порожденный им режим. Чокан Валиханов вначале критикует отдельные стороны этого режима, старается внести поправки в деятельность звеньев местной власти, чтобы облегчить положение народа. Но по мере накопления жизненного опыта и знаний, он все больше задумывается над вопросами о путях обновления общества. Накануне прибытия в Петербург в политических убеждениях Чокана Валиханова отчетливо намечился переход на путь социалиста-утописта и революционера, мечтающего об «обновлении» общественной жизни на началах равноправия, свободы и справедливости.

3. Переход на путь русской революционной демократии

Чокан Валиханов прибыл в Петербург в конце 1859 года и жил там до весны 1861 года. Период этот представляет большой интерес. Для России, в особенности для ее столицы, это были беспокойные, волнующие годы.

С большой радостью встретили Валиханова его друзья-сибиряки, прибывшие сюда несколько раньше и обучавшиеся в различных учебных заведениях или служившие в столичных военных и гражданских ведомствах. Пирожков и Потанин числились вольнослушателями Петербургского университета, а Усов состоял слушателем Академии Генерального штаба. Всего молодых сибиряков, знакомых Чокану Валиханову, в столице было около 20 человек.

Чокана Валиханова восторженно приняли ученые-ориенталисты и те из правительственных чиновников, которые по долгу службы или из любопытства следили за его легендарной поездкой в Кашгарию и возвращением с ценными политическими и научными материалами.

С первого же дня пребывания в Петербурге Чокан Валиханов оказался в водовороте его бурлящей и сложной политической жизни. Призывные, воспламеняющие статьи Чернышевского, Добролюбова, Герцена и др., страстные речи разночинцев на «литературных» вече-

рах», чтение запрещенных книг и стихов в кружках землячества, пение «мятежных» песен на студенческих и молодежных сходках, недовольство среди части офицерства, перепалки и споры между представителями различных общественных течений — все это целиком захватило Чокана Валиханова. Не без своих друзей-сибиряков он быстро осваивается с политической обстановкой в столице.

Период пребывания Чокана Валиханова в Петербурге характеризуется назреванием революционной ситуации: усилением выступлений крестьян, обострением борьбы различных классов русского общества в связи с подготовкой отмены крепостного права, созданием тайных революционных обществ с целью свержения самодержавия, выступлениями народов, в особенности западных окраин (подготовка к восстанию в Польше). «Рабье молчание было нарушено», — писал В. И. Ленин¹³² об этом периоде.)

В центре политической жизни и борьбы в стране стоял крестьянский вопрос. За полную отмену крепостного права с наделением крестьян землей без выкупа решительно выступала революционная демократия. Либералы и некоторая часть помещиков стояли за ограниченное освобождение крестьян, через выкуп. Официальная правительственная установка заключалась в том, чтобы земля не попала в руки непосредственных ее хозяев — крестьян. Император Александр II, убеждая русских дворян поддерживать его реформу об отмене крепостного права, хотел избежать неминуемой катастрофы — самоосвобождения крестьян «снизу», что означало бы крах всего крепостного строя во главе с царем. Такая революционная ситуация была вполне реальна. «Настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России, и в конце концов на место мнимой цивилизации, введенной Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую цивилизацию... Россия со страхом ждет революции внутри страны», — указывал К. Маркс¹³³.

¹³² В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 259.

¹³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 701; Избранные письма, 1953, стр. 109.

Отмене крепостного права «сверху» отчаянно сопротивлялась привилегированная верхушка русского дворянства. Дело дошло до того, что накануне 19 февраля 1861 года в столице ходили усиленные слухи о возможном бунте со стороны помещиков¹³⁴. Процесс подготовки Манифеста об отмене крепостного права происходил за закрытыми дверями всевозможных секретных комитетов и комиссий, работавших под контролем царя и помещиков. Н. Г. Чернышевский еще накануне опубликования «Манифеста», заранее предвидя уловку царя и помещиков — незначительными уступками крестьянству ослабить его решимость в борьбе и прикинуться его «благодетелями», — сознавая, что это может повлиять на ход классовых выступлений, заявил: «Я предпочел бы, чтобы они (т. е. царь и помещики. — Авторы) поступили, как намеревались, совершенно не считаясь с нашими требованиями»¹³⁵. Об этой мысли Чернышевского В. И. Ленин писал, что он «понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»¹³⁶.

Половинчатый характер освобождения крестьян не замедлил сказаться. Повсеместно в России возникли крестьянские волнения, «Колокол» Герцена стал звучать все сильнее, требуя для народа подлинной воли и земли, русский народ требовал настоящего освобождения и истинной реформы. Как передает А. В. Никитенко, дворовой крестьянине этого времени рассуждал так: «Два года дворовые должны еще оставаться в повинове-

¹³⁴ ЦГАОР, ф. 109 (III отделение), оп. 1, д. 1971, л. 11.

¹³⁵ М. Лемке. Политические процессы в России 1860 г. по архивным документам. М.-Пг. 1923, стр. 168.

¹³⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 264.

нии у господ. Чорт дерн эту бумагу! Два года — как бы не так, стану я повиноваться!»¹³⁷.

После отмены крепостного права, когда либеральная Россия всячески восхваляла освобожденные крепостных крестьян и славилась царя, революционная демократия, считая, что народ царем обманут, предприняла практические шаги, направленные на организацию масс, на сплочение сил для дальнейшей борьбы с самодержавием, для подготовки вооруженного восстания с целью свержения монархии. Резкую критику реформы 1861 года, призыв низложить царское самодержавие и дать крестьянам полную свободу и землю содержали почти все прокламации революционного подполья того времени: «Барским крестьянам», «Великорусс», «К молодому поколению», «Молодая Россия» и др.

Недовольство масс царской реформой, повседневное подавление крестьянских волнений силой оружия, призывы «Колокола», «Современника» и революционные идеи, распространяемые подпольной печатью, получили бурный отклик среди передовой молодежи столицы. Студенты стали основывать кассы взаимопомощи, создавать кружки землячества, тесно связанные с тайными обществами. Существовали студенческие кружки малороссов, кружок Т. Г. Шевченко, кружок казахов, оренбуржцев, кружок студентов-сибиряков, кружок студентов Грузии, кружок поляков, офицерские кружки чернышевцев, В. Н. Обручева, З. Сераковского, П. Л. Лаврова, А. Путяти и т. д. «Русская учащаяся молодежь, состоявшая по большей части из детей крестьян и других немущих людей, до такой степени прониклась социалистическими идеями, что она мечтала уже о немедленном их осуществлении»¹³⁸, — писал К. Маркс, пристально наблюдавший за общественным движением в России. Идейным вдохновителем этого движения был Чернышевский. Почти каждое сколько-нибудь важное политическое событие вызывало реакцию студенческой молодежи Петербурга, а университет был «верным барометром» общественного мнения¹³⁹.

В начале 1861 г. русская студенческая молодежь ре-

¹³⁷ А. В. Никитенко. Записки и дневник. СПб., 1893, т. 2, стр. 248.

¹³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 18, стр. 389.

¹³⁹ «Общественное движение при Александре II». Париж, 1903, стр. 99.

шительно высказалась в поддержку польских революционеров, за освобождение Польши. В ответ на правительственные меры, имевшие целью не допустить немущую молодежь к высшему образованию и подчинить высшее образование произволу полиции, студенты выразили энергичный и единодушный протест, который был вынесен на улицу и вылился во внушительные манифестации. Петербургский университет после этого на некоторое время закрыли, а группа студентов частью была заключена в тюрьму, частью сослана. На эти манифестации студенты ходили землячествами, кружками. В ходе демонстрации они поддерживали тесную связь с Н. Г. Чернышевским через студента, члена тайной революционной организации «Земля и воля», Н. Утина, которого реакционеры, считая правой рукой Чернышевского, в своих анонимных записках требовали удалить за границу. Бывший студент В. Сорокин в своих воспоминаниях указывает, что студенты в течение длительного времени находились в тесной связи с Чернышевским, Добролюбовым, Лавровым¹⁴⁰.

Для обсуждения злободневных вопросов политики и пропаганды революционных идей использовались как нелегальные, так и легальные формы организации. Такими были воскресные школы, комитет литературного фонда и шахматный клуб, которые царское правительство впоследствии закрыло¹⁴¹. Проводились целевые литературные чтения, где выступали Н. Г. Чернышевский, Т. Г. Шевченко, Я. П. Полоцкий, А. Н. Майков, Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев и другие.

О многогранной деятельности революционной демократии один из непосредственных участников студенческого движения и член тайной революционной организации «Земля и воля» Л. Ф. Пантелеев отзывался так: «Новое движение с самого своего возникновения пошло двумя руслами; одно имело целью постепенное создание общественного мнения, которое, ставши голосом всей страны, должно было неминуемо привести к обновлению

---

¹⁴⁰ М. Лемке. Политические процессы в России, стр. 176; В. Сорокин. Воспоминания старого студента. «Русская старина», т. 128, 1906, № 1, стр. 447.

¹⁴¹ Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 235; В. Г. Баскаков. Мирозрениe Чернышевского. М., 1956, стр. 246, 275.

нашего политического строя; другое течение направилось на путь пропаганды и организации сил, чтобы подготовить почву для массового выступления, без которого оно не представляло себе возможности коренного переустройства, оба течения не чередовались, а шли рука об руку»¹⁴².

Опираясь на массу революционного студенчества, офицеров и недовольных реформой крестьян, Чернышевский, по словам А. И. Герцена, «решился схватиться за руль, пытался указать жаждавшим и стремившимся — что им делать»¹⁴³. Для достижения намеченной цели революционная демократия создает свою тайную организацию «Земля и воля» и приступает к объединению масс для подготовки вооруженного восстания к весне 1863 года — к сроку истечения подписания уставных грамот крестьянами. В подготовке этого восстания молодому поколению руководители «Земли и воли» отводили особое место.

В момент прибытия Чокана Валиханова в Петербург политическая атмосфера была накалена борьбой мнений различных классов, ожиданием близкой отмены крепостного права. Повсюду чувствовалось назревание революционного взрыва. В революционизировании масс особую роль играли кружки передового студенчества России.

Одним из таких кружков было «Сибирское землячество», созданное по инициативе Г. Н. Потанина. Активным членом кружка был и Чокан Валиханов. Этот кружок имел ряд особенностей, обусловленных тем, что все его участники были выходцы из Сибири и связаны с непосредственными интересами края. Но они занимали разное положение и по-разному понимали задачи кружка. Со временем члены кружка более или менее четко определили свою цель, выработали общую платформу. В основном это были горячие головы, страстные мечтатели, более того, талантливые молодые люди, многие из них потом выросли в крупных ученых, стали видными писателями, поэтами и публицистами с явно выраженными демократическими и нередко революционными убеждениями.

¹⁴² ЦГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, ед. хр. 7, л. 2.

¹⁴³ «Колокол», 1867, № 233-234.

Члены сибирского кружка привезли с собой в Петербург дух протеста против политики царского правительства в Сибири: дух вольнодумного общинного крестьянства, недовольного усилением помещичьей и чиновничьей власти над ним и налоговым бременем, настроенная рядового казачества, возмущенного сословным приращением и притеснениями со стороны царских наместников, думы зарождающейся молодой интеллигенции о просвещении и культурном развитии края, об обращении его богатства на неотложные собственные нужды, общее настроение протеста против превращения Сибири в область массовой ссылки и в простую, окраинную придаток хозяйства и интересов Центральной России, против колониальной политики в отношении малых народов. Эти идеи в условиях революционного движения за освобождение крестьян из-под кабалы помещиков получают новую окраску, новое развитие.

В зачаточной форме сибирский кружок вначале был создан студентом Петербургского университета Н. С. Шукиным за два года до приезда Чокана Валиханова. Этот молодой, энергичный «апостол новой идеи» с увлечением говорил о свободе и реформах. Он был хорошо знаком с Добролюбовым, поддерживал тесный контакт с В. С. Курочкиным¹⁴⁴. Как писали его современники, «Шукин был тихий студент того времени; он небрежно учился, но с увлечением занимался пропагандой научных знаний и политических идей»¹⁴⁵. В эту группу входили студент Сидоров (родом из Кузнецка), художник Песков — из Иркутска, студенты Булалов — сын томского крестьянина, Перфильев — из Иркутска и молодой поэт Омудевский. Все они сходились в одном: набраться знаний и идей в столице и потом поехать в Сибирь, бороться за ее прогресс и просвещение. Сам Шукин мечтал по окончании университета наладить в Иркутске издание журнала по подобию петербургских, а Песков думал накопить деньги от реализации своих картин и открыть на эти средства школу живописи в одном из городов Сибири¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Н. М. Ядринцев. Сибирские литературные воспоминания. Красноярск, 1919, стр. 7.

¹⁴⁵ «Сибирская жизнь», 1913, № 28.

¹⁴⁶ «Сибирская жизнь», 1913, № 68.

Эта сибирская группа, однако, вскоре распалась. Буланов умер, Омудевский уехал в Вильну, Песков отправился писать этюды на юг, Сидоров поссорился со Щукиным и оставил группу. Тогда Щукин и Перфильев разыскали вновь прибывшего Г. Н. Потанина (1858 г.) и стали организовывать новый более многочисленный кружок земляков. Они привлекли в него всех подходящих молодых людей из Сибири, обучавшихся в университете, духовной академии, медицинских и военных учебных заведениях и некоторых служащих и офицеров. И хотя организатор кружка Щукин, провалившись на экзаменах в университете и не совсем обдуманно женившись, переезжает на работу в Иркутск, кружок «Сибирское землячество» продолжал существовать, все больше креп и приобретал определенную организационную форму. Он постепенно перерастает в кружок патриотов Сибири, следующих за революционно-демократическими идеями и мечтающих обновить свой край.

Г. Н. Потанин прибыл в Петербург весьма зрелым общественным деятелем. За его плечами в отличие от многих сибиряков, находившихся в столице, была шестилетняя служба офицером в казачьих частях. Он к этому времени, по его словам, потерял веру в царя, перенял революционные идеи петрашевцев. «Ко дню моего отъезда из Омска, — писал он, — я начал определять задачу молодого сибиряка, охваченного идеями о свободе, науке, о прогрессе и просвещении, и решившего ехать в университет..., а потом вернуться в Омск, вступить в борьбу с ними (т. е. царскими заместниками в Сибири. — *Авторы*) и победить их тем же оружием, каким они вооружены»¹⁴⁷. Об этой своей цели он говорил Дурову, Лободовскому и Бакунину. Все они давали советы Потанину и в основном одобряли его личный план. Таким он явился в столицу и неудивительно, что при первых встречах со Щукиным находил, что их политические убеждения были в основном одинаковыми¹⁴⁸.

{ В сибирском кружке Потанина принимали участие

¹⁴⁷ «Сибирская жизнь», 1913, № 62.

¹⁴⁸ По характеристике Потанина Щукин был настоящим «Дон-Жуаном революции. Это был юноша пылкий, как Дюмулен, когда требовался подвиг, он долго не задумывался... Каждую минуту он был готов ахать на баррикады. Несправедливость моментально превращала его в протестующего». («Сибирская жизнь», 1913, № 93).

Ядринцев, Сидоров, братья Черемшанские, Наумов, Усов, Куклин, Федоров, Смирнов, Павлинов, Колосов, Перфильев, Крюков, Лосев, Шестаков, Пирожков. В нем происходили жаркие споры. Как писал один из его членов, это было время, когда «каждый спешил исповедоваться, как на духу, каждый высказывал заветнейшие мысли, это было как бы начало освобождения мысли, разума»¹⁴⁹.

Горячие обсуждения вопроса о будущности Сибири привели к расколу кружка на две группы. Одна из них, возглавляемая Потаниным, увлеченная идеями служения своему краю, требовала, чтобы все сибиряки по окончании учебы возвратились в обязательном порядке в Сибирь и посвятили свои знания и силы делу ее прогресса, просвещения и обновления. Другая группа, возглавляемая Павлиновым, считала необязательным всем возвращаться в Сибирь. Но это был только формальный повод для раскола, на самом деле он определялся более глубокими причинами. Группа Потанина была более радикально мыслящая, более патриотически настроенная, склонная к более решительным действиям. Она искренне верила в возможность приобщения Сибири к цивилизации и ее обновления своими силами, почему и выдвигала такое крайнее требование «сибиряку быть в Сибири». Группа Павлинова, за исключением отдельных членов, проповедовала умеренность и, можно сказать, не верила, что небольшая кучка интеллигентов в состоянии что-либо изменить в Сибири, хотя любила свой край и желала его процветания. В позиции этой группы были и положительные моменты. Павлинов и другие делали, например, упор на то, что Сибирь нуждается в поддержке и помощи Центральной России, что она своими внутренними силами не может добиться успеха.

Идея органической связи с центром заслуживала внимания. Дореволюционный исследователь М. Лемке так и писал, что «павлиновцы никогда не полагались на возможность для Сибири проявить свое собственное «я» без постоянной помощи и поддержки из-за Урала»¹⁵⁰. Разногласия привели к тому, что павлиновцы покинули

---

¹⁴⁹ «Сибирский сборник», 1888, вып. I, стр. 23.

¹⁵⁰ М. Лемке. Н. М. Ядринцев. СПб., 1904, стр. 44.

кружок. Однако некоторые из них скоро вернулись обратно, это произошло накануне приезда Ч. Валиханова.

Прибытие Чокана внесло известное оживление в деятельность кружка сибирских патриотов. Во-первых, потому, что его личность как ученого-востоковеда представляла большой интерес для многих студентов-сибиряков, в особенности для тех из них, которые обучались на гуманитарных факультетах. Кроме того, его общее интеллектуальное и политическое развитие котирировалось среди сибиряков очень высоко. Во-вторых, Чокан Валиханов был в курсе последних новостей в Сибири и точно знал детали управления краем. В-третьих, он сразу же по прибытии в Петербург стал заводить широкие знакомства с учеными, с литературными и государственными деятелями, а также видными представителями общественной мысли. Он как бы был окном для сибиряков в большую политику. В-четвертых, с его появлением в кружок пришли его друзья: С. Капустин и офицер генштаба А. Голубев, а также врач Белоголовый, В. Чуйко и С. Шапков. И, наконец, его остроумие и способность постоянно оживлять товарищескую компанию также имели определенное значение для работы кружка.

До приезда Ч. Валиханова члены кружка собирались еженедельно, поочередно на своих квартирах, а потом «иностранец художник Джогин предложил патристической партии (так стали называть себя сибиряки. — *Авторы*) свою гостеприимную квартиру»¹⁵¹. Иностранец попал в среду сибиряков через Пескова, который учился в Академии художеств. Джогин рассказывал сибирякам о национально-освободительном движении в Италии под руководством Гарибальди и о революционных событиях в Европе¹⁵².

С приездом Ч. Валиханова в Петербург в его квартире часто стали собираться наиболее близкие ему члены «Сибирского землячества». «Для своих товарищей сибиряков, бедных студентов, Чокан устраивал особые вечера. На этих вечерах собиралось человек до десяти»¹⁵³, — писал Г. Потанин. Здесь бывали Потанин, Ан-

¹⁵¹ Н. М. Ядринцев. Сибирские литературные воспоминания, стр. 11.

¹⁵² Там же, стр. 4; «Сибирская жизнь», 1913, № 248.

¹⁵³ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XXVII—XXVIII.

ненский, Голубев, Ядринцев, Пирожков, Шашков, Усов, Наумов, Омудевский-Федоров, Несков, Чуйко, Куклин, Худяков и др.¹⁵⁴. Почти все эти лица в истории общественно-политической мысли России, в особенности Сибири, оставили значительный след.

Большая часть сибиряков жила в одном доме на Васильевском острове. Многие из них, в особенности студенты, такие как Потанин, Ядринцев, Наумов, Куклин, Худяков жили неважно. Валиханов, получавший приличный оклад по службе, оказывал им материальную помощь и поддержку¹⁵⁵.

Чокан Валиханов, как и многие его друзья по сибирскому кружку, был горячим поклонником освободительных идей шестидесятых годов. Он не только находился под впечатлением этих идей, почерпнутых из петербургских журналов и газет, но и лично был знаком с рядом видных деятелей, составлявших ближайшее окружение Чернышевского, Добролюбова и Некрасова. К сожалению, нам пока неизвестны детали этих встреч, тем более содержание бесед. Валиханов в свою бытность в Петербурге не выступал со статьями и, по-видимому, не вел дневника. Это, разумеется, несколько затрудняет изучение петербургского периода его жизни. Пробел в этой части может быть в той или иной степени восполнен всесторонним анализом всех относящихся к характеристике его политического убеждения высказываний современников, материалов и событий.

Для нас, например, известно, что Чокан Валиханов более резко высказывал свои «демократические убеждения», чем его друзья — Потанин, Капустин, Ядринцев и другие, так же как и он увлеченные идеями шести-

---

¹⁵⁴ С. С. Шашков. Собрание сочинений, т. 2, СПб., 1898, стр. 598—599; Н. М. Ядринцев. К моей автобиографии. «Русская мысль», 1904, № 6, стр. 153; Н. И. Попов. К 80-летию Г. П. Потанина. «Голос минувшего», 1915, № 1, стр. 290; Полное собрание сочинений Омудевского, т. 1, стр. 7; С. Кожевников. Н. И. Наумов. Новосибирск, 1952, стр. 19.

¹⁵⁵ Чокан Валиханов получал оклад в Генеральном штабе и в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Кроме того, ему помогал отец. В целом он имел не менее 3000 руб. в год. Это была большая сумма, если учесть, что студент на наем комнаты и на свое содержание в среднем расходовал в год около 300 рублей, а годовой оклад такого высокопоставленного чиновника в Сибири, как начальник областного правления сибирских казахов, составлял 687 рублей.

десятих годов и воспитанные ими, и что в критике общих вопросов царской политики он не расходился со своими ближайшими друзьями из числа сибирской молодежи, а был даже более глубоким. Эти свидетельства современников служат ключом для раскрытия и понимания идейных моментов, которые определяли его тогдашние политические убеждения.

Нами было указано, что в сибирском кружке собрались в основном активные, преданные своим убеждениям молодые люди. На вопрос о том, в чем главным образом сходилась с ними Чокан Валиханов, можно ответить — в стремлении бороться за прогресс, просвещение и обновление Сибири и народов, населяющих ее, в том числе казахов. Причем задачу эту они понимали не узко, а собирались решать ее совместно с передовыми силами России того времени. Что это было именно так, можно убедиться на примере дальнейшей деятельности некоторых видных членов кружка, особенно близких Валиханову.

Возьмем прежде всего Г. Н. Потанина — организатора кружка, а несколько позже — члена организации «Земля и воля»¹⁵⁶. За участие в студенческих волнениях он осенью 1861 года был заключен в Петропавловскую крепость, где просидел три месяца¹⁵⁷. Потанин был в близких отношениях с Л. Ф. Пантелеевым, руководителем революционных студенческих кружков, и считал его одним из своих политических друзей¹⁵⁸. Л. Ф. Пантелеев, будучи членом «Земли и воли», входил в пятерку Н. Утица. О значительной роли Л. Ф. Пантелеева в революционном движении молодежи столицы говорит тот факт, что через семь дней после его ареста (30 декабря 1864 года) Герцен уже знал об этом и известил Огарева и П. А. Тучкову-Огареву. С Л. Ф. Пантелеевым были знакомы П. И. Наумов и Н. М. Ядрищев¹⁵⁹.

В 1862 году руководители «Земли и воли» получили директиву Огарева — скорее организовать Кавказ и Урал¹⁶⁰. Летом член ЦК «Земли и воли» А. Слещов

¹⁵⁶ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 206.

¹⁵⁷ М. Демке. Н. М. Ядрищев, стр. 45.

¹⁵⁸ «Сибирская жизнь», 1914, 5 января.

¹⁵⁹ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 9, 391, 567.

¹⁶⁰ М. В. Нечкина. «Земля и воля» 60-х годов. «История СССР», 1957, № 1, стр. 130.

по рекомендации Пантелеева посылает на Урал Г. Потанина для создания там местной землевольческой организации¹⁶¹. Переодетый в мещанскую одежду, Потанин проскакал от Уральска до Гурьева и обратно и вернулся в Питер через Оренбург. «Я должен был собрать сведения об оппозиционных элементах в том крае, куда я еду, и установить с ними сношения впредь», — писал Г. Н. Потанин¹⁶². Г. Потанин был тесно связан также с революционерами Поволжья и Казани¹⁶³, был женат на сестре члена Казанского комитета «Земли и волю» К. В. Лавровского — А. В. Лавровской, впоследствии известной путешественнице¹⁶⁴. Иногда в литературе смешивают совершенно различные периоды его жизни: шестидесятые годы и последние десятилетия его деятельности, когда он порвал с революцией и превратился в демократа с либеральными взглядами. В шестидесятые годы Г. Н. Потанин входил в плеяду молодых революционеров, которые были воспитаны школой Белинского и Чернышевского.

Другой сибиряк, близкий Чокану Валиханову, Н. Ф. Анненский, стал впоследствии видным деятелем общественной мысли России. О годах, проведенных в Петербурге, и тесных связях с другими молодыми сибиряками он писал: «Россия стояла накануне великого перелома в своей исторической жизни. Старый крепостной порядок еще сохранил свое господство и еще очень больно давал себя чувствовать... Мы уже видели впереди святое солнце свободы, которое должно рассеять мрак окружавшей нас ночи и разогнать все темные силы, таившиеся под ее покровом»¹⁶⁵. Н. Ядринцев называл Анненского верным сыном шестидесятых годов. С. Елпатьевский¹⁶⁶ свидетельствует: «Юность Николая Федоровича прошла под огромным влиянием Герцена, о чем, как и о значении Герцена для России конца 50-х и на-

¹⁶¹ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 296; «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи», стр. 299.

¹⁶² «Сибирская жизнь», 1917, № 132.

¹⁶³ В. Смолкин. Г. Н. Потанин (80-летие), стр. 14.

¹⁶⁴ «Сибирская жизнь», 1914, № 222.

¹⁶⁵ Н. Ф. Анненский. Сорок лет тому назад. Литературник «Славном посту». СПб., 1900, стр. 431.

¹⁶⁶ С. Елпатьевский. Литературные воспоминания, ч. II, стр. 114.

чала 60-х годов, он много раз говорил мне раньше». А. Анненская, жена Н. Ф. Анненского, писала о муже: «Он был одним из представителей той революционно настроенной среды, без существования которой едва ли была бы возможна деятельность настоящих революционеров»¹⁶⁷. Н. Ф. Анненский принимал участие в составлении и обсуждении многих статей «Земли и воли», «Народной воли». Статистик Анненский позднее примыкал к революционному народничеству и выступал с разоблачением карательной политики царизма¹⁶⁸. В 1907 году им была выпущена книга «Галерея шлиссельбургских узников». В. И. Ленин считал данные Анненского более достоверными по сравнению с данными других статистиков¹⁶⁹.

Николай Михайлович Ядрищев — сибиряк, из купеческой семьи. Отец Ядрищева находился в близких отношениях с декабристами Штейнгейлем, Анненковым, Свиштуновым¹⁷⁰. Юношей, учась в Томской гимназии, Ядрищев увлекался статьями Белинского и русской переводной литературой. Это увлечение еще более усилилось в связи с приездом из Петербурга в Томск Щукина, который был страстным пронагадистом идей русской революционной демократии¹⁷¹. По пути в Петербург (1860 г.) Н. Ядрищев познакомился в Казани с ярким противником крепостного права, молодым ученым-вольномудрецом А. Шаповым. Эти и последующие встречи с ним произвели на Ядрищева сильное впечатление и оказали определенное влияние на его политические взгляды.

О периоде совместного пребывания с Потаниным и Чокапом Валихановым в Петербурге (1860—1861) Н. М. Ядрищев писал: «Акт нашего местного самосознания совпал с великим актом пробуждения русской жизни. Мы помним это время... после кровопролитной войны (Крымская война. — *Авторы*), а над русской землею встало яркое солнце, солнце новой жизни и обновле-

¹⁶⁷ «Русское богатство», 1913, № 1, стр. 75—76.

¹⁶⁸ М. Лемке. Н. М. Ядрищев, стр. 189; БСЭ т. 2, стр. 462.

¹⁶⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 192.

¹⁷⁰ «Сибирский сборник», 1895, вып. 3, стр. 77.

¹⁷¹ М. Лемке. Н. М. Ядрищев, стр. 27; С. Кожевников. Н. И. Наумов, стр. 17; «Воспоминания о Н. М. Ядрищеве», 1894, стр. 5, 7; Г. Н. Потанин. Воспоминания, «Сибирская жизнь», 1913, № 93.

ния. Оно встретило нас, когда мы явились с нашей далекой родины в университеты в конце 50-х годов. Нечего говорить, что университет, особенно Петербургский, играл тогда роль фокуса, отражавшего умственную жизнь всего общества, и был центром обмена идей между лучшими представителями старого поколения и восприимчивыми поколениям нового»¹⁷².

По прибытии в Петербург Н. Ядринцев принял активное участие в организации кружка сибирских патриотов, стал сотрудничать в «Искре», постоянно посещал «редакционные утра» у В. Курочкина, ближайшего единомышленника Н. Г. Чернышевского. Известно, что с В. Курочкиным находился в тесной дружбе и Чокан Валиханов.

После разгрома видных деятелей освободительного движения 60-х годов Н. Ядринцев перешел на исследовательскую и публицистическую работу. Им опубликован ряд интересных трудов об истории ссылки в Сибирь, о положении малых народов Сибири, о передовых деятелях края в шестидесятых годах. В этих трудах тогдашняя действительность обрисована весьма непривлекательной. В одной из работ, изданной за границей, содержатся, например, такие характеристики пореформенного периода: «После освобождения крестьян община сильно изменила свой склад, выдвинулось кулачество, объявились обезземеленные крестьяне, и в России обнаружился тот же аграрный вопрос и безземелье, которое считалось только язвою запада»; «Кто не знает, что в Китае китайщина и бамбуки, в Турции инурок, а в России полицейские палки и розги... Мы видим, что это эпоха застоя, разложения и внутреннего и внешнего бессилия»¹⁷³.

Современники Н. М. Ядрищева высоко ценили эту цельную натуру, его идейную последовательность, преданность интересам народа и крестьян и называли его иногда «шестидесятником чистой воды и другом инородцев Сибири». Он действительно был настоящим защитником интересов малых народов Сибири.

Н. М. Ядринцев был личным другом Валиханова.

---

¹⁷² Н. М. Ядринцев. Сибирские литературные воспоминания, стр. 3.

¹⁷³ Н. Ядринцев. Иллюзия величия и ничтожество. Жевева, 1897, стр. 5, 7.

Будучи в тюрьме, он написал некролог на смерть Чокана Валиханова и опубликовал его в газете «Сибирский вестник», а спустя почти 30 лет поместил краткие воспоминания о нем в «Записках Русского географического общества».

Коротко скажем о других сибиряках, окружавших Чокана Валиханова в Петербурге.

Ф. Н. Усов, в свое время окончивший Омский кадетский корпус, школьный товарищ и общий друг Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина. Он был самым молодым членом казачьего кружка в Омске. В Петербурге Усов, как казачий офицер, слушал лекции в Военной Академии, жила вместе с Потаниным, Ядрищевым и Наумовым в одном доме, всецело разделял их убеждения.

Николай Иванович Наумов, впоследствии писатель, занимал видное место в народнической литературе. Наумов родился в Тобольске. Его отец принимал в своем доме ссыльных декабристов¹⁷⁴. В Петербурге Потанин, Ядрищев, Наумов и Куклин артельно обедали¹⁷⁵. С Наумовым дружил и много ему помогал Г. З. Елисеев. За непосредственное участие в студенческих волнениях в 1861 году Наумова исключили из университета. В 1862 году Наумов был арестован как член «Земли и воли»¹⁷⁶. В советской литературе Н. Наумов правильно назван революционным народником¹⁷⁷. Романом Н. Наумова «Сила солому ломит», по словам Плеханова, в 70-х годах зачитывались, и народники пропагандировали это произведение среди крестьянства¹⁷⁸.

И. В. Оммулевский-Федоров, страстный патриот Сибирского края, писатель, сложившийся под влиянием Чернышевского и Писарева. В 1873 году был заключен в Петропавловскую крепость за «недозволенные отзывы» о правительстве. Им написан запрещенный царизмом роман «Попытка не шутка». Другим романом Оммулевского «Шаг за шагом» — молодежь зачитывалась в те времена, и он произвел настоящую сенсацию¹⁷⁹.

¹⁷⁴ С. Кожевников. И. И. Наумов, стр. 10.

¹⁷⁵ Там же, стр. 18.

¹⁷⁶ Там же, стр. 23.

¹⁷⁷ И. И. Наумов. Сочинения. М., 1933, стр. 10.

¹⁷⁸ Н. И. Наумов. Избранные произведения. Новосибирск, 1951, стр. 3.

¹⁷⁹ Полное собрание сочинений Оммулевского, т. 1, введение.

Современники считали Омулевского-Федорова бойцом-шестидесятником¹⁸⁰.

С. С. Шашков — пылкий сибиряк, перешедший из духовной академии на восточный факультет университета. Шашков, так же как и Наумов, был близок с Г. Елисеевым, которого уважал и ценил всю жизнь. Одно время он жил в квартире А. Шапова, многому у него учился¹⁸¹. Вернувшись к середине 60-х годов в Сибирь, развернул кипучую деятельность, читал публичные лекции о произволе и взяточничестве чиновников, о поправлении ими и без того куцых законов. Он проповедовал борьбу за свободу личности, за республиканскую форму правления и за прогресс Сибири. Все это показалось ревностным защитникам царя «призывом к мятежу»¹⁸², и вскоре С. С. Шашков был арестован.

Ипполит Пирожков — бурят по национальности, казачий офицер, служивший в Омске. И. Пирожков еще будучи кадетом старался привить окружающим демократические вкусы. В Петербурге И. Пирожков увлекался философией Гегеля¹⁸³.

В. В. Чуйко был потом членом «Земли и воли», вместе с А. Строниным, А. Роциным, С. Капустиным входил в одну из пятерок, созданных А. Слепцовым. За границей учил дочь А. И. Герцена (1863), как член «Народной воли» был привлечен к процессу 14-ти¹⁸⁴.

Иван Александрович Худяков, выходец из бедной семьи г. Тобольска, жил вместе с Потаниным, Ядринцевым и др. В Петербурге ощущал острую материальную нужду и проявлял решительность в своих политических суждениях против царя и самодержавного строя. Несколько позже примкнул к революционной группе самоотверженных каракозовцев, был инициатором неудавшейся попытки освобождения Н. Г. Чернышевского¹⁸⁵ из сибирского заточения.

Даже из этой краткой характеристики членов сибир-

¹⁸⁰ «Сибирский сборник», 1886, № 4, стр. 140.

¹⁸¹ М. Лемке. Н. М. Ядринцев, стр. 48; «Новое время», 1876, № 196.

¹⁸² «Сибирская жизнь», 1914, № 9.

¹⁸³ «Сибирская жизнь», 1913, № 26; М. Лемке. Н. М. Ядринцев, стр. 38.

¹⁸⁴ «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. 1. М., 1958, стр. 301; «Календарь русской революции», стр. 242; ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, д. 100, ч. 113, л. 21.

¹⁸⁵ «Сибирская жизнь», 1914, № 94.

ского кружка в Петербурге можно прийти к следующему заключению.

Этот кружок не был случайным союзом молодых людей, ищущих приключений или просто увлекающихся всякой жизненной новизной; это были молодые, страстные и в основном преданные деятели освободительного движения; в большинстве это были одаренные и образованные люди своего поколения и это в совокупности с их верностью передовым идеям, делало сибирский кружок по-своему оригинальным и важным. Вот почему видные деятели русской революционной демократии, включая ближайших соратников Чернышевского, находились в контакте со многими членами кружка. Добролюбов, Курочкин, Пантелеев и другие идеологи и руководители русской революционной демократии лично знали некоторых членов этого кружка и постоянно были связаны с ними. Такие сибиряки, как Валиханов, Потанин, Щукин, Ядринцев, Наумов и другие участвовали в литературных сходках, организуемых революционерами-публицистами, сотрудничали в их печатных органах, вплоть до «Колокола» Герцена.

То, что многие видные члены сибирского кружка уже в 1861—1862 годах вошли в тайную революционную организацию «Земля и воля», идейным и непосредственным вдохновителем которой был Н. Г. Чернышевский и которая ставила задачу организации масс и подготовки к крестьянскому вооруженному восстанию, говорит о многом. Между тем, как известно, Чокан Валиханов находился в числе видных членов этого кружка.

Интересно теперь узнать, чем занимались в сибирском кружке его участники, как была организована его внутренняя жизнь. (С внешней стороны это, конечно, было похоже на товарищество молодых людей, связанных землячеством. Под таким определением этот кружок был известен и в агентурных органах, в том числе в III отделении. На своих собраниях сибиряки, как правило, пили пиво, закусывали, говорили вначале обо всех новостях— в литературе, общественных организациях и в государственной политике, пели песни. Но собирались они не ради этого. Здесь шел разговор о замыслах новых статей и стихов с разоблачением злоупотреблений или выражением протеста против общественной несправедливости, о конституции, республике, социализме и револю-

ции, о публицистике и передовых идеях на Западе и в России и т. п. Ч. Валихапов и его друзья занимались в кружке политическим самообразованием, читали «Колокол» Герцена, статьи Чернышевского и Добролюбова в «Современнике», перечитывали Белинского, смеялись над карикатурами «Искры» (филиал «Современника»), знакомились с учением социалистов-утопистов, с политическими взглядами вождей Великой французской революции, анализировали политическое положение России, т. е. обсуждали самые острые и злободневные вопросы современной им действительности и политики. Сами участники сибирского кружка в Петербурге позже указывали, что он состоял из разных людей, но «все они были настроены революционно...»¹⁸⁶ Они стремились связать свои убеждения с практическими мерами по обновлению Сибири, и этот вопрос вызывал горячие споры и разногласия¹⁸⁷.

Иногда в кружке бывали представители старшего поколения. Например, петрашевец А. Н. Плещеев читал лекции на темы: «Все люди братья», «Всеим трудящимся на благо». Это было нужное дело, «но еще дороже было, — писал П. Ядринцев, — то нравственное воздействие, тот пример гражданской доблести и силы убеждения, которую он внушал, стоя несокрушимым ратником среди редущих борцов своего поколения»¹⁸⁸. Сам Чернышевский считал деятельность Плещеева «безукоризненной и полезной»¹⁸⁹.

В кружке сибиряков выступал также Г. З. Елисеев — сибиряк, сотрудник «Современника» и заместитель ЦК «Земли и воли»¹⁹⁰. П. Л. Лавров, считая борьбу против абсолютизма традицией русской интеллигенции, называл Елисеева лучшим и самым верным представителем русской мысли в эпоху тяжелой реакции¹⁹¹. По словам Г. Поташина, сибирские патриоты обязаны Елисееву «своим воспитанием в духе демократических идей»¹⁹².

¹⁸⁶ «Сборник к 80-летию со дня рождения Г. Н. Поташина. Томск, 1915, стр. 63.

¹⁸⁷ «Сибирская жизнь», 1913, № 103.

¹⁸⁸ «Восточное обозрение», 1893, № 65.

¹⁸⁹ «Русская литература», 1961, № 2, стр. 127, 134.

¹⁹⁰ В. Баскаков, Мировоззрение Чернышевского, стр. 302.

¹⁹¹ П. Лавров, Последовательные поколения. Желва, 1892, стр. 4, 49.

¹⁹² «Сибирская жизнь», 1916, 20 января.

Заглядывал в кружок и Ф. М. Достоевский. Здесь он однажды прочел отрывок из «Записок мертвого дома»¹⁹³. Позднее, когда реакция обвиняла студентов в поджоге города, Ф. М. Достоевский выступил в их защиту, возражая против клеветы¹⁹⁴. По свидетельству Н. Ядринцева, для членов кружка обещали прочесть лекции также Г. Успенский и В. Семевский¹⁹⁵.

Когда сибиряки собирались на квартире Чокана Валиханова, здесь часто присутствовал его друг — офицер генштаба, сибиряк А. Голубев, который вел политическую агитацию среди офицеров генштаба¹⁹⁶. По словам Г. Потанина, Голубев «горячо сочувствовал стремлениям русского общества к политической свободе». «Однажды, — продолжает Потанин, — он пригласил меня к себе вечером на чай. Я застал у него большую компанию офицеров генштаба. За чайным столом шли горячие разговоры о внутренней русской политике. Голубев в своем порыве к новой жизни превосходил всех своих гостей»¹⁹⁷.

Некоторые из сибирских патриотов бывали на квартире известного польского революционера, друга Чернышевского Зигмунда Сераковского, казенного царским правительством в 1863 году как участника вооруженного восстания поляков¹⁹⁸. На вечерах, устраиваемых Сераковским, «обсуждались почти все социально-политические вопросы»¹⁹⁹.

Большинство участников сибирского кружка, в том числе и Валиханов, посещали лекции Костомарова, посвященные племенно-федеративной теории устройства государства. Здесь они видели и Т. Шевченко²⁰⁰. «Я помню лекции Костомарова и других любимых профессоров, почти публичные, — писал Н. Ядринцев. — Университетский зал потрясаялся от восторга слушателей, юнаний охватывал тренет. Они испытывали то, что испытывали люди под первым обаянием ораторов, мыслите-

¹⁹³ «Сибирский сборник», 1897, вып. 4, стр. 399.

¹⁹⁴ «Печать и революция», кн. 2—3, 1929, стр. 59—76.

¹⁹⁵ «Восточное обозрение», 1893, № 65.

¹⁹⁶ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XXVIII.

¹⁹⁷ «Сибирская жизнь», 1917, № 127.

¹⁹⁸ «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 100.

¹⁹⁹ Ю. Ковалевский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. М., 1953, стр. 107.

²⁰⁰ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XXVIII; А. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 235.

лей, проповедников истины и науки»²⁰¹. Сибирская молодежь также посещала кружок Т. Шевченко, восхищалась его поэзией; среди них было особенно популярно его стихотворение «Сон».

В Петербурге «на головы сибирских патриотов обильно сыпались новые идеи, новые течения». На них «хлынуло все разом: европейская жизнь, история и идеи, волновавшие Европу полвека», — писали некоторые из них в своих воспоминаниях²⁰². Сибирские патриоты, несмотря на то, что они принадлежали к разным социальным слоям, проходили в кружке хорошую школу идейной закалки, становились политически зрелыми людьми. Они стали хорошо разбираться в современной им политической обстановке, видеть достоинства и недостатки главных течений русской общественной мысли. Они осуждали русский либерализм, сторонников теории «официальной народности», славянофилов и западников. Н. М. Ядринцев назвал русский либерализм «забавой, а не делом»²⁰³.

Деятельность кружка сибирских патриотов была известна Чернышевскому²⁰⁴, а руководитель кружка Г. Н. Потанин неоднократно посещал великого революционного демократа и беседовал с ним²⁰⁵. Г. Н. Потанин еще в Сибири был знаком с другом Чернышевского В. Лободовским, и из его рассказов знал о Чернышевском и его идеях. Лободовский даже обещал дать Потанину рекомендательное письмо к Н. Чернышевскому, по обстоятельствам помешали Потанину записаться этим письмом. По приезде в Петербург, несмотря на отсутствие рекомендательного письма, Г. Потанин все же решил навестить Н. Чернышевского. Свои встречи с Н. Чернышевским он описал в «Воспоминаниях о Н. Г. Чернышевском». Эти воспоминания Г. Потанина обнаружены нами в ЦГАЛИ СССР в Москве²⁰⁶.

²⁰¹ Н. М. Ядринцев. Сибирские литературные воспоминания. Красноярск, 1919, стр. 10.

²⁰² Г. Н. Потанин. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1913, № 109; М. Лемке. Н. М. Ядринцев, стр. 28.

²⁰³ ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, д. 196, л. 49.

²⁰⁴ «Восточное обозрение», 1884, № 26.

²⁰⁵ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 666, лл. 1-11; ИВТГУ, архив Потанина. Заметки о Бакуинце, № 5317.

²⁰⁶ ЦГАЛИ, ф. 1 (фонд Чернышевского), оп. II, ед. хр. 616; Г. Н. Потанин. Воспоминания о Н. Г. Чернышевском.

В самом начале Потанин пишет: «Мне не удалось расширить свое знакомство с Николаем Гавриловичем Чернышевским до более крупных размеров, оно ограничилось только двумя встречами с ним»²⁰⁷. В воспоминаниях же Потанина идет речь только о первой его встрече с ним и нет ни слова о второй²⁰⁸. Из воспоминаний видно, что эти встречи состоялись до возвращения Чернышевского в Саратов. Поэтому уместен вопрос, когда же состоялась вторая встреча с Чернышевским? Следует предположить, что она состоялась до 15 ноября 1861 года, так как начиная с 15 ноября, все лица, встречавшиеся с Чернышевским, фиксировались тайной полицией, а в их числе нет имени Г. Н. Потанина. 7-го же июля 1862 года Чернышевский был арестован. Следовательно, вторая встреча Потанина с Чернышевским состоялась до 15 ноября 1861 года, то есть в период пребывания Ч. Валиханова в Петербурге.

В этой связи следует сказать об одной пуганке, получившей распространение. В Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) в Москве, в личном фонде Н. Г. Чернышевского (фонд I, опись I, ед. хр. 611) имеется статья П. Н. Карелина под названием: «Потанин о Чернышевском». В этой статье П. Н. Карелин, ссылаясь на материалы журнала «Исторический вестник» (№ 1 за 1905 год), где напечатаны «Воспоминания о Н. А. Некрасове» Гавриила Никитича Потанина, пишет о якобы отрицательном отношении Григория Николаевича Потанина к революционной деятельности Н. Г. Чернышевского. Вдобавок к этому П. Н. Карелин считает Григория Николаевича Потанина сибирским сепаратистом, далеко стоявшим от революционеров-шестидесятников. Ошибка П. Н. Карелина, принявшего воспоминания Гавриила Никитича Потанина — одного из недоброжелателей Н. Г. Чернышевского по работе в журнале «Современник», за воспоминания Григория Николаевича Потанина привела его к повторной ошибке, выразившейся в опубликовании им в журнале «Экран» (№ 48 за 1928 год) статьи под названием: «Встречи с Чернышевским Потанина», где вновь Гавриил Никитич Потанин выдается за Григория Николаевича

²⁰⁷ Там же, стр. 1.

²⁰⁸ Там же, стр. 12.

ча Потанина. Поверхностное отношение к освещению деятельности Григория Николаевича Потанина, допущенное П. Н. Карелиным, еще более затуманило и без того не совсем правильно обрисованную картину его политической деятельности.

Историческая правда состоит в том, что Григорий Николаевич Потанин имел две встречи с П. Г. Чернышевским. В то время он поддерживал Н. Г. Чернышевского и оставался его горячим поклонником. Однако это не означает, что у Г. Н. Потанина не было своих взглядов или каких-либо отступлений. Но в целом в нем всегда брала верх линия революционной демократии 60-х годов. Следует решительно отгнать тезис П. Н. Карелина о якобы отрицательном отношении Григория Николаевича Потанина к революционной деятельности Н. Г. Чернышевского в частности и к революционной ситуации 60-х годов вообще.

В литературе есть пока еще неподтвержденные сведения о посещении Н. Г. Чернышевского Чоканом Валихановым²⁰⁹. Такая встреча была вполне возможной.

Ведущие члены сибирского кружка почти всегда следовали за революционными демократами, придерживались их позиций, а в спорах становились на их сторону. Об этом говорят многочисленные факты.

Когда в апреле 1861 года в селе Бездны Казанской губернии на панихиде по убитым восставшим крестьянам выступил профессор Казанского университета сибиряк А. Шапов с революционной речью о том, что крестьяне пали жертвами деспотизма на земле и что «эта земля воззовет народ к восстанию и свободе», его голос прозвучал на всю Россию, и сибирские патриоты гордились отважным земляком, который «гремел в Казани»²¹⁰. Шапов был членом тайной организации «Библиотека казанских студентов» и «сыграл крупнейшую роль в создании в Казани революционной организации, влившейся потом в ряды тайного общества»²¹¹. Привезенный властями после выступления в Петербург, Шапов отделался толь-

²⁰⁹ Н. М. Чернышевская, *Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского*, М., 1953, стр. 232.

²¹⁰ ГИПБ им. В. И. Ленина, Рукописный отдел. Оп. 192, 2, л. 1; «Сибирский сборник», 1888, вып. 1, стр. 30.

²¹¹ «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 654; «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1962, стр. 269.

ко двухнедельным арестом при полиции. В столице он подружился с Курочкиным, Елисеевым и примкнул к кружку сибирских патриотов. Здесь он читал лекции о федеративно-областном устройстве государства. Шапов пытался создать в науке особую историческую школу, проповедующую историю масс. По образному выражению его товарищей, он хотел соединить декабристов с народом²¹².

Когда возник идейный спор между редакциями «Современника» и «Русского слова», между Чернышевским и Юркевичем (как известно, Юркевич нападал на статью Чернышевского «Антропологический принцип в философии»), сибирские патриоты встали на сторону «Современника» и Чернышевского, против «Русского слова» и Юркевича.

Следует при этом помнить особенности кружка «Сибирское землячество» — его тесную связь с проблемами Сибири. Члены кружка страстно обсуждали вопросы политики царского правительства в Сибири, раскрывали ее пороки, вносили практические предложения, направленные на ее развитие. Так, например, они очень много говорили об уголовной и административной ссылке в Сибирь и требовали ее отмены²¹³. Они выступали против тенденции развития крупной земельной собственности в Сибири, ратовали за сохранение общинного землевладения, говорили о бюрократии и ее злоупотреблениях, о вымирании малых народов и о том, что царское правительство смотрит на Сибирь как на «золотое дно», которое можно без конца грабить и разорять. При этом они опирались на слова Герцена о том, что царские сатрапы на Сибирь «смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меху и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населен. Это неверно. Мертвящее

---

²¹² «Новое время», 1876, № 277; «Сборник избранных статей стихотворений и фельетонов Н. М. Ядринцева». Красноярск, 1919, стр. 25; «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1962, стр. 35, 82; «Сибирская жизнь», 1906, № 162 (приложение); Ядринцев. Жизнь и труды А. П. Шапова. Красноярск, 1919, стр. 3—4; «Ученые записки Казанского университета», т. 33, 1928, стр. 15—30; Сочинения А. П. Шапова, т. 3. СПб., 1908, стр. 79, 85; «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 654, 657—666.

²¹³ «Голос минувшего», 1915, № 1, стр. 290—291.

русское правительство, делающее все насильем, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед»²¹⁴. «Чиновничество царит... в Сибири; тут оно раскинулось беспрепятственно, без оглядки... даль страшная, все участвуют в выгодах, кража становится *res publica* (общим делом)»²¹⁵.

В 72 номере «Колокола» за 1860 год была опубликована статья «К характеристике Сибири», отправленная в Лондон сибирскими патриотами (написанная, по-видимому, Г. Потаниным вместе с Ч. Валихановым), об управлении казахской степью. Эта статья получила большую огласку и, говорят, способствовала освобождению генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта от его обязанностей²¹⁶.

Примечательно, что кружок «Сибирское землячество» уделял определенное внимание национальному вопросу в Сибири. О положении инородческого населения Сибири выступали Ч. Валиханов и Пирожков²¹⁷. Члены кружка стояли за политику оказания помощи малым народам, содействия переходу кочевников к оседлости, за гуманизм и братское отношение русских к этим народам. Сибирские патриоты высказывали мнение о том, что в случае начала восстания в Сибири с целью поддержать революцию в России «за раскольниками и чернозаводскими крестьянами» пойдут инородцы отстаивать свою свободу и независимость от царизма²¹⁸. Эти трезвые и смелые суждения сибирских патриотов, до которых в то время не могли подняться многие либеральные деятели России, свидетельствуют об их идейной зрелости.

Изложенное не оставляет сомнения в радикальности и революционности взглядов участников кружка сибирских патриотов. Правильно писали в свое время в официальных бумагах, что они собирались учить народ «ре-

²¹⁴ Б. Г. Кубалов. А. И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958, стр. 36.

²¹⁵ А. И. Герцен. Собр. соч., т. 8, М., 1956, стр. 253.

²¹⁶ Б. Г. Кубалов. А. И. Герцен и общественность Сибири, стр. 153.

²¹⁷ В. А. Обручев. Г. Н. Потанин. М.—Л., 1947, стр. 51; «Сибирская жизнь», 1913, № 114.

²¹⁸ «Сибирская жизнь», 1913, № 114; НБТГУ, архив Потанина, № 6947, ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, д. 196, лл. 239, 110.

волюционным идеям»²¹⁹. Н. Ядринцев и другие сибиряки в своих воспоминаниях в самой остроумной форме писали, что сибирский кружок в Петербурге далеко «не преследовал какой-нибудь утилитарной и практической цели вроде кассы взаимной поддержки, нет! Идея сознательного служения краю в тот момент, когда в европ. лейской России пробуждалось тоже самосознание, вот идея, которая легла в основу нашего сближения»²²⁰. На самом деле это был вполне зрелый политический кружок, искусно прикрывшийся безобидной формой земляческих отношений.

Эта особенность подобных кружков в России была известна и на Западе. К. Маркс, внимательно следивший за революционным движением студенческой молодежи в России, указывал, что русские учащиеся, «чтобы обеспечить преимущественно студентам средства для продолжения образования, основали кассы взаимопомощи. Наиболее серьезные из них решили не давать больше правительству никакого повода к закрытию этих касс, организация которых допускала, для решения деловых вопросов, проведение небольших собраний. Эти деловые собрания заодно давали возможность обсуждать политические и социальные вопросы»²²¹. К числу таких «серьезных» кружков относилось и «Сибирское землячество».

В первое время царские агенты не могли раскусить его цель. III отделение, следившее за движением петербургской молодежи, доносило царю, что «никаких сходок или кружков с политической целью между студентами сибиряками не было, а собирались иногда несколько товарищей, чтобы разделить присланные деньги, вырученные от спектаклей, концертов...»²²². Царское правительство раскрыло природу кружка сибирских патриотов несколько позже: вначале в связи с арестом Чернышевского и других деятелей и активистов революционного движения в столице, а более определенно — в 1864—1865 годах, когда возвратившиеся в Сибирь участники пе-

²¹⁹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, д. 196, л. 133; Госархив Омской области, ф. 3, оп. 15, д. 11, лл. 1—32.

²²⁰ «Восточное обозрение», 1884, № 6, 9 февраля.

²²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 18, стр. 389.

²²² ЦГАОР, ф. 109 (III отделение), 1 экспедиция, оп. 5, 1865, д. 196, л. 429.

тербургского сибирского кружка развернули активную политическую деятельность и были арестованы за «противоправительственные действия». Тогда их заодно обвинили в организации в свое время в Петербурге «тайного сибирского кружка», а Г. Н. Потанина — как его руководителя.

Члены кружка «Сибирское землячество» мужали и росли в идейно-политическом отношении под непосредственным влиянием видных деятелей русского освободительного движения, под влиянием революционной ситуации, назревавшей в стране, и в силу связей с другими передовыми политическими кружками Петербурга.

Путь членов кружка был нелегким. Передко они расходились между собой в вопросах формы и тактики действий. Среди них были люди, не освободившиеся от влияния социальной среды, из которой они происходили, от «сибирской провинциальности». Однако при всем этом они, как правило, были единодушны в главном — решимости бороться за обновление существующего режима, за свободу и справедливость.

Многие недостатки были присущи в то время не только кружку «Сибирское землячество» и обуславливались характером эпохи и времени. Тем более надо учитывать, что это был кружок не опытных политиков, а организация молодых борцов, сочетавших политическую учебу с закалкой, стремившихся свою ненависть к царизму воплотить в активных действиях.

Чокан Валиханов отдавал много времени науке и был перегружен по службе. Он не мог принимать участия во всех вечерах кружка сибирских патриотов, тем не менее основной политической курс кружка оставался ему близким и родным. В кружке он занимал положение старшего. С ним считались, его уважали и им гордились все члены кружка независимо от их возраста и положения. Видимо, имело значение и то, что Чокан Валиханов по знаниям, эрудиции и научному авторитету не только не уступал другим членам, а даже превосходил их, не говоря уже о том, что в столице он был достаточно известен как талантливый ученый. Кроме того, благодаря своему дару быстро сближаться с разными людьми он оказался вскоре знакомым с известными деятелями и ответственными государственными сановниками, в том числе близкими самому императору. Круг его знакомых

и связей в Петербурге достаточно был широк, особенно он ценил и укреплял свои личные знакомства и связи с видными деятелями передовой общественной мысли и освободительного движения.

В Петербурге Ч. Валиханов посещал квартиру Ф. М. Достоевского, где познакомился с его братом — Михаилом Михайловичем и другими литераторами и публицистами его круга. Особенно он сблизился с молодым поэтом Всеволодом Крестовским (1840—1895), который в то время работал над романом «Петербургские трущобы». Н. Ядринцев указывает, что Чокан давал Крестовскому темы для стихотворений. Кормясь «крохами остроумия талантливого Валиханова, он немедленно строчил свои романсы»²²³. В то время Крестовский находился под определенным влиянием критической литературы и стремился в своем творчестве подражать ей. В своем стихотворении «Стоп земли» В. Крестовский, по словам агентов III отделения (за ним тоже следили), говорил, что русская земля, пропитана «крестьянской кровью и крестьянскими слезами» и молит, чтобы па ней, наконец, выросла свобода²²⁴. Однако Крестовский оказался далеко не последовательным в своих убеждениях, скорее всего это было простое увлечение идеями освободительного движения. К концу 60-х годов Крестовский выступал против русской революционной демократии и перешел в лагерь ее противников.

В Петербурге Ч. Валиханов близко сошелся с А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, братьями Василием и Николаем Курочкиным, Н. Страховым.

Аполлон Николаевич Майков в молодости учился за границей, в 1849 году привлекался к допросу по делу петрашевцев и до 1856 года находился под секретным надзором полиции²²⁵. А. Майков не только не выдал своих сообщников царской охранке и скрыл действительные цели петрашевцев, но и долгое время после осуждения петрашевцев сохранял в тайне членов кружка Петрашевского. Так, в 1885 году он писал историку литературы П. Вискотоватову: «Спешнев, Пав. Филиппов —

²²³ С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1895, т. 4, отдел 2, стр. 4.

²²⁴ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 1971, лл. 4, 6, 12, 14.

²²⁵ «Нива», 1888, № 18; В. Лейкина. Петрашевцы. Л., 1956, стр. 107.

эти умерли, так я их называю, другие, кажется, еще живы, потому об их все-таки умолчу, как молчал до сих пор целые 37 лет обо всем этом эпизоде, и еще пять или шесть, не помню, в том числе Достоевский... решили завести тайную типографию»²²⁶.

А. Н. Майков был крупным поэтом своего времени, ему принадлежат крылатые слова: «Чем почь темней, тем звезды ярче». В шестидесятых годах он написал трагедию «Два мира», основным содержанием которой был протест против тирании Рима в 60-х годах I века²²⁷. Был близок с Шевченко, Полонским, Достоевским, Писемским и братьями Курочкиными²²⁸. С А. Майковым Ч. Валиханова связывала личная дружба, а в последующие годы — дружеская переписка.

Яков Петрович Полонский — поэт, сочувствовал «Земле и воле». По словам Л. Ф. Паптелеса, он сделал в квартире Полонского «своего рода склад, когда что-нибудь находил неудобным держать у себя»²²⁹. Полонский лично знал Герцена и Чаадаева²³⁰. Современники иногда ставили А. Майкова и Я. Полонского в один ряд с Некрасовым²³¹. По определению Н. Страхова, Полонский по своим политическим взглядам принадлежал к западничеству²³². Хотя он происходил из дворян, но в жизни терпел большую нужду. Когда цензурой были запрещены его статьи за антиправительственное содержание, он, оставшись совершенно без средств, по его словам, «по три дня ничего не ел». О самых бурных и тревожных 1860—1861 годах Полонский впоследствии писал: «Эти годы были так полны всякого рода тревожениями и борьбы, горя, надежды, отчаяния, светлых радостных минут и страданий, любви и горьких слез—слез, которые до сих пор зудят в глазах и текут по щекам моим»²³³.

Полонский вместе с Шевченко, Майковым, Достоев-

²²⁶ М. Гус. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. М., 1962, стр. 96.

²²⁷ Н. Страхов. Заметки о Пушкине и других поэтах. Киев, 1897, стр. 193.

²²⁸ Т. Г. Шевченко. Дневник. М., 1925, стр. 154, 261.

²²⁹ Л. Ф. Паптелес. Воспоминания, стр. 250.

²³⁰ Я. П. Полонский. Его жизнь и сочинения. М., 1906, стр. 9.

²³¹ Н. Николадзе. Воспоминания о 60-х годах. «Семья и которга», 1927, № 5, стр. 32.

²³² Там же, стр. 139.

²³³ ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 2, ед. хр. 7, лл. 23, 28, 74. Дневник Полонского Я. П.

ским принимал участие в первых литературных чтениях в Петербурге²³⁴ в пользу бедных учащихся. У Полонского можно было часто встретить братьев Курочкиных, Шевченко, Плещеева, Достоевского и других литераторов²³⁵. Полонский был другом революционера-демократа М. И. Михайлова²³⁶. В Петербурге Ч. Валиханов часто встречался с Полонским, был знаком с его кругом и по возвращении из Петербурга в своих письмах тепло вспоминал о нем²³⁷.

Братья Василий и Николай Курочкины были известны в русской литературе как поэты «Искры»²³⁸. Поэтов «Искры» знали и любили Ленин, Горький и Крупская²³⁹. Вслед за «Современником» «Искра» проводила идею подготовки крестьянского восстания в России. Недаром «искровцев» часто называли «чернышевцами»²⁴⁰. В шестидесятые годы XIX века «Искра» для внутренней России («Колокол — для внешней») была центром обличения зла²⁴¹, а Николай Степанович Курочкин — как бы председателем суда общественного мнения России²⁴². «Многие и многие боялись «Искры», многие и многие возлагали на нее надежды», — указывали современники²⁴³. В «Искре» сотрудничали и сибирские патриоты²⁴⁴.

Н. С. Курочкин в свое время подвергался аресту по делу Петрашевского²⁴⁵. Он был другом Сергея Федоровича Лурова — ведущего политического наставника Ч. Валиханова²⁴⁶. Был известен также как человек, «объездивший всю Европу», и как переводчик Прудо-

²³⁴ Л. Хинкулов. Т. Шевченко. Биография, М., 1960, стр. 365; Л. Ф. Пайтеев. Воспоминания, стр. 221; Материалы для биографии П. В. Лаврова. Изд., 1921, стр. 76.

²³⁵ ЦГАЛИ, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 34, л. 11.

²³⁶ П. Орлов. Я. П. Полонский, 1961, стр. 31; ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 2, ед. хр. 7, л. 42.

²³⁷ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 549, 558.

²³⁸ «Литературное наследство», т. 25/26, 1936, стр. 472—473.

²³⁹ В. Курочкин. Стихотворения. М., 1956, см. введение;

В. Баскаков. Мирозрение Чернышевского. М., 1956, стр. 302.

²⁴⁰ М. Шагинян. Тарас Шевченко. М., 1946, стр. 291.

²⁴¹ «Русская мысль», 1891, № 3, стр. 205.

²⁴² Б. Б. Глицкий. Борьба за конституцию 1812—1861 гг. СПб., 1908, стр. 609.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Г. Глицкий. Н. М. Ядринцев (биографический очерк). М., 1895, стр. 13.

²⁴⁵ ЦГАОР, ф. 109, экспедиция, оп. 5, д. 214, ч. 98, л. 2.

²⁴⁶ ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 155, лл. 1—4.

на²⁴⁷. Во время своих заграничных путешествий лично познакомился с Герценом, к которому питал «кроме уважения какую-то сердечную нежность»²⁴⁸. Н. Курочкин дружил с П. Л. Лавровым, с которым был знаком С. Ф. Дуров, Д. И. Писаревым, Н. В. Шелгуновым²⁴⁹. Им был написан некролог по поводу смерти Д. И. Писарева, помещенный в «Отечественных Записках»²⁵⁰. Его брат — Василий Курочкин «был крупнейшим, после Некрасова, поэтом революционных разночинцев»²⁵¹.

Братья Курочкины являлись друзьями и переводчиками Тараса Шевченко²⁵². Они познакомились с ним в июне 1858 года²⁵³. Знакомство с Курочкиными оказалось определенное влияние на Т. Шевченко. Как известно, Тарас Григорьевич после освобождения из ссылки вел дневник, начало которого датировано 12 июня 1857 года. С 13 июля 1858 года записи прекращаются²⁵⁴. Это было не случайно. Как раз на 1858 год падает знакомство Шевченко с Чернышевским, братьями Курочкиными, Сераковским и другими представителями революционной демократии²⁵⁵. А Т. Шевченко хорошо знал, что может значить дневник для III отделения. На похоронах Т. Г. Шевченко П. С. Курочкин выступил с речью²⁵⁶.

Знакомство с братьями Курочкиными было плодотворным для многих. П. Ядрищев говорил, что у В. Курочкина он «слушал весьма дальние разговоры»²⁵⁷. То же самое писал А. Щапов: «Из литературных бесед мне особенно нравятся беседы у Курочкина: «ближе к делу»²⁵⁸.

²⁴⁷ «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». СПб., 1907, стр. 169.

²⁴⁸ «Герцен в воспоминаниях современников». М., 1956, стр. 300—301.

²⁴⁹ «Литературное наследство», т. 25/26, 1936, стр. 472; Л. П. Шелгунова. Из далекого прошлого. СПб., 1901, стр. 77.

²⁵⁰ «Отечественные записки», 1868, № 8.

²⁵¹ «Революционно-демократическая поэзия 60-х годов». Л., 1934, стр. 72.

²⁵² Я. Д. Дмитрико. Общественно-политические и философские взгляды Т. Г. Шевченко. М., 1954, стр. 164.

²⁵³ «Русская литература», 1958, № 1.

²⁵⁴ Т. Шевченко. Дневник. М., 1925.

²⁵⁵ Там же, стр. 154, 261; «Советская Украина», 1956, № 3, стр. 150.

²⁵⁶ И. Д. Назаренко. Общественно-политические философские и атеистические взгляды Т. Г. Шевченко. М., 1961, стр. 124.

²⁵⁷ М. Лемке. Н. М. Ядрищев, стр. 49.

²⁵⁸ Рукописный отдел библиотеки им. Ленина, Оп. 192, 7, л. 1.

«Искра», пользуясь материалами сибирских патриотов, помещала на своих страницах остроумные анекдоты о генерал-губернаторе Сибири Гасфорге, называя его именем Оскепкоифа²⁵⁹. Высмеивая царскую цензуру, которую искусно обходила русская революционная демократия, В. Курочкин писал:

Над цензурою, друзья
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не пужно никакого
Разрешения царя ....
Монархическим чутьем
Сохранив в реформы веру,
Что напишем, то пошлем
Прямо в Лондон, к Искандеру²⁶⁰.

Братья Курочкины принимали деятельное участие в создании организации «Земля и воля». Василий Курочкин был членом, а Николай Курочкин — заместителем ЦК «Земли и воли»²⁶¹. Братьям были известны все самые тайные мероприятия организации.

Братья Курочкины в то же время любили погулять и повеселиться. Враги «Искры» и Курочкиных по этому поводу схищничали: «Искра» веселится²⁶². На что «искровцы» отвечали: мы веселимся оттого, что «внутри заноза, на сердце горе»²⁶³. В компании «искровцев» бывал и Ч. Валиханов, который, по свидетельству Г. Потанина, «мотал деньги на увеселения»²⁶⁴.

Ч. Валиханов, будучи в Петербурге, находился в очень близких отношениях с Курочкиными, особенно с Николаем, которому он, вернувшись на родину, посылал приветствия и сообщал о своих степных делах²⁶⁵.

Николай Николаевич Страхов являлся главным тео-

---

²⁵⁹ «Петрашевцы в воспоминаниях современников». М.—Л., 1926, стр. 233. Г. П. Потанин. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1913, № 62.

²⁶⁰ «Ссылка и каторга», 1927, № 5, стр. 32.

²⁶¹ В. Курочкин. Стихотворения (см. введение). М., 1956; В. Г. Баскаков. Мировоззрение Чернышевского, стр. 302.

²⁶² М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, стр. 47.

²⁶³ Там же, стр. 48.

²⁶⁴ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 28.

²⁶⁵ Ч. В а л и х а н о в. Избранные произведения, стр. 557, 565, 571.

ретином «Времени» — журнала братьев Достоевских. С. Н. Страховым Ч. Валиханов познакомился в кругу Достоевских и позже считал его одним из своих хороших петербургских знакомых²⁶⁶. Как ни старались Достоевские придать своему журналу патриотическое направление, он в конечном счете, не без влияния Страхова, стал примыкать к славянофильству. Ч. Валиханов, возвратившись из Петербурга, по мере возможности следил за основным направлением развития общественной мысли России, сетовал по поводу не вполне удачной журнальной деятельности своих друзей — братьев Достоевских, которые расходились с идеологией революционных демократов и которых он, так же как и Салтыков-Щедрин, критиковал за «почвенность», за славянофильство и за крайнее западничество²⁶⁷. Несмотря на славянофильское направление, журнал «Время» в 1863 году, после опубликования в нем статьи Страхова «Роковой вопрос», в котором якобы содержалось оправдание бунтующей Польши, был закрыт царским правительством²⁶⁸.

Известно, какая была проявлена забота об освобождении из ссылки Т. Г. Шевченко семейством обер-прокурора святого синода графа Ф. П. Толстого. После возвращения из ссылки в Петербург Т. Шевченко «по предписанию (III отделения) должен был жить у отца, так как был у него на поруках», — писала дочь Толстого Е. Ф. Юнге²⁶⁹. У Толстых почти ежедневно бывали Пономарев, Плещеев, Курочкины, Северцов, Шевченко и Майков²⁷⁰. В архиве Ч. Валиханова сохранилась записка ученого-востоковеда В. В. Григорьева о том, что граф Ф. П. Толстой хочет познакомиться с Ч. Валихановым и поэтому просит на обед²⁷¹. Сам Ч. Валиханов в письме

²⁶⁶ Там же, стр. 557.

²⁶⁷ Там же, стр. 568; М. Салтыков-Щедрин. Poleмика с Достоевским. «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 370—371; «Шестидесятые годы». М.—Л., 1940, стр. 241.

²⁶⁸ «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках». М., 1962, стр. 15.

²⁶⁹ Е. С. Шаблиовский. Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы. М., 1962, стр. 36.

²⁷⁰ Там же, стр. 79; «Советская Украина», 1957, № 8, стр. 180; «Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников». М., 1962, стр. 279, 288.

²⁷¹ Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, св. 5, д. 30, л. 2.

к отцу писал, что он бывает на обедах у сенатора Любимова, барона Ливена и графа Толстого²⁷².

Тарас Шевченко и Чокан Валиханов имели в лице Полонского, Майкова, Достоевского, Толстого и Курочкиных общих друзей и знакомых и поэтому вполне вероятно, что они встречались друг с другом в Петербурге. Ч. Валиханов мог встретиться с Т. Шевченко и в мастерской Академии художеств, где постоянно работал Тарас Григорьевич²⁷³ и где в качестве вольноприходящего занимался живописью глухонемой брат Чокана Маки²⁷⁴.

Во время пребывания Ч. Валиханова в Петербурге там находились Т. Шевченко, И. Чавчавадзе, Налбандян, Сераковский и другие выдающиеся представители национальных меньшинств, которые активно выступали против национального гнета и оказывали благотворное влияние на развитие культур различных наций и народностей России.

В числе видных представителей русской революционной демократии, с которыми сблизился Чокан Валиханов, были и выходцы из Сибири — А. Щанов, Г. Елисеев и С. Капустин.

А. П. Щанов был сыном бедного пономаря и бурятки²⁷⁵. Виднейший шестидесятник²⁷⁶ и друг Шевченко, он часто повторял следующие строки из стихотворения Тараса Григорьевича:

И день идет, и ночь идет,
И голову схвативши в руки,
Дивуемся, зачем пойдет
Апостол Правды и Науки!...²⁷⁷

Щанов так страстно любил свободу, что «постоянно горел ею»²⁷⁸. Считая современный ему мир отживающим свой век, который следовало бы похоронить, он тосковал

²⁷² «Жульдыз», 1960, № 2, стр. 140.

²⁷³ Е. С. Шабляновский. Упомянутое сочинение, стр. 41.

²⁷⁴ А. Х. Маргулан. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова. Собрание сочинений, т. 1, стр. 20.

²⁷⁵ Сочинения А. П. Щанова, т. 3. СПб., 1908, стр. 1.

²⁷⁶ А. П. Щанов. Собрание сочинений, дополнительный том. Иркутск, 1937, стр. 5.

²⁷⁷ «Дело», 1876, № 4.

²⁷⁸ «Новое время», 1876, № 272.

об ином, новом, лучшем социальном мире²⁷⁹, стремился к уравниению «прав и средств развития низших классов с высшими»²⁸⁰. Советскими исследователями признано, что «А. Щапов сыграл крупнейшую роль в создании в Казани революционной организации, влившейся потом в ряды тайного общества»²⁸¹. Речь Щапова на панихиде по убитым крестьянам села Бездны Казанской губернии в свое время распространялась как революционная прокламация²⁸². Когда Щапова арестовали, в его защиту выступили Чернышевский, Герцен, Некрасов, Н. Серно-Соловьевич²⁸³.

Григорий Захарович Елисеев был родом из Сибири, преподавал в Казанской духовной академии, а в 1854—1858 гг. работал в Сибири. С 1858 года сотрудничал в «Современнике», «Искре» и «Отечественных записках»²⁸⁴. Одно время «Современник» даже называли журналом Чернышевского и Елисеева²⁸⁵. Говоря о Некрасове, Салтыкове и Елисееве, Н. К. Михайловский писал: «А из-за этих трех выглядывали еще образы Добролюбова, Чернышевского, Белинского, как бы передавших им свой авторитет»²⁸⁶. Елисеев находился в близких отношениях с А. Слепцовым и оказал большое влияние на сибирских патриотов, особенно на каракозовца Худякова²⁸⁷.

Елисеев принимал деятельное участие в создании революционной организации, был заместителем члена ЦК «Земли и воли»²⁸⁸. В разгар революционной ситуации Елисеев требовал от руководителей революционно настроенного студенчества дать ему 300 на все готовых человек. С их помощью он хотел захватить наследника

²⁷⁹ ЦГАЛИ, ф. 1202, оп. 1, ед. хр. 1. Исповедь Щапова, лл. 1—2.

²⁸⁰ Рукописный отдел библиотеки им. Ленина. Оп. 192, 7, л. 1.

²⁸¹ «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1962, стр. 269.

²⁸² «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 89.

²⁸³ Г. Н. Вульфсон, Е. Г. Буликанец. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 годах. Казань, 1955, стр. 81—82.

²⁸⁴ «Сибирская жизнь», 1917, № 158.

²⁸⁵ «Сибирские записки», 1918, № 1, стр. 43.

²⁸⁶ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. 7. СПб., 1909, стр. 54.

²⁸⁷ М. М. Клевенский. И. А. Худяков — революционер и ученый. М., 1929, стр. 60.

²⁸⁸ «Вопросы истории», 1958, № 9, стр. 43.

престола и в качестве выкупа за него потребовать конституцию для России. Когда Утин и Пантелеев сказали об этом Чернышевскому, тот ответил: «Не удивляюсь: ведь Григорий Захарович, несмотря на свои седые волосы, самый юный в редакции «Современника»²⁸⁹.

III отделение зорко следило за Елисеевым, неоднократно подвергая его обыскам и арестам²⁹⁰. Перед смертью Елисеев, как и петрашевцев Плещеев, свое состояние (30 000 рублей) завещал литературному фонду с условием ежегодно выдавать пособие Чернышевскому, Науумову и Успенскому²⁹¹.

С. Я. Капустин, с которым у Ч. Валиханова были истинные братские отношения и который высоко ценил последнего, был другом А. А. Слепцова — одного из главных организаторов «Земли и воли» 60-х годов. Жена А. Слепцова — М. Слепцова в своей работе «Штурманы грядущей бури» (так называл Герцен революционеров в России) следующим образом характеризует С. Капустина: «Идейно связанный со Слепцовым шестидесятью годами и спаянный участием с ним в польских делах, он был в свое время членом третьей пятерки и участником «Земли и воли», а в 1864 году уцелел от разгрома и взял должность комиссара по крестьянским делам в Польше; свое излюбленное детище «крестьянский воирус и община» пронес он свято до гробовой доски и, умирая почти семидесяти лет, завещал мне перед смертью «беречь своего друга А. Слепцова»²⁹².

Друг Ч. Валиханова Г. Потанин в Петербурге посещал квартиру землевольца П. Л. Лаврова²⁹³ и лично знал ряд других видных деятелей общественного движения того времени. Содержание бесед при встречах с ними, как правило, становилось достоянием сибирского кружка.

Следует кстати отметить, что с петербургским периодом жизни Ч. Валиханова связана версия о его дружбе с А. К. Гейнсом. Это мнение основано на воспоминании М. Сажина, который писал: «В Петербурге в середине 60-х годов среди офицеров, по преимуществу артиллерии-

²⁸⁹ «Литературное наследство», т. 67, стр. 52.

²⁹⁰ Там же, стр. 691.

²⁹¹ ЦГАЛИ, ф. 591, оп. 2, ед. хр. 16, лл. 1—2.

²⁹² «Звенья», т. 2, 1933, стр. 437.

²⁹³ «Русское богатство», 1905, № 3, стр. 169.

стов, образовался кружок «чернышевцев, куда входил и я. Из членов этого кружка я сейчас припоминаю офицеров-артиллеристов: Богдана, братьев Черновых, Альфатера, Юдина, полковника Колесова и офицера генерального штаба Гейнса»²⁹⁴. Многие, прочитав это, заключили что это тот Гейнс, который был чиновником в степи. В действительности это не так. М. Сажин далее писал: «Что касается Гейнса, то он впоследствии уехал в Америку, где под именем Вильяма Фрея занялся религиозными исканиями»²⁹⁵. О Гейнсе-Фрее говорит и Л. Ф. Пантелеев²⁹⁶, о нем упоминают составители сборника «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». Там сказано, что Гейнс, Владимир Константинович, «чернышовец»; член «Земли и воли», увлекался идеями Оуэна и в 1866 году эмигрировал в Америку, где основал коммуну²⁹⁷.

Следовательно, здесь речь идет о другом Гейнсе — Владимире Константиновиче. А. К. Гейнс никогда в эмиграции не был, служил военным губернатором Тургайской области²⁹⁸. Что касается утвердившегося в советской литературе мнения о том, что А. К. Гейнс был другом Чокана Валиханова, то и это вызывает определенное сомнение. Многие говорят о том, что вряд ли он был даже знаком с Чоканом лично. Во всяком случае, по всему видно, что он плохо знал труды и деятельность Чокана Валиханова. Так, например в своем дневнике в записях от 5—13 сентября 1866 года он указывает, что Валиханов посетил Кашгар «15 лет тому назад»²⁹⁹, что не соответствует действительности. Внимательное изучение трудов А. К. Гейнса убеждает нас в том, что Гейнс лишь передает от своего имени высказывания Ковалевского и Гутковского о Чокане Валиханове.

Круг лиц, с которыми был знаком Чокан Валиханов, безусловно, обширный. О многих сторонах этих знакомств нет еще достаточных данных. Наши поиски в связи с данным исследованием имели лишь частичный

²⁹⁴ М. П. Сажин. Воспоминания. М., 1925, стр. 25.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 315.

²⁹⁷ «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. 2, стр. 22.

²⁹⁸ А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. 1, стр. 4—14.

²⁹⁹ А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. 2, стр. 352.

успех. Многое в этом вопросе еще скрыто от науки. Трудности в этой части связаны с тем, что участники освободительного движения в свое время старались хранить в тайне все, что касалось их. Например, такой видный представитель революционного движения начала 60-х годов, как В. А. Обручев позднее писал: «Об Н. Г. Чернышевском и М. И. Михайлове еще не наступило время говорить...»³⁰⁰ Один из создателей «Земли и воли», член ее ЦК А. Слепцов от всех тех, кто старался писать об истории этой организации, настоятельно требовал «печатать все или не печатать ничего»³⁰¹. По его же сообщению, говорить о деятелях революционного движения 60-х годов XIX века было неудобно даже в начале XX века³⁰². Крупнейший исследователь истории общественной мысли рассматриваемого периода М. Лемке писал: «Нужно думать, что революционная деятельность Н. Г. Чернышевского, обставленная по тогдашним временам необыкновенно конспиративно, так и не вскрыется для нас. Она унесена им в могилу»³⁰³.

Нет сомнения в том, что, несмотря на трудности, найдется еще немало материалов о связях Чокана Валиханова со многими другими деятелями русского освободительного движения конца 50-х — начала 60-х годов. Но то, что известно нам в этой части на сегодня, достаточно ценно и важно для того, чтобы прийти к определенным выводам.

Знакомство с общественными деятелями, литераторами и учеными для Чокана Валиханова не было какой-то самоцелью. В этом отношении он был разборчив и строг. Он ищет нужных, определенных людей и находит их. Им оказываются или ученые, которыми он интересуется для обсуждения научных проблем и обмена мнениями, или видные деятели революционно-демократического движения в России, идеи и действия которых ему близки и дороги. Он заводит знакомства с писателями и поэтами критической мысли, хотя некоторые из них стояли в стороне от освободительного движения. Знакомства для Чокана Валиханова были школой творческого и идейно-политического развития.

³⁰⁰ «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», стр. 313.

³⁰¹ «Литературное наследство», т. 67, стр. 671.

³⁰² Там же, стр. 670.

³⁰³ М. Л е м к е. Политические процессы в России..., стр. 176.

Друзья Чокана Валиханова, весьма близко знавшие его, сходятся в том, что его идеалом было «служить будущему своего народа»³⁰⁴. Он ментал об этом и искал путей и форм, ведущих к осуществлению своей мечты. Он искал их, хотя еще робко, в стенах кадетского корпуса, более целеустремленно — во время службы в Сибири. И нашел эти пути и формы в Петербурге, в идеологии и организациях русской революционной демократии.

В конце 1860 года — начале 1861 года Ч. Валиханов по настоянию врачей выехал за границу — в Париж. Об этом он писал отцу³⁰⁵. Барон А. Е. Врангель, который знал Чокана Валиханова по службе в Семипалатинске и в это время работал в русском консульстве в Париже, сообщает, что видел его там³⁰⁶. Что он делал в Париже, с кем встречался — все эти вопросы остаются пока открытыми. Еще не обнаружены материалы, могущие пролить некоторый свет на эти вопросы. Ясно одно, что в это время здоровье Ч. Валиханова не было столь тяжелым, чтобы думать только о лечении. Безусловно, он использовал эту поездку и в других целях. Нам приходится строить в этой части только догадки. В это время в Европе находились русские революционеры Н. Добролюбов, Н. Обручев, З. Сераковский, М. Михайлов, Н. Серно-Соловьевич, А. Слепцов, некоторые из них были знакомы Валиханову: Сераковский, Михайлов, Серно-Соловьевич и Слепцов бывали у Герцена³⁰⁷. Как правило, мало кто из деятелей оппозиции в России, посетивших Европу, миновал Герцена. Н. А. Тучкова-Огарева в своих воспоминаниях о Герцене указывала, что в числе его посетителей были люди, которые «ехали советоваться с докторами в Вену, Париж и Лондон»³⁰⁸.

³⁰⁴ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XXXI.

³⁰⁵ А. Маргулан. Новые письма Валиханова. «Жулдыз», 1960, № 2, стр. 146.

³⁰⁶ А. Е. Врангель. Воспоминания о Достоевском в Сибири 1854—1856 гг. СПб., 1912, стр. 95.

³⁰⁷ М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 148; «Революционная ситуация в России». М., 1960, стр. 293; «Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова». М., 1953, стр. 278—279; Г. Куклин. Итоги революционного движения в России за сорок лет. Женева, 1903, стр. 195; «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 211; А. И. Герцен. Собр. соч., т. 16, стр. 408.

³⁰⁸ «Герцен в воспоминаниях современников». М., 1956, стр. 192.

Когда вернулся Ч. Валиханов из-за границы — неизвестно, неизвестны и результаты поездки. Трудно сказать, есть ли связь между подозрениями III отделения в распространении революционных прокламаций сибирскими патриотами в начале 1861 года и тем, что в это время возвратился из-за границы Чокан Валиханов.

Вскоре в процессе оформления тайного революционного общества «Земля и воля», которое ставило задачу создания разветвленной организации пропагандистов с целью подготовки к вооруженному восстанию, кружок «Сибирское землячество» стал одной из ячеек этой организации³⁰⁹.

(В Петербурге болезнь (чахотка) Ч. Валиханова стала прогрессировать, и он был вынужден в мае 1861 года покинуть столицу.) По пути на родину он заехал в Казань. Об этом он писал Ф. Достоевскому в письме от 18 июня: «Я теперь расстроен нравственно и телесно и много писать не могу, а расстроен от того, что взял себе в Казани попутника, и этот господин надоел мне смертельно, а отвязаться от него никак не могу: куда я — и он туда же»³¹⁰. С кем хотел встретиться Ч. Валиханов в незнакомом городе? Не имел ли он задания от руководства «Земля и воли»? Этот вариант не исключается. Кроме того, в это время в Казани, как установлено, находился Щапов.

С Казанским комитетом «Земли и воли» молодое поколение Сибири имело известную связь. Несколько членов сибирского кружка в свое время учились в Казани и перевелись затем в Петербургский университет. Осенью 1861 года сибиряк Н. Павлилов прозжал через Казань с революционной прокламацией «Великорусс»³¹¹. Казанский революционный комитет был «отлично устроен»³¹², в смысле конспирации и активного действия. Арестованный царскими властями в июне 1863 года поляк Станислав Круцкий сообщал следующее: «В Казани есть ЦК

---

³⁰⁹ «Восстание 1863 года и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 299.

³¹⁰ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 549.

³¹¹ Б. Г. Кубалов. А. И. Герцен и общественность Сибири, стр. 116.

³¹² Г. Н. Вульфсон, Е. Г. Бушканец. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 годах, стр. 598.

революционного общества, распространенного по целой России и разделяющегося на Восточное и Западное, устав комитета установлен на началах демократических, членом в нем может быть всякий без различия сословий... Особое внимание общества обращено на Восточные губернии, так как в них меньше войск и организовать восстание легче...»³¹³

Перед отъездом из Петербурга Ч. Валиханов внес в кассу «Общества помощи нуждающимся литераторам и ученым», членом которого он был, десять рублей³¹⁴. Сумма была немалая: лошадь стоила 13 рублей. Это он сделал несмотря на свои долги³¹⁵. Из средств общества оказывалась помощь деньгами и одеждой сосланным революционерам³¹⁶. В свое время Г. Н. Потанин, осужденный как руководитель «сибирских сепаратистов», находясь в ссылке в Тотьме, получил из этого общества одежду и 100 рублей³¹⁷.

После отъезда Ч. Валиханова сибирские патриоты продолжали выполнять задания «Земли и воли». Осенью 1861 года они приняли активное участие в студенческих волнениях³¹⁸, а некоторое время спустя перенесли свою деятельность в Сибирь.

Здесь мы не будем разбирать беспочвенность обвинений сибирских патриотов в «сепаратизме», «в стремлении отделить Сибирь от России», заведомо приписанных и распространенных царской охранкой и реакционными деятелями типа Каткова. Это было не ново. Польских и украинских революционеров воинствующая реакция также обвиняла в «сепаратизме». По этому поводу Герцен писал: «Казенные патриоты кричат с ужасом о сепаратизме, они боятся за русскую империю, они чувствуют освобождение частей от старой связи и в федеральном их соединении конец самодержавия»³¹⁹. Нельзя не вспомнить в

³¹³ Госархив Иркутской области, ф. 24, оп. 3, д. 31/39, лл. 3—4.

³¹⁴ Архив АН СССР, ф. 23, св. 4, д. 19, лл. 11, 20.

³¹⁵ Архив АН СССР, ф. 23, св. 4, д. 19, л. 12; Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 554; И. Завалишин. Описание Западной Сибири, т. 3, М., 1867, стр. 49.

³¹⁶ Л. Хликулов. Тарас Шевченко (биография). М., 1960, стр. 364.

³¹⁷ «Сибирская жизнь», 1914, № 207.

³¹⁸ М. Лемке. Н. М. Ядринцев, стр. 45; «Революционное движение 1860 года». М., 1932, стр. 21.

³¹⁹ Б. Г. Кубалов. А. И. Герцен и общественность Сибири, стр. 56.

этой связи высказывание В. И. Ленина: «Травя украинцев и др. за «сепаратизм», за стремление к отделению, националисты тем самым отстаивают привилегию великорусских помещиков и великорусской буржуазии на «свое» государство»³²⁰.

Сибирский патриотизм был принят за сепаратизм, хотя его члены «в мыслях не имели отделения Сибири от России»³²¹. Они были арестованы и осуждены в 1865 г.

Чокан Валиханов за короткое время, проведенное в Петербурге, получил такое политическое образование, которое вряд ли он мог получить в обычных, «мирных» условиях, тем более находясь на периферии. Он поднялся в своем идейном росте до уровня деятелей освободительного движения в России. Годы революционной ситуации были великой школой для борцов за народное счастье и свободу.

Характеризуя петербургский период жизни и деятельности Чокана Валиханова, П. М. Ядринцев писал: «В 60 годах Валиханов следил за движением русской жизни, за обновлением ее, читал лучшие журналы»³²². Г. Н. Потанин, сопоставляя Д. Банзарова с Ч. Валихановым, указывал, что они оба «вскармлиемы были теми идеями и теми умственными интересами, которыми жило в их пору русское общество»³²³. Не случайно поэтому и вполне понятно, что сибирские патриоты сравнительно короткое свое пребывание в Петербурге расценивали как целую «эру» в их общественно-политической жизни³²⁴.

Петербургский период жизни Ч. Валиханова представляет наиболее интересный, насыщенный событиями и новый, более высший этап в его идейном и научном восхождении, а также в его деятельном участии в освободительном движении. В эту пору он становится тем, кем хотел быть в мыслях и желаниях, — борцом за революционное обновление России. Он находит достаточно ясный ответ на мучившие его вопросы относительно форм борьбы за народные интересы. В Петербурге у

³²⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 92.

³²¹ «Сибирская жизнь», 1914, № 23.

³²² ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 37.

³²³ Г. Н. Потанин. Д. Банзаров. Черная вера и другие статьи, стр. 32.

³²⁴ «Сибирская жизнь», 1913, № 93.

него исчезают последние сомнения и колебания, и он всецело встает на сторону русских революционных демократов. Этот путь он выбрал как наиболее правильный, чтобы служить интересам России и своего народа.

Петербургский период жизни Чокана Валиханова является как бы венцом его политической карьеры, его высшим идейным взлетом.)

4. Последние годы жизни

(Большое умственное и физическое напряжение, в значительной степени связанное с неистовой жадной за короткое время познать и постичь все и вся и преуспеть во всем, отсутствие необходимого режима в личной жизни, стали заметно отражаться на некрепком здоровье Чокана Валиханова.) Не на пользу был ему и влажный климат столицы. Несмотря на первые и серьезные симптомы болезни, он продолжал работать как прежде, активно и самоотверженно, и этим ухудшил свое состояние. Друзья Чокана, заметившие ослабление его здоровья, настоятельно советовали ему прервать деятельность и заняться лечением. Врачи предписали Чокану Валиханову отправиться к себе на родину, в степь, пить кумыс. Ему было запрещено писать, читать, словом, перегружать себя умственной работой. С большой горечью и болью в сердце в мае 1861 года он оставил Петербург и своих петербургских друзей в надежде вернуться сюда, как только поправит свое здоровье³²⁵. Этому желанию, однако, не суждено было сбыться.)

Прием, который оказал ему отец в родном ауле, и условия, созданные в первое время для его лечения и восстановления сил, подробно и красочно описаны в работе А. Х. Маргулана³²⁶. Сам Ч. Валиханов, любивший степную природу, надеялся на скорое выздоровление. Однако жить спокойно он не мог и здесь. Его волнова-

³²⁵ В письме Ф. М. Достоевскому от 14 января 1862 года он писал, что имел намерение вернуться обратно в Петербург в октябре, а затем в декабре 1861 года, однако, состояние здоровья заставляет его откладывать возвращение. (Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 109).

³²⁶ См.: А. Х. Маргулан. Жизнь и деятельность Ч. Ч. Валиханова. В кн.: Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, стр. 84--86.

ли политические, социальные, экономические события в крае и сложные отношения в кругу родных и семьи. Человек высокообразованный и передовых взглядов, рожденный мыслить и действовать, он не мог остаться в стороне от происходящего, тем более мириться с злоупотреблением и чванливостью местных чиновников и знати, с политикой унижения и подавления безропотных, отсталых народных масс.) Все это глубокой болью отдается в его сердце. (В годы некоторого улучшения здоровья он пытался отдаться активной общественной деятельностью и научным исканиям. Но тревоги и переживания за судьбы своего народа, одиночество в борьбе, его бессилье научить уму-разуму местных аристократов и бездарных правителей и обновить общество, подточили его последнее здоровье и силы. В апреле 1865 года Чокана Валиханова не стало. Он ушел из жизни в расцвете лет, таланта и гражданских стремлений.)

Идейные мотивы действий, взгляды Чокана Валиханова в годы его нахождения в среде казахского общества после возвращения из Петербурга представляют большой интерес. До сих пор исследователи наследия Чокана Валиханова этому вопросу уделяли очень мало внимания, если не сказать — вообще не придавали значения. Они не шли дальше констатации некоторых фактов.

Чокан Валиханов вернулся в степь, имея за плечами богатый опыт участия в политических кружках Сибири и Петербурга, в русском освободительном движении, опыт личного общения с рядом видных революционеров конца 50-х — начала 60-х годов. Он не был простым сочувствующим или временным попутчиком; всем сознанием и действиями он вошел в ряды революционного движения и стал одним из его активных участников. Дошедшие до нас в передаче его друзей отрывки его некоторых выступлений и высказываний на политические темы, когда не влияли цензурные соображения, свидетельствуют об убежденности и верности Чокана Валиханова революционным идеалам переустройства общества на новых началах. А как этот деятель, любивший жизнь, с горячкой и умной головой борца, стал действовать в среде казахского общества, каких действий следовало бы ожидать от него в тех конкретных исторических условиях степи и как он поступал, каковы мотивы

этих поступков — все эти вопросы до сих пор не поставлены и не решены исследователями.

Мы уже имели возможность отметить в первой главе, что казахское общество середины XIX века по своему уровню хозяйственного, социального, культурного, идейного и политического развития было отсталым и во многом инертным. Оно не только не достигло такой зрелости, при которой рождались и закалялись бы в борьбе революционные силы. Оно не содержало и признаков революционного взрыва, следовательно, революционерам, оказавшимся каким-то образом в казахском обществе, грозила реальная опасность оказаться «не у дел». Истинный революционер, исходя из общей предпосылки служить интересам народа, делать все для народа, сообразуясь с конкретными условиями, в которых ему приходится действовать, вынужден перестраиваться в выборе форм и путей борьбы за свои идеалы. Он не может поступать иначе — в противном случае ему грозит опасность быть отвергнутым историей.

Так поступал Чокан Валиханов — революционер по убеждению, участник освободительного движения в России. К тому же он, как никто другой, хорошо знал казахское общество, его интересы, запросы и требования. По возвращении из Петербурга в родные места он вовсе не «остыл», тем более не отрекся от революционных идеалов, за которые готов был, будучи в кругу единомышленников в России, идти хоть «ша плаху». Нет, он остался верным этим идеалам до конца своей жизни. Возвратившись он обратно в Петербург, его революционные страсти зажглись бы еще ярче, чем прежде. Об этом говорит не только его постоянная переписка со многими русскими друзьями, с которыми вместе находился в Петербурге. В этом убеждают нас его действия и взгляды, характерные для последнего периода жизни.

Современные Чокану Валиханову условия казахского аула исключали возможность организации политических кружков и революционных действий. Наиболее передовые местные деятели поднимались до критики и обличения лишь отдельных сторон общественного и политического устройства, злоупотреблений и жестокости чиновников и правителей. Они проповедовали справедливость и гуманизм, в большинстве случаев понимая под ними межродовое спокойствие и классовую солидарность. Чо-

как Валиханов в своих взглядах и действиях поднялся выше этого. Во всех его поступках, какими бы они внешне не казались умеренными, мы видим отражение более высоких побуждений и мотивов. Попытаемся показать это на фактах.

Первое, что бросается в глаза при изучении жизни Чокана Валиханова после возвращения из Петербурга, это то, что он больше и глубже стал вникать в социальные отношения в обществе, замечать во взаимоотношениях местной знати и аристократии — с одной стороны, и трудящихся масс — с другой, такие глубинные стороны, которых не могли увидеть самые прозорливые из прошлых и современных ему деятелей казахского общества. Так, в письме А. П. Майкову от 6 декабря 1862 года Ч. Валиханов писал, что с родными, которые составляют местную знать, живет «разбедипенный... чем-то неподолжным. Как я ни стараюсь с ними сблизиться, но все как-то не удается. Иногда все идет хорошо, но как только дело доходит до убеждений (курсив наш. — Авторы), до серьезных разговоров, мы начинаем расходиться»³²⁷. Далее он указывал, что «с местными султанами и богачами из черной кости также не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами, которые теперь хотя и свободны, но живут у них, не зная, как уйти. Я требовал не раз, чтобы они платили им жалованье и чтобы обращались как с человеком, в противном случае грозил законом. Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся»³²⁸. (Курсив наш. — Авторы).

В этих строках Чокан Валиханов выступает не как безликий поборник всеобщей справедливости, а как деятель, придерживающийся классовых позиций, а не руководствующийся лишь общей симпатией к массам. Если судить его по нашим сегодняшним представлениям, то можно найти немало пробелов в социальных концепциях и рассуждениях Чокана Валиханова, можно упрекнуть его во многих недостатках. Однако это было бы отходом от историзма и явно отдавало бы просветительством. Важно то, что никто до него не давал такого анализа социальных отношений и не восставал всей силой своего

³²⁷ Ч. В а л и х а н о в. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 116.

³²⁸ Там же, стр. 117.

сердца против, по сути дела, классовых несправедливостей.

Мусульманство «грозит нам разъединением народа в будущем»³²⁹, — так мог писать и предсказывать только исследователь, серьезно вникающий в социальные отношения. Вдохновенно звучит его мысль о том, что «на мнения... привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бываю-ют, большей частью, враждебны интересам массы, большинства»³³⁰. Это было написано в 1864 году, незадолго до смерти. Крупной заслугой Чокана Валиханова было именно то, что он дошел до понимания «враждебности интересов» феодалской знати -- меньшинства и трудящихся масс народа — большинства.

Деятелю, поднявшемуся в своем идейном развитии до такого уровня, было совсем не легко жить и видеть «киргизские несообразности»³³¹, тем более бороться против них почти в одиночестве, в условиях господства отсталости, суеверия, консерватизма и забитости народа. Впрочем, понятно, что в письмах Чокана Валиханова к друзьям, написанных в рассматриваемый период, нередко сквозят нотки тоски и бессилия.

Для периода пребывания Чокана Валиханова в казахском обществе после возвращения из Петербурга характерно его активное и непосредственное вмешательство в политическую жизнь края. Он не только придерживался определенных взглядов на политическую организацию общества, но и предлагал свои проекты видоизменения существующего режима под углом зрения защиты интересов простого народа. Его записки «О мусульманстве в степи» и «О судебной реформе» затрагивали сложные и в то же время весьма щепетильные вопросы политической структуры казахского общества. Анализ этих трудов и предложений, содержащихся в них, будет дан в последующих главах данной работы.

Здесь важно отметить те тенденции, которые выступают в этих записках и которые трудно заметить. Эти

³²⁹ Там же, стр. 100.

³³⁰ Там же, стр. 41.

³³¹ Там же, стр. 110.

тенденции следующие: 1) ряд мероприятий царского правительства в Казахстане является неспродуманным и вредным для культурного и политического развития казахского народа. К ним, например, относятся официальное мнение о «невыгодности» распространения «европейского просвещения между некоторыми иноплеменными народами», в том числе среди казахов, наводнение мулами казахской степи, покровительство исламу, правило, по которому крещеных казахов записывали в мещанское или казачье сословие с удалением их из степи, введение «бюрократического хаоса» в систему местного правосудия, покибиточный сбор, политика руссификации системы управления и др.; 2) при разработке различных мер и введении новой системы, в частности в казахское общество, непременным условием должен быть учет народного мнения, в первую очередь трудящихся масс, и требований народного движения и духа. В «Записке о судебной реформе» Чокан Валиханов открыто пишет, что «все революции, бывшие в Европе с 1793 года, происходили единственно от стремления правительства подавить свободное народное движение. Реформы же насильственные, принятые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие». Далее отмечается, что «Реформы подобного рода, собственно, мы и считаем бедственными для народа и вредными для прогресса»³³²; 3) при желании народного можно улучшить и реформировать существующий режим и политическую структуру казахского общества с тем, чтобы в известной степени облегчить положение народа, но, однако, этого желания пока недостает у деятелей, ответственных за политику. Приходится отметить, как пишет Чокан Валиханов, что «невнимательность к интересам края и народа вошла уже в привычку областного начальства...»³³³

Как видно из перечисленных моментов, проходящих красной нитью в записках, Чокан Валиханов затрагивал ряд серьезных и в политическом отношении весьма острых и далеко небезопасных для себя и своей службы вопросов. Они не могли, разумеется, встретить сочувствия у царских колониальных чиновников, хотя форма, в ко-

³³² Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 198, 199.

³³³ Там же, стр. 202.

торую облекались эти мысли, была умеренной, как бы «предлагающей услугу».

Следует отметить, что в нашей литературе до сих пор не придавали сколько-нибудь серьезного значения аспектам записок Чокана Валиханова. Приходится сожалеть, что некоторые авторы даже высказывали отрицательное мнение относительно ценности, роли и места этих трудов. Они, как правило, брали в основу не мотив, не ход мыслей, не главную тенденцию, пронизывающую эти записки, а строили свои суждения вокруг того или другого конкретного факта, конкретного предложения и объявляли их утопическими, нереальными и на этом основании зачеркивали ценность и неповторимый характер этих творений Чокана Валиханова. При таком подходе, основанном на нарушении принципа историзма, деятельность и взгляды любого деятеля далекого прошлого могут быть представлены в нежелательном свете. Действительно, отдельные предложения и схемы Чокана Валиханова были с точки зрения той эпохи и ее возможностей переальны. Однако за этими недостатками не следует упускать главное — определенную линию, лежащую в основе этих предложений и схем.

Чокан Валиханов был деятелем, не ограничивающимся какой-то одной областью профессиональной или общественной жизни. Он был ученым и писал научные труды. Он был общественным деятелем и анализировал общественный быт народа, высказывая на этот счет свои мнения. Он состоял на официальной службе, и его критический ум не упускал возможности отметить недостатки в государственном аппарате. Он изучал политическую организацию казахского общества и вносил свои предложения по ее усовершенствованию, хотя и в рамках существующего строя. Но деятельность Чокана Валиханова не ограничивалась и этим. Он хотел влиять своими конкретными действиями и, во всяком случае, жаждал, чтобы на отдельных ключевых должностях в системе органов власти и управления в крае, от которых зависела в той или иной степени «судьба» казахского общества, находились бы умные, справедливые и умеренные люди. Чокан Валиханов большего от них не желал и не ожидал. Такой взгляд вовсе не является ли утопичным, ни тем более предосудительным. Другой вопрос — на-

сколько возможно было исполнение этого желания при реальных соотношениях сил. Однако это не опорочивает саму постановку вопроса.

В литературе бытует сугубо односторонняя, не вполне правильная оценка действий и позиций Чокама Валиханова в связи с его выставлением своей кандидатуры на местных выборах в 1862 году на занятие должности старшего султана в Атбасарском округе. Вот что пишет К. Бейсембиев: «Не понимая классовой природы общественно-политического строя и соответствующей его административно-выборной системы, Ч. Валиханов ошибочно полагал, что заняв административную должность, при тогдашних условиях можно ее использовать для борьбы с общественным злом и служения своему народу. Он полагал, что образованность, культурность, честность, преданность народным интересам управителя позволила бы ему успешно бороться с несправедливостью. Руководствуясь этим, Валиханов решил выдвинуть свою кандидатуру на выборах в старшие султаны»³³⁴. А. Х. Маргулан говорит еще более ясно, что, «увлекшись утопическими идеями, Ч. Валиханов пошел по неправильному пути, думая о возможности сверху, «от власти» создавать «счастье народа». Об этом говорит Атбасарский эпизод (1862) — выставление Валихановым своей кандидатуры на должность выборного старшего султана»³³⁵. Этот взгляд не был пересмотрен и в поздних его работах³³⁶.

Собственно, если согласиться с этими положениями, кстати, как будет показано ниже, в большей части необоснованными, то нет Валиханова-революционера в том понимании, какое характерно для начала и середины XIX века, а перед нами предстает мечтатель, дюжинный либерал, в лучшем случае мелкий реформист. На такое заключение может натолкнуть утверждение указанных выше авторов, будто Чокам Валиханов полагал, что «административная должность» может ликвидировать «общественное зло» и «успешнее бороться с несправедливостью». Более того, он якобы считал, что «счастье народа»

³³⁴ К. Бейсембиев. Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века. Алма-Ата, 1957, стр. 97.

³³⁵ А. Х. Маргулан. Жизнь и деятельность Чокама Валиханова. В кн.: Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 72.

³³⁶ См.: Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, стр. 86.

придет сверху «от власти», а атбасарские выборы были лишь одним из эпизодов, подтверждающим это общее заблуждение.

Односторонность этой концепции выступает: а) в изолированном рассмотрении факта выдвижения Ч. Валиханова своей кандидатуры на выборах от всей совокупности его взглядов на политическую организацию общества, в частности — на власть, б) в смешении мотивов с фактом выдвижения своей кандидатуры, в) в недооценке роли власти и его органов в общественной жизни, г) в забвении необходимости прохождения отсталым казахским обществом подготовительных этапов и промежуточных ступеней развития, прежде чем оно окажется способным воспринимать революционные лозунги и действия, д) в прямолинейности суждения и попытке втиснуть действия исторических личностей в некие абстрактные и общие схемы и в случае несовмещения — объявить иллюзорными эти действия.

Нельзя не учитывать, и об этом мы уже говорили, что взгляды и мировоззрение представителей русского освободительного движения сами по себе были ограниченными, порою утопичными. Они возлагали большую надежду на общинное землевладение, на бунт крестьян и т. п. Все это было обусловлено и объяснимо социально-экономическими условиями того времени. Эти условия были еще более неблагоприятными и ограниченными в казахском обществе. Таким образом, деятелю передовой русской общественной мысли грозило в Казахстане, можно сказать, двойное ограничение: общероссийское и местное казахское.

Среда, в которой оказался Валиханов после Петербурга, не могла не наложить своего отпечатка на его ближайшие цели, тактику действий и формы борьбы за свои идеалы. Задача исследователя заключается в том, чтобы видеть за этими изменениями форм и методов действия их внутреннее содержание: непосредственную и более отдаленную цели, которые вовсе не идентичны. Попытка отождествить методы и формы действий с целью или нежелание разобраться в этом отношении могут только повредить истине и делу.

А как смотрел сам Чокан Валиханов на выдвижение своей кандидатуры на должность старшего султана? В

письме Ф. М. Достоевскому от 14 января 1862 года он писал, что «теперь пришел и сам к тому заключению, что с моим здоровьем в Петербурге жить постоянно нельзя. Поэтому я хочу получить место консула в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить у себя в орде по выборам..., а в случае выбора народа буду честным чиновником и, вероятно, принесу своим родичам более пользы, чем их безграмотные и дикие султаны. Через год или два мы станем ездить в Петербург, проведем с добрыми друзьями несколько приятных месяцев, запасемся новыми книгами, *новыми идеями* и опять в орду к киргизам. Ведь это будет не совсем дурно, не правда ли, голубчик Федя?»³³⁷.

В другом письме, от 15 октября того же года, уже после выборов, он сообщал Ф. М. Достоевскому: «Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защищать их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Он увидел бы, что человек истинно образованный не то, что русский чиновник, по действиям которого они составили свое мнение о русском воспитании. С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа»³³⁸.

Вот, пожалуй, весь материал, имеющийся в делах Чокана Валиханова относительно атбасарских выборов. Эти откровенные личные признания совершенно не дают никакого повода для выводов, которые были сделаны некоторыми советскими исследователями. В них вовсе нет намек на то, что сверху, «от власти», можно создать «счастье народа» или о том, что можно ликвидировать общественное зло посредством занятия какой-то должности в иерархии управления краем. Подобные выводы, мягко говоря, больше похожи на домыслы. Чокан Валиханов хорошо понимал, что существующая система власти не способна не только обеспечить справедливость, но и либерально-умеренное управление казахской степью. Об этом он говорил весьма недвусмысленно. Так, по поводу вопиющей несправедливости и нарушения

³³⁷ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 556—557.

³³⁸ Там же, стр. 562.

закона на выборах старших султанов Чокан Валиханов писал, что «протестовать следует, хотя и толку из этого никакого не выйдет»³³⁹. Эту же мысль он высказывал и в другом месте. Обиженному несправедливостями «просить удовлетворения (от властей. — *Авторы*), по-моему, то же самое, что просить Конституции: посадят, да потом к Макару на пастбище пошлют»³⁴⁰. Эти слова Чокана Валиханова не оставляют никакого сомнения в том, что ему вовсе не были свойственны поклонение перед феодальной местной властью и ее фетишизация, приписываемые ему в нашей литературе.

Из писем Чокана Валиханова к своим друзьям видно, что мысль занять должность непосредственно в степи у него возникла, во-первых и главным образом, после того, как он убедился в необходимости откладывания поездки в Петербург; во-вторых, когда ему не удалось получить в системе сибирской администрации должности консула в Кашгарии, давшей бы ему возможность продолжать научные искания и позаботиться об улучшении своего здоровья; наконец, в-третьих, в связи с предписаниями врачей о лечении кумысом в степи и отрицательным влиянием на его здоровье чиновничьей сутолоки в крупных административных центрах края.

Таким образом, желание занять должность старшего султана в Атбасарском округе вовсе не было основной целью в его мыслях. Наоборот, это желание было производным и появилось на свет, когда отпали основные варианты. Следовательно, по этой логике Чокан Валиханов не мог рассматривать должность старшего султана как основной рычаг борьбы с «общественным злом» или как источник «счастья народа».

Стремление занять административную должность, в данном случае в казахской степи, вовсе не было каким-то новым явлением в жизни Чокана Валиханова. Он всю сознательную жизнь занимал официальные должности в системе колониальной администрации, в центральных правительственных учреждениях и в войсках. Поэтому само по себе выделение факта желания Валиханова работать в степи, в гуще казахского народа, от всей его чиновничьей деятельности, правомерно лишь для поло-

³³⁹ Там же, стр. 568.

³⁴⁰ Там же, стр. 565.

жительного освещения его действий, отнюдь не для критики и поношения. Что может быть лучше, чем работать на пользу родного народа, находиться в его среде, жить его думами и помогать его прогрессу, используя возможные и доступные средства, предоставляемые эпохой и временем? От этой цели не отказывался ни один передовой деятель.

Как это с достаточной ясностью рисуют имеющиеся материалы, Чокан Валиханов, выдвигая свою кандидатуру в старшие султаны, рассчитывал принести пользу соотечественникам, защищая «их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз», т. е. от их злоупотреблений, подать пример «образованного правления» и, наконец, возвысить в глазах казахского народа «русское воспитание». Своими действиями Чокан Валиханов хотел сказать своему народу: «Не чуждайтесь русского образования, отдавайте детей в русские школы, на русское воспитание — это один из верных путей общественного развития». В этом проявился русский и национальный патриотизм Чокана Валиханова, о котором в свое время писал Потанин. «В сердце Чокана любовь к своему народу, — указывал он, — соединялась с русским патриотизмом. В 60-х годах общерусский патриотизм не отрицал местных, областных и инородческих, и два патриотизма, общий и частный, легко уживались в одном человеке... Чокан был киргизский патриот, но в то же время он был и патриот русский»³⁴¹.

Таким образом, мечты Чокана Валиханова не были утопичными и иллюзорными. Они преследовали непосредственные практические интересы. Чокан Валиханов вовсе не ставил себе задачу преобразования общества или добиваться коренного изменения внутреннего режима при помощи занятия должности старшего султана в одном из казахских округов. В материалах на это нет ни малейшего намека. Постановка такой задачи действительно была бы полнейшим абсурдом и пустой утопией. Но желание занимать ту или иную должность, принести «пользу соотечественникам» — законное и положительное.

В любом обществе власть является важнейшим ин-

---

³⁴¹ «Русское богатство», 1896, № 8, стр. 88.

струментом в руках господствующего класса. Это общеизвестная истина. В степи во времена Валиханова власть практически отправлялась многочисленными чиновниками. Среди них были грубые и умеренные, образованные и темные, деспоты и мягкотелые, люди передовых взглядов и реакционеры. Все эти индивидуальные особенности по-разному проявлялись и имели немаловажное значение как для ведения государственных дел, так и для интересов народных масс. Подданные не могли быть безразличными к этим чиновникам, по-разному относились к ним. От одних, в рамках одного и того же строя, они терпели несмыслимые обиды и унижение, другие несли им некоторое облегчение.

Власть, какая бы она ни была — маленькая или большая, местная или центральная, тем более если она имеет некоторую автономность или обладает признаками самоуправления, — может быть использована для причинения подданным «большого» или «меньшего зла». Власть султана-правителя, хотя она ограничена и обусловлена господствующими в обществе отношениями, все же давала известную возможность для маневрирования и использования ее в определенных целях. Именно это и привлекало Валиханова. Идеи, лежавшие в основе выдвижения Чоканом Валихановым своей кандидатуры на пост старшего султана, были позитивными, практически целесообразными. Они не опорочивали его общих взглядов. Он был не только человеком научного вдохновения и передовых идеалов, а вместе с тем человеком действия и практического опыта. Эту сторону его натуры не следует упускать из виду при анализе и оценке его деятельности.

Разумеется, намеренно Чокана Валиханова получить ответственную должность в казахском обществе было встречено в штыки со стороны омского начальства и местной крупной знати. Несмотря на то, что он получил большее количество голосов, чем его соперник, областной губернатор отклонил кандидатуру Чокана Валиханова. Скрытые мотивы этого шага губернатора хорошо изложены самим Валихановым. В одном из писем друзьям он писал: «Господа эти, как областные, так и приказные, поголовно восстали против этого (т. е. против его избрания. — Авторы). Ты понимаешь почему. Областные

лишились бы нескольких тысяч, которые они стягивали со старшего султана, а приказным, действительно, если бы я был султаном, пришлось бы идти по миру. Видишь, что тут для чиновников своего рода «быть или не быть»... Чиновничество начинает подстрекать самолюбие богатых и честолюбивых ордынцев и пугать их, что если Валиханов будет султаном, то всем будет худо, он, мол, держится понятий о равенстве и отличать вас по роду, богатству, как свой брат натуральный киргиз, не будет; пустили в ход и то, что я не верю в бога и с Магометом состою в личной вражде»³⁴².

Эта неудача с избранием в старшие султаны глубоко тронула чувствительную душу Чокаша Валиханова. Он переживал не потому, что не стал султаном. Он томился, не видя просвета в сплошной тьме злоупотреблений и бесчинств царских и местных чиновников и не находя должной опоры в народе, не дозревшем для активных действий и борьбы против этих общественных зол. В отчаянии он восклицал: «Черт знает, что это такое, хоть в пустыню удаляйся»³⁴³.

---

³⁴² Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 562 - 563.

³⁴³ Там же, стр. 565.

ИДЕИ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБНОВЛЕНИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

1. Социализм и община в представлении Ч. Валиханова, его друзей и единомышленников

Социализм, как система определенных идей, стал играть заметную роль в общественно-политическом движении России, начиная с 40-х годов XIX века. В это время начинают формироваться интеллигенция, способная воспринимать социалистические идеи, и профессиональные революционеры — борцы за социализм, каким его представляли в ту историческую эпоху.

Характерно, что социализм в России, в силу ряда объективных условий, миновал этап абстрактно-теоретического развития. Он непосредственно слился с революционной борьбой передовых людей, принимавшей все больший размах, и стал ее идейной основой. Такое положение обусловило быстрый успех и популярность социалистических идей в среде передовой и сознательной части народа.

С осложнением социальных противоречий и развитием русского освободительного движения политические идеалы передовых деятелей обогащались новыми моментами и все больше стали отражать потребности исторического прогресса. Среди той части радикально мыслящих людей, которые ясно видели глубокие социальные противоречия, свойственные самодержавному строю, и искренне желали избавления от них, чего бы это ни стоило, идеи социализма непременно брали верх над всеми остальными учениями. Как бы ни были различны пути подобных деятелей, они в конце концов должны были прийти к социализму — такова была особенность

развития передовой общественной мысли в России XIX века. Эта особенность эпохи хорошо передана в признаниях Белинского, относящихся к 1841 году. Он писал: «Я теперь в новой крайности — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей»¹.

Петрашевский, испытавший сильное влияние Белинского, указывал, что в условиях самодержавного строя нет возможности не только думать, а даже дышать свободно, по-человечески². По мнению его последователей, выход из этого «смердного» положения заключался в социализме, который был призван преобразить Россию. Объясняя, что такое социализм, петрашевцы писали: «Социализм не есть изобретение новейшего времени, хитрая выдумка XIX века, подобная пароходу, паровозу или световому, — он всегда был в природе человека и в ней пребудет до тех пор, пока человечество не лишится способности развиваться и усовершенствоваться... Социализм вообще не есть прихотливая выдумка нескольких причудливых голов, но результат развития всего человечества... Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо приговор наш исполнить»³. Если, по определению В. И. Ленина, В. Белинский был предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении, то историческая роль петрашевцев заключалась в том, что они положили начало вытеснения дворян разночинцами⁴. Не случайно поэтому В. И. Ленин датировал существование «социалистической интеллигенции» в России, «начиная от кружка петрашевцев, примерно»⁵.

В распространении социалистических идей в России огромную роль играла деятельность революционных демократов — Белинского, Герцена, Огарева, Добролюбова и в особенности Чернышевского и его школы. Они и их идеи пользовались большой притягательной силой и

¹ Приводится по работе Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли в XIX веке». Соч., т. XXIII. М.—Л., 1926, стр. 140.

² И. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX века. М., 1958, стр. 273.

³ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1933, стр. 389, 423, 428.

⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 223; «История философии», т. II. М., 1957, стр. 310.

⁵ В. Р. Лейкина-Свирская. Петрашевцы. М., 1956, стр. 18—19.

популярностью среди недовольной царским режимом молодежи. По свидетельству одного из современников, в середине XIX века «социализм делал широкие завоевания в русской молодежи»⁶. «Тогдашние философские увлечения мыслящей молодежи, — писал А. И. Герцен, — вызваны были исканием тех средств, которые помогли бы ей справиться с окружавшей ее безобразной действительностью»⁷. Деятельность Чокана Валиханова в Сибири, а в особенности в Петербурге, его активное участие в кружке «Сибирское землячество» говорят о том, что он относился к числу этой «мыслящей молодежи», увлеченной идеями социализма. Об этом имеются и прямые указания современников.

В своих поздних воспоминаниях друг и тогдашний единомышленник Чокана Валиханова Г. Н. Потанин писал: «Русские политические кружки, в которых Валиханов и Банзаров провели свою молодость, т. е. те годы, когда складываются общественные идеи у человека, были различны... О казанском кружке, в котором вырос Банзаров, мы мало знаем, но полагаем, что он мало похож на друзей Валиханова. Яснее для нас характер петербургских друзей Банзарова (Савельев, Григорьев). Они тоже, как и друзья Валиханова, *увлекались социализмом*»⁸. (Курсив наш. — Авторы).

В другом месте Потанин, имея в виду Валиханова, Ядрищева, Шашкова и себя, прямо говорит, что «мы были социалистами»⁹. Также известно, что кружок, организованный ими в Петербурге, близко стоял к группе Чернышевского и в начале 60-х годов вошел в состав революционной организации «Земля и воля».

Социализм шестидесятих годов был идеологией крестьянства со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. Передовые деятели этого периода во главу угла своей программы ставили интересы крестьянства и все общественные вопросы решали в связи и исходя из требований и чаяний этого класса. Это опре-

⁶ «Из воспоминаний М. И. Вешюкова», кн. 1 (1832—1867). Амстердам, 1895, стр. 147.

⁷ Г. В. Плеханов, Указ. соч., стр. 29.

⁸ Д. Банзаров, Черная вера и шаманство у монголов. СПб., 1891, стр. 29.

⁹ «Голос минувшего», 1913, № 9, стр. 277.

десятью и позицию сибирских патриотов, в том числе Чокана Валиханова. Когда в 1865 году арестовали ведущих деятелей сибирского революционного движения, следователи, допрашивавшие их, были поражены тем, как они преданно защищали интересы крестьян и рядовых казаков. Полковник жандармерии Рыкачев, лично знавший Ядринцева, после очередного допроса, с явной целью повлиять на его убеждения, заявил ему следующее: «Вы, Николай Михайлович, хлопчете о народной массе, хотите *душу за мужиков положить* (курсив паш. — *Авторы*), а я уверяю Вас, что, если я выведу Вас на площадь, передам в руки их, они Вас разорвут на куски»¹⁰.

Сибирские патриоты шестидесятых годов вполне обоснованно называли себя социалистами. Валиханов, Потанин, Ядринцев, Шашков, Усов и другие действительно были социалистами-утопистами. Они не просто защищали интересы трудового крестьянства, в том числе и сибирских казаков. В крестьянской сельской общине они видели зародыш социалистического общежития. С. Капустин в ряде своих интересных исследований крестьянского землевладения доказывал, что «русскому крестьянству коренной России присущ общинный строй жизни до такой степени, что его можно назвать *прирожденным*»¹¹. То же самое утверждал Н. Ядринцев: «Общинный поземельный быт, русский крестьянский мир как бы осуществлял уже формы европейского социализма». Вместе с тем они хорошо видели существенные изменения, происходившие в жизни крестьян в пореформенный период. Как уже отмечалось выше, Н. Ядринцев далее пишет, что община сильно изменилась, в ней выдвинулось кулачество, появились безземельные крестьяне, и «в России обнаружился тот же аграрный вопрос и безземелье, которое считалось только язвой Запада»¹². Сибирские патриоты тратили много энергии на то, чтобы защитить сельскую крестьянскую общину от усиливающегося влияния кулаков, купцов и чиновников.

Революционная деятельность сибирских патриотов

¹⁰ «Сибирская жизнь», 1914, № 63.

¹¹ С. Капустин. *Формы землевладения у русского народа*. СПб., 1877, стр. 77.

¹² Н. Ядринцев. *Иллюзия величия и ничтожества*, стр. 3, 5.

имела некоторые особенности. Например, в их плане практических действий не ставилась задача освобождения крестьян из-под помещичьей кабалы. Но это объяснялось просто: в Сибири крестьяне были более свободны, чем в других областях страны, и не испытывали такого гнета помещиков, как в Центральной России. Поэтому сибирские патриоты не могли включить этот пункт в свою программу, хотя были по-своему преданы интересам трудовой массы населения. Они сами указывали, что крепостным сословием в Сибири, по сути дела, являются рядовые казаки¹³, и борьба за их интересы с целью уравнения их в правах с другими свободными сословиями имеет такое же значение, как и освобождение крестьян Центральной России из-под помещичьей кабалы. Эта линия особенно ярко проявилась во время составления нового Положения о сибирских казаках в 1864 году. Г. Н. Потанин возглавил движение представителей казачьих низов, пыгавшихся бороться за свое равноправие и свободу¹⁴. Эти и другие дела «создали ему широкую популярность среди населения, а в известных кругах (т. е. в правительственных органах.— *Авторы*) репутацию беспокойного человека»¹⁵.

Любовь к Сибири, посвящение себя ее жизненным интересам вовсе нельзя считать ограниченностью сибирских патриотов, тем более каким-то узким местничеством. Они свою борьбу не отрывали от борьбы передовых деятелей освободительного движения в России. В одном дореволюционном сборнике, вышедшем под редакцией Н. М. Ядришцева, об И. В. Оммулевском сказано, что он «сосланил в себе с личностью русского общественного бойца-шестидесятника глубокую любовь к Сибири и горячее отношение к ее интересам и исдугам»¹⁶. Это определение вполне подходит к самому Ядришцеву и его единомышленникам-друзьям — Потанину, Шашкову, Наумову, Валиханову и другим. Один из крупных исследователей истории освободительной мысли шестидесятых годов М. Лемке совершенно правильно напомнил, что «областничество» Ядришцева и других сибирских патриотов было органиче-

¹³ «Сибирская жизнь», 1913, № 28.

¹⁴ Там же, 1913, № 242, 248.

¹⁵ И. И. Попов. К 80-летию Г. Н. Потанина. «Голос минувшего», 1915, № 1.

¹⁶ «Сибирский сборник». СПб., 1887, кн. IV, стр. 140.

ской частью борьбы за свободную Россию и что его нельзя смешивать с «областничеством» позднего времени¹⁷.

При рассмотрении вопроса об отношении Валиханова к идее крестьянского утопического социализма следует иметь в виду следующее: а) среди оппозиционной и революционной молодежи, в особенности Петербурга, в 50—60-х годах увлечение социализмом было широким. В числе этой молодежи несомненно был и Чокан Валиханов; б) непосредственное окружение и самые близкие друзья Ч. Валиханова, которые считались его единомышленниками, за отдельными исключениями, разделяли идею крестьянского социализма и сделали ее знаменем своей борьбы. Известно, что, как отмечали его друзья, Ч. Валиханов в своих суждениях о политике был более глубоким и смелым, в его бытность в Петербурге резко высказывал свои демократические убеждения и выделялся в этом отношении среди многих своих товарищей; в) склад мышления, довольно отчетливо вырисовывающийся как из совокупности его высказываний, так и из всего жизненного пути, характеризует Чокана Валиханова не иначе как социалиста по убеждению.

То, что Чокан Валиханов был противником крепостного права, жаждал его отмены и освобождения крестьян, не может вызвать никакого сомнения не только потому, что он был в кругу и в числе передовых мыслителей шестидесятих годов и никогда не имел с ними расхождений по основным вопросам. Люди, близко знавшие Чокана Валиханова, всегда подчеркивали, что он был воспитан именно «гуманной литературой шестидесятих годов»¹⁸, под которой понимались в первую очередь революционные произведения Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова.

Чокан Валиханов умел учиться у опытных, образованных и передовых деятелей. Вместе с тем он не был простым подражателем. Идеи русских социалистов-утопистов и революционеров были для него исходным методологическим началом для решения практических вопросов, вставших перед ним.

Особенно интересны мысли Ч. Валиханова, изложенные им в «Записке о судебной реформе». Несмотря на

¹⁷ М. Лемке. Н. М. Ядринцев, стр. IX.

¹⁸ «Сибирская жизнь», 1913, № 257.

то, что она посвящена узкому вопросу и носила характер официальной переписки с правительственными органами, в ней мы находим ценные теоретические рассуждения и широкие обобщения. Для этой работы, в частности, характерно: а) открытое утверждение противоположности и несовместимости интересов и миссий привилегированных классов общества и масс народа; б) признание казахов «неразвитыми» и «младенчествующими», в то же время по «надеждам на развитие в будущем» — перспективным народом. Эти два момента следует рассмотреть более подробно, ибо такая постановка вопроса, по выражению самого Чокана Валиханова, обусловлена «тенденциями и требованиями нашего времени»¹⁹.

По мнению Чокана Валиханова, казахское общество того времени состояло из привилегированных классов и народа. К первым относились «волостные управители, старейшины, султаны, бии и богатые киргизы», а народ — это «исбогатыс, нечиловныс и нетитулованныс киргизы»²⁰. Такая констатация была нужна Чокану Валиханову для показа резкого расхождения интересов и чаяний этих двух социальных групп. Надо было обладать не только твердым убеждением, но и смелым характером, чтобы официально заявить, что «на мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают, большей частью, враждебны интересам массы, большинства»²¹.

Исходя из этой социальной предпосылки, Чокан Валиханов берет под защиту все то, что народно и связано с будущим прогрессивным развитием народных масс. В их отсталости он видел зародыш прогресса общества, так же как и передовые деятели России того времени в отсталой крестьянской общине видели основу социалистического общежития. Развивая свою мысль о том, что казахи, жившие в условиях родового деления и аульно-общинного строя, «по надеждам на развитие в будущем» занимают особое место, он писал: «Что всего важнее,

¹⁹ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, стр. 497.

²⁰ Там же, стр. 500.

²¹ Там же, стр. 495.

формы нашего общественного развития паходятся в том самом *безыскусственном периоде* (курсив наш.— *Авто-ры*), когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего, культурного развития. На этом факте основаны все наши надежды на будущее»²². Этот замечательный тезис отражает идею крестьянского социализма применительно к жизни казахского трудового населения.

Один из весьма компетентных советских исследователей наследия Валиханова проф. С. Я. Булатов²³, надо отдать ему должное, первым правильно оценил глубокую и непосредственную связь мыслей Чокана Валиханова в вопросе о характере и будущности казахской аульно-родовой общины с теорией крестьянского социализма, разработанной и проповедуемой русской революционной демократией. Эта мысль была поддержана исследованием Л. В. Дюкова²⁴.

Казахская аульно-родовая община представлялась Чокану Валиханову, во-первых, как общество, находящееся в своем развитии в стадии «младенчества» и «безыскусственного» состояния, т. е. на такой стадии, когда оно продолжало нести в себе ряд положительных черт и достоинств коллективного пользования, в первую очередь, основным средством производства — землей, во-вторых, как общество, имеющее «наибольшую аналогию», сходство с «результатами высшего, культурного развития», а такими результатами высшего развития в то время считалась социалистическая общность трудового населения.

Чокан Валиханов не скрывал, что с этими двумя моментами, характеризующими, по его мнению, внутреннюю жизнь аульно-родовой общины, связаны его «надежды на будущее».

Каждый, кто сколько-нибудь знаком с основными идеями и произведениями Герцена, Чернышевского, Добролюбова, легко может представить, что выдвинутые

²² Там же, стр. 499.

²³ См.: С. Я. Булатов. К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова. «Вестник АН КССР», 1956, № 3.

²⁴ См.: Л. В. Дюков. Ч. Ч. Валиханов как последователь Н. Г. Чернышевского. «Ученые записки Казахского университета», 1960, т. 29, вып. 6.

Валихановым положения о состоянии и будущем казахской аульно-родовой общины, в своей основе имеют революционную теорию крестьянского социализма периода освободительного движения в России в шестидесятых годах прошлого века. Чтобы не быть голословным, сошлемся на факты.

Н. Г. Чернышевский, как и другие революционеры-демократы, употреблял термины «младенчествуящее племя», «младенчествуящее общество» в определенном смысле — в смысле патриархальной отсталости неразвитых, отсталых сельскохозяйственных общин и их безыскусственного состояния²⁵. «Один из величайших мыслителей нашего века, — писал Н. Г. Чернышевский, — высказал идею о том, что *высшая степень развития по форме совпадает с совершенною неразвитостью* (курсив наш. — Авторы), существенно отличается от нее содержанием. В приложении к истории такая идея оказывается совершенно справедливою. Мы видим теперь, что *конечный результат исторического развития* (курсив наш. — Авторы) состоит в теснейшем сближении всех членов нации в одно плотное духовное целое. Таково же положение людей до начала цивилизации»²⁶. В другой работе, написанной в 1858 году, отвечая своим критикам, Н. Г. Чернышевский подчеркивал мысль о том, что *«высшая степень развития по форме сходна с его началом — это мы видим во всех сферах жизни»* и что *«под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты»*²⁷ (курсив наш. — Авторы), — вот теоретические и методологические предпосылки, из которых исходил Ч. Валиханов в оценке казахской общины.

Чокан Валиханов очень хорошо знал произведения Н. Г. Чернышевского и других ведущих деятелей русской революционной демократии. Он верил в их идеи и руководствовался ими. В этом мы лишний раз убе-

²⁵ См., например, его статью «Песни разных народов», напечатанную в «Современнике»; в 1854 году.

²⁶ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. М., 1939—1953 гг., т. 2, стр. 295.

²⁷ Там же. т. 5, стр. 364, 389.

даемся, обнаруживая полное совпадение их точек зрения по такой важной и первостепенной проблеме, как оценка будущности отсталой крестьянской общины.

Нет сомненья в том, что Ч. Валиханов ценил и слова Герцена, сказанные о русской общине: «Вид этих убогих сельских общин таит в себе что-то, глубоко меня волнующее. Домишки жмутся друг к другу, предпочитая вместе спореть, нежели разбрестись во все стороны. За домами теряются бесконечные дали, поля без плетней и оград. Избушка для человека, для семьи. Земля — для всех, для общины... Крестьянин, живущий в этих домишках — все в том же положении, в каком достигли его кочующие полчища Чингисхана. События последних веков пронесли над его головой, даже не заставив его задуматься»²⁸. Эти признаки еще более были глубоки и свойственны казахской аульно-родовой общине, — так рассуждал Чокан Валиханов.

Ч. Валиханов считал, что в казахской аульно-родовой общине сохранились весьма положительные и ценные черты взаимопомощи, чувства заступничества друг за друга и много других патриархальных обычаев в быту и самоуправлении. «Члены одного рода считались как бы членами одного семейства»²⁹, и это представление имело ряд практических последствий. Казахи чувствительны, и «участие, принимаемое ими в несчастии ближнего, стоит внимания и похвалы». Обязанность «всего благополучно пребывающего общества» оказывать необходимую материальную помощь обедневшему члену общины («жигу»), принимать с уважением и доставлять бесплатное питание любому путнику («конакасы»), по мнению Ч. Валиханова, достойны «подражания и просвещенному европейцу»³⁰. А обычное право казахов, в той или иной степени отражавшее эту сторону жизни народа и его отсталость, «имеет более гуманных сторон»³¹.

Важной характерной чертой внутренней жизни казахской аульно-родовой общины, по мнению Чокана Валиханова, было то, что она в прошлом обладала значительной свободой в пользовании землею — пастбищами.

²⁸ А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. VII. М., 1936, стр. 137—138.

²⁹ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, стр. 505.

³⁰ Там же, т. III, стр. 40, 41.

³¹ Там же, т. I, стр. 513.

в ней господствовали начала обидей собственности. «Мы устранивали свою жизнь, приравниваясь к требованиям скотоводства. У наших предков постоянных зимовок не было, точно так же как и приуроченных мест для летних пастбищ,— указывал он.— Когда в одном месте был голод, отцы наши уходили на другие, более благоприятные, не стесняясь никакими расстояниями»³². Он с горечью говорил о постепенном разрушении этой системы землепользования и протестовал против планов правительственных органов, отчасти осуществляющихся, направленных на углубление этого процесса путем закрепления пастбищных участков за отдельными родовыми подразделениями и личностями»³³.

Все эти признаки казахских аульно-родовых общин в соединении с их сильными внутренними элементами самоуправления в совокупности служили основанием для того, чтобы провести между ними и «результатами высшего развития» достаточную аналогию, т. е. видеть в ней потенциальную социалистическую общность людей.

Как видно из этого, Чокан Валиханов идеализировал казахскую аульно-родовую общину и не замечал процесса разрушения коллективных начал, когда-то действительно господствовавших в ней. Он был убежден, что при определенных условиях можно приостановить эту «злую» силу, и доказывал другим необходимость поддержания в общине старых порядков и обычаев, более «близких народу». В этих рассуждениях, как солнце в капле воды, отражается позиция русских социалистов-утопистов в крестьянском вопросе и их историческая ограниченность. Сам по себе тот факт, что Чокан Валиханов в своем подходе к крестьянскому вопросу в кочевом казахском обществе и в понимании перспективы развития казахской сельской общины поднялся до уровня идей социалистов-утопистов России шестидесятых годов и был солидарен с ними, составляет его крупную историческую заслугу.

Революционеры-разночинцы и демократы видели в русской крестьянской общине экономическую основу социализма. Они считали, что после захвата власти трудящимися, опираясь на крестьянскую общину и на ее

³² Там же, стр. 531.

³³ Там же, стр. 533.

основе, можно строить социализм. Известно, что петрашевцы, под влиянием которых в значительной степени находился Валиханов, ставили перед собой цель применять идеи социализма в русской действительности. Они считали орудием перехода крестьян к социализму хозяйство вкладчину (община), где доходы распределяются по труду³⁴. Подобно коммунистам Запада петрашевцы видели в собственности (капитале) главный источник всех бедствий и в замене частной собственности общей собственностью усмотрели способ уничтожения всех зол. «Мы здесь в нашей стране, — пророчески говорил петрашевец Ахшарумов, — начнем преобразование, а кончит его вся земля»³⁵.

Герцен, Добролюбов и Чернышевский создали довольно стройную теорию о крестьянской общине как основе социалистического переустройства общества. Они ратовали за сохранение и развитие общинной формы землепользования и порядков, связанных с нею. Герцен, видя в общине характерные для будущего социалистического общества черты, по словам Энгельса, изображал «русских крестьян как истинных носителей социализма, прирожденных коммунистов в противоположность рабочим стареющего, загнивающего европейского Запада, которым приходится лишь искусственно вымучивать из себя социализм»³⁶. Возражая тем, кто утверждал, что община чисто славянское (русское) явление, Энгельс говорил, что она существует у всех народов, находящихся на низкой ступени развития от Индии до Ирландии³⁷. Он также подчеркивал, что внутри самой общины в результате периодических переделов земли объективно происходит процесс дифференциации самих крестьян, ведущий к неравенству, к зарождению внутри общины кулака-ростовщика³⁸.

При всех этих недостатках общинной формы собственности на землю у русских крестьян и Энгельс признавал, что «тем не менее нельзя отрицать наличие воз-

---

³⁴ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 412.

³⁵ Там же, стр. 110.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1949, стр. 45.

³⁷ Там же, стр. 45—46.

³⁸ Там же, стр. 47.

можности перевести эту общинную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно; причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцельной собственности»³⁹.

К. Маркс по поводу защиты Чернышевским общины писал: «Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы прийти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения... Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 года, то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»⁴⁰.

Идея крестьянского социализма русских революционных демократов была утопической. Они не видели и не могли видеть в тех условиях России подлинных революционных сил, способных преобразовать общество на социалистических началах. Тем не менее она была прогрессивной и глубоко революционной идеей, подготовившей последующий, более высокий этап освободительного движения.

Чокан Валиханов и его друзья-единомышленники всецело находились в плену идеи крестьянского социализма. Они выступали в защиту крестьянской поземельной общины в Сибири и в Казахстане, усматривали в ее изменении и разрушении особый вред прогрессу. Сопоставляя государственный строй русского самодержавия с государственным строем цинской империи, Ч. Валиханов осуждал наличие в России крупного удельного землевладения⁴¹. Он, защищая общинную форму собственнос-

³⁹ Там же, стр. 47—48.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 314.

⁴¹ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 426.

ти на землю в России, писал: «Да посмотрите, взгляните в китайскую систему поземельной собственности: она основана на идеях, до которых Европа дошла только в наш просвещенный век»⁴².

Близкие друзья Ч. Валиханова — сибирские патриоты, следуя за «русским социализмом» Герцена и общинной идеей Чернышевского в отсутствии частной земельной собственности в Сибири видели великое будущее этого края⁴³ и выступали в его защиту против расхищения царизмом⁴⁴. Они также считали, что частная собственность вредна казахскому народу⁴⁵. Сибирские патриоты надеялись решить крестьянский вопрос крестьянской артелизацией. «Нормальнее было бы, если бы к новому способу хозяйства переходили сами крестьяне, соединяясь в товарищества и прибегая к усовершенствованию способов обработки земли»⁴⁶, — указывали они. В крестьянской общине они видели силу, способную водворить в Сибири рациональное хозяйство⁴⁷. Один из лидеров сибирских патриотов Г. Н. Потанин, правда, позже, уже в преклонном возрасте, призывал к тому, чтобы «земли не могла стать ничьей частной собственностью», «надо, чтобы земля навеки осталась общепародным достоянием»⁴⁸.

Родоначальник и теоретик «русского социализма» А. И. Герцен представлял социализм как господство взаимного доверия людей⁴⁹, исключающее несправедливость, насилие и социальные контрасты. Н. А. Добролюбов мыслил социализм как «союз трудящихся масс, союз работников»⁵⁰. Как отмечает один из советских исследо-

⁴² Там же.

⁴³ Н. И. Козьмин. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910, стр. 194.

⁴⁴ Г. Н. Потанин. Областничество в Сибири. Томск, 1907, стр. 4.

⁴⁵ Г. Н. Потанин. В юрте последнего киргизского царевича. «Русское богатство», 1896, № 8, стр. 80.

⁴⁶ Г. В. Круссер. Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1965 г. «Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», 1924—1925, т. 4, вып. 1, стр. 96.

⁴⁷ С. Кожевников. Н. И. Наумов, стр. 29.

⁴⁸ «Сибирская жизнь», 1917, № 227.

⁴⁹ «История политических учений», под редакцией проф. С. Ф. Кечекьяна. М., 1955, стр. 448.

⁵⁰ Ф. М. Бурлацкий. Политические взгляды Н. А. Добролюбова. М., 1954, стр. 224.

вателей С. А. Покровский, в представлении русских революционных демократов «социализм означал общественную собственность на средства производства и распределение по труду»⁵¹. Они видели в нем бесклассовое общество, которому чужда эксплуатация человека человеком и неравенство людей. Из этого видно, что для передовых деятелей этого периода было характерно отождествление идеи социализма с демократизмом. Они под социализмом понимали демократические свободы и наоборот. На эту особенность указывал и В. И. Ленин. Он писал, что «та пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое (как это было, напр., в эпоху Чернышевского), безвозвратно канула в вечность»⁵².

Чокан Валиханов был последовательным демократом. Основными условиями развития народа он считал его просвещение и свободу. «Успех прогресса обуславливается двумя факторами: знанием и свободой»⁵³, — говорил он. Ч. Валиханов ратовал за равенство людей, за режим, в котором не было бы места сословным привилегиям. Царские чиновники, не желая допускать избрания Ч. Валиханова старшим султаном, вербовали себе в союзники казахскую знать, приводя как аргумент, что «он, мол, держится понятия о равенстве и отличать вас по роду, богатству, как свой брат натуральный киргиз, не будет...»⁵⁴

Социалисты шестидесятых годов горячо и страстно говорили и боролись за обновление общественного строя, за освобождение личности и мысли из-под гнета и ограничения. Эта идея проходила основным лейтмотивом и в убеждениях Валиханова, Ядринцева, Потанина, Шашкова и других сибирских патриотов. В непечатанной рукописи С. Шашкова есть места, характеризующие настроение его товарищей, возвратившихся из Петербурга в Сибирь: «Мы все явились в Сибирь в каком-то восторженном состоянии экзальтированных прозелитов по-вой идеи, одушевлявшей нас. Мы могли говорить о Си-

⁵¹ С. А. Покровский. Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М., 1952, стр. 313.

⁵² В. И. Ленин. Сочинения, т. I, стр. 253.

⁵³ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, стр. 614.

⁵⁴ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 563.

бири, об ее обновлении, о будущих задачах целые часы, горячо, пламенно говорить... У нас явилась потребность скорее высказаться, передать, провести свои идеи в жизнь, побудить и заставить жить это общество. Мало того — заставить трепетать его и воспламеняться тем же огнем, какой кипел в нас. Мы неустанно пропагандировали везде обновление России (курсив наш.— Авторы) и, не довольствуясь кружками, искали случая говорить публично, читать лекции и зажигать сердца»⁵⁵. Известно, что эти публичные выступления, проведенные с соблюдением цензурных ограничений и с ведома официальных властей, а отсюда — со многими недомолвками, были в свое время расценены как «антигосударственные» и «мятежные», а ораторы арестованы и приговорены к длительным срокам тюремного заключения.

Об идее обновления России и Сибири, владевшей умами сибирских патриотов, говорил и Ядринцев. В своих воспоминаниях в несколько завуалированной форме он писал про шестидесятые годы, что «это была эпоха обновления русской жизни, под которою мы жили тогда и распускались. Эпоха незабвенная, где все веяло пробуждением умственной жизни и лучших человеческих инстинктов»⁵⁶.

В идею обновления общественного строя, разумеется, можно вкладывать различное содержание. К ней можно подходить с различных классовых и групповых позиций и с разными мерками. Понимание идеи обновления общественной жизни сибирскими патриотами в принципе было тождественно взглядам русской революционной демократии. Точнее говоря, они черпали эту идею у русской революционной демократии, в лагерь которой они входили. Об этом говорили сибирские патриоты, и открыто в этом сходятся почти все дореволюционные авторы, близко знавшие многих из них. Обновление русской жизни, о котором мечтали сибирские патриоты, было обновлением на началах свободы и равенства, справедливости и любви во взаимоотношениях членов общества.

Идеалы, которым собирались служить Потапов, Валиханов, Ядринцев, Шаумов и другие патриоты Сибири

---

⁵⁵ М. Лемке. Н. М. Ядринцев. СПб., 1904, стр. 50.

⁵⁶ Н. М. Ядринцев. Сибирские литературные воспоминания, стр. 8.

в пору своей молодости, в шестидесятых годах, были прекрасны и возвышенны. Сама жизнь толкала их на путь участия в освободительном движении того времени, когда, казалось, даже воздух был пропитан демократическими и революционными идеями. «Русское общество никогда не переживало больше того, что пережило в эпоху так называемых «шестидесятых годов» (1855—1862 гг.), — писал один из поздних биографов Н. М. Ядринцева. — Эта была светлая полоса, о которой и до сих пор так приятно всегда вспоминать. Славное прошлое, славные деятели — его работники; вечны идеалы, их стимулировавшие, — *любовь, свобода, равенство*»⁵⁷ (курсив наш. — Авторы).

2. О проблеме самозащиты народа

В период назревания и наступления революционной ситуации в России проблема форм борьбы за интересы крестьянских масс приобрела особенно острый характер. Буржуазные либералы разных оттенков старались решить ее в рамках существующего самодержавного режима и в формах, не затрагивающих его основ. Они готовы были объявить защиту интересов угнетенного народа обязанностью самого правительства, отдельных просвещенных деятелей и переложить всецело выполнение этой защиты на их плечи со всеми вытекающими отсюда последствиями. В противовес им Герцен, Добролюбов, Чернышевский и их единомышленники придерживались в этом вопросе наиболее последовательного и революционного взгляда. Вместо либерального и реформистского лозунга «улучшение быта крестьян» они провозгласили лозунг «освобождение крестьян». Причем крестьяне должны были освободить сами себя, в порядке инициативы снизу, путем восстания. Самозащита и восстание в этот период приобрели единый смысл и представлялись неразрывно целыми понятиями.

Те реальные результаты, к которым привело «освобождение» крестьян сверху в 1861 году, явились настоящим приговором либералам. Никчемность их лозунгов стала видна многим. Это не могло не усилить революционные позиции передовых деятелей освободительного

⁵⁷ М. Лемке. Н. М. Ядринцев, стр. 31.

движения и их влияние в народной массе, среди мыслящей интеллигенции.

«Народ царем обманут»⁵⁸. — таков был вывод Огарева, когда он ознакомился с царским манифестом от 19 февраля 1861 года и незамедлительно совместно с Герценом развернул агитацию за «новую волю». Вождь русской революционной демократии Чернышевский, выступивший с рядом страстных статей в «Современнике», призывал народ к сознательности, организованности и к решительности действий в борьбе с самодержавием. Он и его боевые соратники, в тесной связи с Герценом и Огаревым, приступили к подготовке крестьянского восстания, создав тайную революционную организацию «Земля и воля»⁵⁹. По стране катилась волна крестьянских протестов, волнений и локальных восстаний.

Под влиянием идей русской революционной демократии в ряде крупных центральных городов, в особенности в Петербурге, возникли многочисленные политические кружки студенчества, молодой интеллигенции и передовых офицеров. Они являлись как бы массовой разночинной опорой революции. «Чернышевский, Добролюбов были пророками университетской молодежи, — писал Н. В. Шелгунов, — приходившей в неистовый восторг от того, что они находили в строках, а еще больше от того, что читали потом между строками. Чем крайнее и смелее были статьи, тем они сильнее действовали на студентов»⁶⁰.

Словом, в этот период в стране создалось такое положение, что крестьянское восстание считалось вполне реальным. Его допускали не только деятели освободительного движения. Даже в правительственных кругах придавали этому вопросу весьма важное значение. Ожидание нового освобождения было очень сильно. «Всем казалось, — писал Н. Г. Потанин, — что через год русскую жизнь не узнаешь; сюртуки, шляпы, дамские наряды показались устаревшими... Открывалась возможность свободного самоопределения, не стесняемого кастой, сосло-

⁵⁸ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 526.

⁵⁹ «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1960, стр. 29.

⁶⁰ В. Г. Баскаков. Мирозозрение Чернышевского. М., 1956, стр. 160.

нием или социальным положением»⁶¹. Грузинский студент Н. Николадзе связывал революцию с ближайшим временем: «Как, в самом деле, уехать при мысли, что можешь прозевать революцию»⁶². «Ожидание грядущей крестьянской революции было широко распространено в различных кругах тогдашнего общества»⁶³, — указывает один из видных специалистов в области изучения общественной мысли нашей страны Б. Козьмин.

Чокан Валиханов жил в Петербурге в самое горячее время политической борьбы (конец 1859 — начало 1861 г.), связанной с подготовкой и проведением крестьянской реформы. Пореформенную ситуацию он в основном наблюдал из далекой казахской степи. Известные прямые и косвенные источники и материалы о взглядах Чокана Валиханова на крестьянский вопрос свидетельствуют о том, что он в период назревания революционной ситуации твердо придерживался мнения о праве крестьян на самозащитные вплоть до восстания.

Петербургские друзья Ч. Валиханова, которые в своих поздних воспоминаниях открыто признавали, что они в то время жили в ожидании чего-то нового, указывали, что Чокан Валиханов был более страстен в своих демократических (т. е. революционных) убеждениях. В качестве характерного примера Г. Н. Потанин приводит такой случай: «Однажды на майском параде стоявший возле него какой-то молодой князь, которого толкнул какой-то серый кафтан, сказал: «Что это не почистят публику?», Чокан быстро заметил ему: «А вы читали, как Разин чистил публику?»⁶⁴. Дело в том, что незадолго перед этим в Петербурге получила широкое распространение книга проф. Костомарова «Степан Разин», написанная в неблагоприятном для правительства тоне⁶⁵.

Восторженный прием, оказанный в Петербурге членами кружка «Сибирские патриоты» профессору А. Шапову — руководителю революционных групп г. Казани, вовсе не был случайным. Они тем самым выразили горя-

⁶¹ «Сибирская жизнь», 1914, № 9.

⁶² «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 251.

⁶³ Б. Козьмин. Казанский заговор 1863 г. М., 1929, стр. 9.

⁶⁴ Г. Н. Потанин. Бацзаров. Черная вера и другие статьи. ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 32.

⁶⁵ «Русская мысль», 1885, № 6, стр. 33.

чую симпатию восставшим крестьянам с. Бездны, расстрелянным царским правительством, павшим, говоря словами Шапова, за землю искупительными жертвами деспотизма. Шапов заявлял, что эта земля «воззовет народ к восстанию и свободе»⁶⁶. Этим случаем, подчеркнул он, народ «нарушил сон..., разрушил несправедливое сомнение революционной интеллигенции, будто народ наш неспособен к инициативе политических движений»⁶⁷. Известно, что А. И. Герцен на страницах «Колокола» поднял свой могучий голос в защиту крестьян, против бесчинства царских войск в Казанской губернии. Его статья «Русская кровь льется» прозвучала на всю Россию. Напоминая русскому крестьянству важность безднинских событий, А. И. Герцен писал: «Живая память об них может совершить одно чудо — твое освобождение»⁶⁸.

Горячая встреча Шапова в Петербурге находится в органической связи со всей деятельностью сибирских патриотов, принимавших активное участие в подготовке крестьянского восстания. Так, Г. Н. Потанин, используя свои связи в войсках, распространял прокламацию «Офицерам всех войск от общества», подготовленную революционным центром «Земли и воли». В ней, в частности, говорилось: «Вы должны готовиться и готовить солдат — на Востоке и Юге, на Западе и Севере»⁶⁹. Как установлено теперь, Г. Н. Потанин «употреблял, насколько было возможно, меры, чтобы сделать войско участником общего сибирского движения»⁷⁰. Другая прокламация русской революционной демократии «Что надо делать войску», где говорилось, что войска не должны «идти против народа и поляков»⁷¹, также была распространена «по всей Сибири» не без активного участия сибирских патриотов⁷². Один из них Ганни, который, по определению следственной комиссии, питал «ненависть к существую-

⁶⁶ «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 657.

⁶⁷ Речь Шапова по поводу расстрелянных крестьян в с. Бездне. Рукописный фонд библ. им. Ленина. Оп. 192, 2, л. 1.

⁶⁸ Приводится по статье В. И. Ленина «Памяти Герцена». Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 261.

⁶⁹ «Вопросы истории», 1958, № 9, стр. 45.

⁷⁰ «Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», 1924—1925, т. 4, вып. 1, стр. 87.

⁷¹ ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, д. 62, л. 22.

⁷² Госархив Иркутской области, ф. 24, оп. 3, д. 38, л. 86.

шѐму порядку», выступил с открытой поддержкой польского восстания, считая, что «надо потерять все чувства, чтоб остаться хладнокровным к польскому вопросу»⁷³. С. Капустин в своем письме к Д. Кузнецову от 17 марта 1862 года писал: «Ваше умное дело, что навестили несколько раз Михайлова.. Еще несколько лет и конец царству легионов взяточников, самодуров, холопов»⁷⁴. Эти факты совершенно ясно характеризуют солидарность сибирских патриотов с революционными призывами Герцена и Чернышевского. Причем многие из них, наиболее близкие к Валиханову, были страстными борцами и находились в то время в передовых рядах.

Известно, что в этот период Чокан Валиханов по основному политическим вопросам не имел существенных расхождений с Потаниным, Ядринцевым, Капустиным и др. Наоборот, судя по воспоминаниям этих его друзей, он высказывал свои демократические убеждения более резко. Также известно, что Чокан Валиханов, как это можно усмотреть из второй главы настоящей работы, развернул в Петербурге кипучую деятельность. Он общался со многими деятелями революционного движения, бывал у них на вечерах и диспутах, устраивал сам подобные собрания. Не вызывает сомнений, что основной темой разговоров здесь были вопросы обновления России, борьбы с самодержавием. На этих вечерах часто пели революционные песни и зачитывались революционной литературой.

Поддержка Чоканом Валихановым идеи крестьянского восстания в России не была каким-то временным явлением, вызванным действием преходящих факторов. Она вытекала из его твердого убеждения, что угнетенный народ имеет право восставать против тирании и жестокости. В этом отношении большую ценность представляют его бумаги и дневники кашгарского периода. Он обращает внимание на «бесчеловечные меры», к которым прибегало китайское правительство при покорении Восточного Туркестана и при управлении им. Эти грубые и насильственные меры, как писал Чокан Валиханов, «возбуждали более внутреннее неповиновение и родили по-

---

⁷³ Там же, ф. 3, оп. 13, д. 5, лл. 235—240.

⁷⁴ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 15, д. 11, л. 16.

стоянный страх, только карающая их сила удерживала туркестанцев от восстания»⁷⁵.

Заслуживает особого внимания анализ причин восстаний, происходивших в Кашгарии и имевших характер освободительного движения. По-видимому, для Чокана Валиханова кашгарский опыт был лишь историческим фоном, удобным для иллюстрации положения на своей родине. Так обычно поступали видные передовые общественные деятели того времени и многие его друзья, когда касались недозволённых вопросов политики в России. Это хорошо было известно Чокану Валиханову, и к этому методу он сам не раз прибегал.

С особенной тщательностью Чокан Валиханов разбирает причины, приведшие к восстаниям. При этом на первый план выдвигает социально-экономические и политические мотивы, которые являются двигательной силой любой социальной революции в любой зависимой стране. По мнению Чокана Валиханова, а) «обременительные налоги, незаконные поборы, лихоимства и притеснения китайцев и беков, поставленных ими, раздражают народонаселение шести городов, и они от души ненавидят как китайцев, так и своих чиновников», б) «высшие местные чиновники «чужды народу, которым управляют, заботятся только о собственных выгодах, чтобы составить состояние...; мелкие чиновники копируют вышних, но более их грубы и дерзки», в) «китайские чиновники, которых численно немного, выдвигая того или иного местного ставленника, «доверяют только тем, которые притесняют, следовательно, не имеют ничего общего с народом. Они боятся всего более, чтобы чиновники не соединяли своих интересов с интересами народа, тогда они сделались бы для них опасными»⁷⁶.

Эти факторы, по убеждению Чокана Валиханова, лежат в основе того, что «народ ненавидит китайцев и поддерживает *постоянные восстания и упорную борьбу*»⁷⁷ (курсив наш. — Авторы). Однако, отмечает он, эти восстания не приводят к желаемым результатам. Ч. Валиханов задает вопрос: если китайцы, подчинившие страну, малочисленны и слабы, а их местные ставленни-

---

⁷⁵ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. II, стр. 171.

⁷⁶ Там же, стр. 361—363.

⁷⁷ Там же, стр. 361.

ки ненавистны народу, знают только грабить его, то почему освободительные восстания не имеют там успеха? И сам же дает ответ на этот вопрос. Он указывает на три главных фактора, которые пока сводят на нет народные усилия в борьбе за свою независимость. Это, во-первых, военные силы, сосредоточенные в руках поработителей, и строгие карательные меры, к которым они прибегают; во-вторых, несогласие, взаимная вражда между отдельными частями внутри самого местного, «туземного» населения. По религиозным признакам оно делится на белогорцев и черногорцев. «Вражда этих партий есть главная причина, почему в Восточном Туркестане не может быть всеобщего восстания...»; в-третьих, разлагающее и корыстное влияние Коканда, через своих духовных ставленников-ходжей, на внутреннюю жизнь народа. С одной стороны, эти ходжи пользуются фанатичным доверием отсталого, религиозного народа, с другой стороны, они в основном действуют в союзе с китайскими и местными владетелями. И тем самым они запутывают борьбу народа⁷⁸.

Этот разбор проблем народного восстания в Восточном Туркестане, данный Чоканом Валихановым, можно без преувеличения назвать оригинальным и поистине здравым наброском мыслей, которые могли исходить только от революционера. Во многих картинах из жизни населения Восточного Туркестана, связанной с его борьбой за свободу и независимость, Чокан Валиханов, безусловно, видел штрихи жизни и борьбы своего народа, томившегося в то время под двойным гнетом: под гнетом царизма и местных владельцев. Этим отчасти следует объяснить выпуклую характеристику проблемы восстания в одной из стран Азии — в соседней с Казахстаном Кашгарии.

Чокан Валиханов уехал из Петербурга к себе в степь в начале пореформенной политической борьбы. Он мечтал снова возвратиться в столицу, но судьба решила иначе.

Живя в своем ауле, больной Чокан Валиханов не переставал живо интересоваться политическими событиями в России. Он посетил своих друзей в Омске перед самым их арестом за революционную агитацию, писал письма

---

⁷⁸ Там же, стр. 361—384, 495.

в Петербург, которые за единичными случаями, не сохранились, или, во всяком случае, пока не найдены. Интересно, что в письме к Гутковскому от 6 февраля 1863 года он спрашивал: «Что нового из Питера? Нет ли движения Планет?»⁷⁹. Что означали эти намеки? Ясно, что здесь речь идет о таких явлениях, о которых нельзя писать своими именами. Нам представляется вполне вероятным, что Чокан Валиханов спрашивал и интересовался политическими переменами в Петербурге, связанными с подготовкой крестьянского восстания. Надо иметь в виду, что ожидание восстания в России весной 1863 года было так сильно, что Ф. Энгельс после начала восстания поляков 17 февраля 1863 года писал К. Марксу: «Поляки — молодцы. И если они продержатся до 15 марта, то по всей России пойдут восстания»⁸⁰.

Когда в 1862 году были закрыты «Современник» и «Русское слово», Герцен на страницах «Колокола» выступил с протестом против произвола царского правительства⁸¹. Ч. Валиханов это восьмимесячное запрещение «Современника» назвал «вавилонским пленением»⁸². К этому выражению в то время часто прибегали русские революционеры. Под «египетским пленением» они подразумевали крепостную эпоху⁸³, а под «Вавилоном» — самодержавие⁸⁴.

Весной 1863 года, когда отдельные очаги восстания крестьян были царизмом потоплены в крови и русская революционная демократия в трудных условиях подполья продолжала борьбу за освобождение народов России от царского самодержавия, Чокан Валиханов, находясь в гуще местных, казахских событий, пишет свои записки

---

⁷⁹ Ч. В а л и х а н о в. Избранные произведения, стр. 561. Кстати, составителями Избр. произведений Ч. Валиханова это письмо неправильно датировано 6 февр. 1862 г. Мы путем сопоставления содержания писем Ч. Валиханова к Гутковскому от 16 января 1863 г. (стр. 573) и от 6 февраля 1862 г. (для составителей, стр. 561) установили, что письмо Валиханова к Гутковскому (стр. 561) написано 6 февраля 1863 г., а не 6 февраля 1862 г.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, стр. 135.

⁸¹ «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, стр. 217.

⁸² Ч. В а л и х а н о в. Избранные произведения, стр. 569.

⁸³ Н. Ф. Анпенский. Сорок лет назад, стр. 331—332; «Ссылка и каторга»; кн. 33—34, 1927, стр. 36; Госархив Иркутской области, ф. 293, оп. 4, л. 264, св. 19, лл. 1—2.

⁸⁴ «История СССР», 1963, № 6, стр. 38.

«О судебной реформе» и «О мусульманстве в степи», предназначенные для официального представления в правительственные органы. В них в основном рассматривались сугубо практические вопросы, связанные с подготовкой царским правительством реформы и отдельных изменений в управлении казахской степью.

Несмотря на такой характер этих записок, Валиханов высказывал в них довольно смелые мысли. Критикуя систему управления казахским обществом и те планы, которые готовились правительством в этой части, он требовал положить в основу политической организации общества «неизбежные законы прогресса», в условиях которых «возможно здоровое развитие общественного организма»⁸⁵. Поясняя свою мысль, Валиханов писал, что «для нормального роста народа, на какой бы степени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащитение, самоуправление и самосуд»⁸⁶, с чем царизм, разумеется, не мог согласиться.

В этом выступлении Чокана Валиханова профессор С. Я. Булатов первый среди советских исследователей усмотрел революционный смысл⁸⁷. Наше исследование убеждает нас в том, что такая оценка более близка к истине, чем позиция его оппонентов. Тем более, что в основе выдвинутых Ч. Валихановым принципов: саморазвитие, самоуправление, самозащитение и самосуд народа — лежат взгляды русских революционных демократов, отстаивавших созыв Земского собора в России, как восстановление суверенитета народа и отречение царя от престола⁸⁸.

Интересны высказывания Ч. Валиханова о «самозащитении» народа. Он считал, что чувство самосохранения народа «есть чувство похвальное». По его мнению, отсутствие «разумного самозащитения» и пассивность казахов являются результатами их неразвитости⁸⁹. Он сравнивал отсталые народы с ребенком, которому «трудно

---

⁸⁵ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 198.

⁸⁶ Там же, стр. 221.

⁸⁷ С. Я. Булатов. Государственно-правовые взгляды Чокана Валиханова, стр. 60.

⁸⁸ «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 658, 661, 662; «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», стр. 289; «Колокол», 1863, № 175.

⁸⁹ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 201—202.

согласовать ощущения свои (т. е. стремление к лучшим условиям жизни.— *Авторы*) с действиями (т. е. сознательное отыскивание путей к лучшему.— *Авторы*)»⁹⁰.

Остановливаясь на вопросах реформы, подготавливаемой царским правительством для казахской степи, Чокан Валиханов смело указывает на ее насильственный характер. Такие преобразования, основанные «на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа,— писал он,— составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие»⁹¹. Они препятствовали прогрессу и движению к цивилизации. Ч. Валиханов вместе с тем дал понять правительству, что такие методы управления казахской степью могут привести к восстанию народа, как это не раз бывало в истории других народов, поставленных в такие условия. «Все революции — писал он в этой связи, — бывшие в Европе с 1793 года, происходили единственно от стремления правительств подавить свободное народное движение»⁹².

На фоне изложенного становится понятным смысл выражения «преобразования коренные по Западному образцу»⁹³, о которых с оттенком одобрения писал Чокан Валиханов в 1862 году в письме А. Н. Майкову.

В официальном некрологе по поводу смерти Ч. Валиханова было сказано, что «Валиханов сохранил глубокую преданность своей стране. Он любил киргизскую жизнь, но вместе с тем умел высоко ценить западную цивилизацию и предвидел для своего народа отрадную будущность только под покровительством России»⁹⁴. По этому поводу Г. Н. Потанин говорил: «Сказано официальным слогом, но в самом деле по своим умственным симпатиям и направлению Чокан был русским западником. Он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячо ее обновления»⁹⁵. (Курсив наш.— *Авторы*). Позднее один из видных сибирских патриотов и друзей Валиханова Н. М. Ядринцев следующими словами охарактеризовал внутренний мир своих единомышленников: «Жили надеждами и идеала-

⁹⁰ Там же, стр. 197—198.

⁹¹ Там же, стр. 198.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, стр. 568.

⁹⁴ ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 322, л. 17.

⁹⁵ Там же.

ми, осуществления которых не дождались, но были свидетелями также реакции, мрачного времени, затоптанных идолов, низверженных кумиров, опозоренных знамен»⁹⁶.

Если подвести некоторые итоги сказанному, то выходит, что Чокан Валиханов стоял в ряду тех деятелей русского освободительного движения, которые освобождение крестьян считали делом самих крестьян, т. е. защищали лозунг «самозащиты» народа; право народа на «самозащиту» доводилось до признания в определенных условиях права на восстание; крестьянские бунты и восстания, возникающие в разных местах в конце 50-х — начале 60-х годов, назревание всеобщего крестьянского восстания представлялось Чокану Валиханову явлением закономерным.

3. Обновление России и дружба с русским народом — основа освобождения национальностей

Русская революционная демократия резко критиковала колонизаторскую и шовинистическую политику правительства, выступала выразителем интересов трудящихся масс и угнетенных слоев населения Российской империи без различия национальностей. Она признавала право народов окраин — Польши, Литвы, Украины и др. — на самоопределение в рамках свободной федеративной российской республики, ратовала за равноправие и развитие национальностей, выступала за культурный обмен между народами России. Еще В. Белинский говорил: «Люди должны быть братья и не должны оскорблять друг друга ни даже тенью какого-нибудь внешнего и формального превосходства... Без национальности человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания... Народы начинают сознавать, что они — члены великого семейства человечества, и начинают братски делиться друг с другом духовными сокровищами своей национальности... Теперь только слабые, ограниченные умы могут думать, что успехи человечности

---

⁹⁶ «Восточное обозрение», 1890, № 148.

вредны успехам национальности и что нужны китайские стены для охранения национальности»⁹⁷.

Царские колонизаторы проводили политику разделения народов, рассчитанную на утверждение превосходства народа угнетающей страны над народами угнетенной страны. Они старались «внушить ему (народу. — Авторы) доверие не только к могуществу, но и к справедливости, превосходству умственного и нравственного развития покорителей»⁹⁸. Эта политика в особенно грубой и обдаженной форме проявилась в Казахстане. Держать в страхе мирное население было одним из излюбленных приемов здешней царской администрации. Этому способствовали темнота и невежественность казахов. «В таком положении азиатцев, пока проникнет к ним образование, можно действовать на них одним лишь страхом», — писал один из царских чиновников⁹⁹. «Степь киргизская трепещет предо мною», — говорил начальник области оренбургских казахов В. Григорьев¹⁰⁰, считавшийся более умеренным среди других чиновников.

Казахскую степь безжалостно «грабили, несмотря на инструкцию»¹⁰¹ представители казачьей верхушки. «Такой системой действовало все сибирское казачье», — указывал друг и современник Ч. Валиханова М. Весюков¹⁰². В то время «казачьи офицеры в чине хорунжего получали в год всего только по 90 рублей жалованья и пополняли свои бюджеты легкими при их командировках и исполнении служебных обязанностей в киргизской степи поборами с киргизов (казахов)»¹⁰³.

Такая официальная политика колониальных властей, направленная на беспощадное подавление и ограбление казахского народа, на всемерное разжигание розни между народами, не могла не оказывать вредного влияния

⁹⁷ В. Г. Белинский. Собрание сочинений, т. 10, стр. 408; т. 12, стр. 393—394.

⁹⁸ «Вестник Европы», 1869, № 6, стр. 694.

⁹⁹ В. Долгинецкий. Об отношениях России к Средне-Азиатским владениям и об устройстве киргизской степи. СПб., 1865, стр. 16.

¹⁰⁰ П. И. Веселовский. В. Г. Григорьев по его письмам и трудам. СПб., 1887, стр. 134.

¹⁰¹ Ф. Н. Усов. Очерки по истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1884, стр. 37.

¹⁰² Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), ф. Р-1, оп. 4, № 28, стр. 3.

¹⁰³ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958, стр. 59.

на отношения казахов и русских крестьян, зараженных угаром шовинизма. Так, по свидетельству друга Ч. Валиханова С. Я. Капустина, «самый гуманнейший сибиряк и россиянин относится к киргизу как взрослый к ребенку. Это самое, так сказать, христианнейшее отношение, доступное весьма немногим»¹⁰⁴.

Казахское население, забитое и подавленное, в силу своей отсталости не могло различить Россию царя и Россию Чернышевского. Оно судило о России во многом по действиям царских чиновников и по тем мерам, которыми осуществлялась колониальная политика. Не удивительно поэтому, что среди части казахского населения в то время жило чувство отчуждения и неприязни ко всему российскому. В определенной степени этим воспользовались местные реакционные деятели, которые активизировали свои выступления за отделение Казахстана от России.

В тех условиях, когда, с одной стороны, грубое политическое насилие и прямой грабеж являлись узаконенными мерами, а с другой стороны, такие отсталые и малые народы, как казахи, объективно были обречены на постепенное вымирание, постановка вопроса о прогрессе малых народов, о необходимости проявления гуманизма к этим народам, о дружбе их с русским народом, об их будущем и перспективах развития имела исключительно важное значение. Так могли ставить вопрос постоянные гуманисты и подлинны демократы, какими были Белинский, Герцен, Огарев, Добролюбов и Чернышевский. Им следовали передовые деятели Сибири, хорошо знавшие положение и жизнь малых народов Сибири и казахов.

Чокан Валиханов и его ближайшие друзья в обстановке сложных политических переплетений в стране и давления реакции, опиравшейся на мощь официальной политики, смогли подняться до сознательного проповедования основных идей русской революционной демократии в национальном вопросе. В противоположность официальной версии о позитивном значении колонизации малых народов один из сибирских патриотов, С. Шашков, в 1865 году указывал, что «главную целью русской коло-

---

¹⁰⁴ С. Я. Капустин. О Чокане Валиханове. ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 24—31.

циальной политики была прибыль государевой казне»¹⁰⁵. Одним из орудий порабощения инородцев Сибири выступала деятельность христианских миссионеров, «кои только грабят и мучить их (инородцев.— Авторы) приезжали»¹⁰⁶.

Причину заметного вымирания таких малых народностей Сибири, как алтайцы и остяки, и резкого обеднения других царские сатрапы оправдывали тем, что якобы низшие расы самой природой обречены на уничтожение¹⁰⁷. Против этой псевдонаучной теории выступали сибирские патриоты. Они правильно связывали эти явления с хищнической политикой царизма в Сибири. «У нас есть общества для покровительства животным и нет общества для покровительства умирающим людям», — писал Г. Потанин, обличая пороки существующего строя¹⁰⁸. Н. Ядринцев считал, что «все бедствия и несчастия инородцев» порождены «внешними обстоятельствами» и что напрасно отдают инородцев «на жертву хищникам, торговцам, кулакам, которые являются не столько представителями цивилизации, сколько подонками и обратной стороной ее»¹⁰⁹.

Гуманная и демократическая позиция передовых деятелей Сибири по вопросу о судьбе малых народов вызвала неприкрытую злобу идеологов колониализма и шовинизма. По их мнению, инородцы Сибири не заслуживают того, чтобы их защищали. Они цинично писали: «Плюньте на них!.. Предоставьте их той жестокой участи, которая им предназначена. Вам не изменить железного закона истории, который против них. Им не суждено иметь будущего, им предоставлено только послужить удобренней почве, на которой должна возникнуть и развиться жизнь более счастливой расы»¹¹⁰.

Еще в кадетском корпусе молодой Чокан чувствовал на себе давление этой обстановки. В первое время не

¹⁰⁵ Г. В. Крессер. Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 года. Показание С. Шашкова. «Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», 1926, т. 5, стр. 225—226.

¹⁰⁶ Ч. В а л я х а н о в. Избранные произведения, стр. 191.

¹⁰⁷ «Сборник к 80-летию Г. Н. Потанина». Томск, 1915, стр. 107.

¹⁰⁸ «Этнографическое обозрение», 1894, № 4, стр. 175.

¹⁰⁹ М. Лемке. Н. М. Ядринцев. СПб., 1904, стр. 168—169.

¹¹⁰ Г. Н. Потанин. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1904, стр. 50; «Сборник к 80-летию Г. Н. Потанина», стр. 107.

обошлось без холодного и пренебрежительного отношения к нему со стороны некоторых кадетов из зажиточных слоев казачьего сословия. Свое неравноправное положение Чокан еще более резко почувствовал, когда его не допустили, как инородца, в последний выпускной класс, где преподавались специальные военные науки. Впоследствии он отмену этого закона встретил с одобрением¹¹¹. Несмотря на все это, круг его истинных друзей среди кадетов быстро увеличивался. По воспоминаниям современников, Чокан Валиханов всем своим поведением в кадетском корпусе и через своих друзей «приучал казачат (т. е. кадетов эскадрона.— *Авторы*) к расотершимости»¹¹². Позже, осуждая меры царского правительства, ограничивавшее доступ инородцев к образованию, Ч. Валиханов говорил: «Образование должно быть общечеловеческое. И оттенок народности оно получит само собою, под влиянием местности, под влиянием языка и нравов наших»¹¹³.

Чокан Валиханов хорошо понимал, что в условиях царского режима «общечеловеческая» политика, свободная от национальных предрассудков и угнетения, невозможна. Даже те законы, которые предоставляли казахам кое-какие гражданские права, не выполнялись царскими генералами, стоявшими у власти в Казахстане. По поводу этого Ч. Валиханов сокрушенно говорил: «Законы у нас на Руси пока еще пишутся не для генералов»¹¹⁴. В одном из писем своим русским друзьям в Петербурге он открыто писал, что «с инородцами в Сибири делают, что хотят, только разве собаками не травят»¹¹⁵. Нельзя не согласиться с мнением советского исследователя Ш. Я. Шафиро, который писал, что «не греша против действительности, можно сказать, что царское правительство готовило для казахских трудящихся судьбу американских индейцев»¹¹⁶.

---

¹¹¹ Ч. В а л и х а н о в. Избранные произведения, стр. 188. (Этот закон был отменен 28 февраля 1859 года. ЦГВИА, ф. 4, ол. 26, д. 152, л. 4.)

¹¹² ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 11.

¹¹³ Ч. В а л и х а н о в. Избранные произведения, стр. 568.

¹¹⁴ Там же, стр. 564.

¹¹⁵ Там же, стр. 568.

¹¹⁶ Ш. Я. Ш а ф и р о. Верный в годы первой русской революции. «Революция в Средней Азии», сб. I. Ташкент, 1929, стр. 50.

Сибирские патриоты гордились тем, что они усвоили любовь и гуманизм людей 40-х годов¹¹⁷. Они горячо доказывали способность инородцев к развитию и культуре¹¹⁸. Г. Н. Потанин писал: «С подъемом уровня образования и просвещения среди инородцев можно ожидать более или менее пышного расцвета их своеобразной культуры... Умственная и общественная деятельность этих племен, развиваясь оригинально, внесет что-нибудь новое в общую сокровищницу человеческого духа»¹¹⁹. По его мнению, если бы из среды казахского и бурятского народов вышло бы побольше Чоканов и Банзаровых, то связи этих народов с русским народом были бы прочнее и эти связи благотворно отразились бы на их жизни¹²⁰.

Чокан Валиханов страстно любил свой народ. Но его любовь никогда не была связана с национальным эгоизмом. Он представлял себе приобщение отсталого казахского народа к культуре, достижениям цивилизации и передовым идеям не иначе как через дружбу с другими народами, в особенности с русским народом. В то же время здесь ничего не было от космополитов с их всеобщей любовью, «равно на всех простирающейся,— как писал В. Г. Белинский,— и не отличающей своих от чужих, близких от дальних»¹²¹. Чокан Валиханов не раз говорил, что он прежде всего любит свой казахский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество¹²². По словам Г. Н. Потанина, Чокан заявлял: «Когда русские бьют киргизов, я восстаю против русских..., когда французы бьют русских, сердце мое на стороне русских»¹²³.

Ч. Валиханов, воспитанный на идеях ссыльных декабристов, петрашевцев и на гуманистической и демократической литературе шестидесятых годов, решительно выступал за дружбу казахского и русского народов. В этой дружбе он видел лучшее будущее казахского общества. Он не мог терпеть, когда кто-нибудь говорил против этой

¹¹⁷ «Восточное обозрение», 1884, № 34.

¹¹⁸ Л. Г. Беспалова. Рассказы и очерки П. Н. Наумова. М., 1962, стр. 15.

¹¹⁹ «Сибирский студент», 1915, № 1—2, стр. 121.

¹²⁰ «Русское богатство», 1896, № 8, стр. 79; Д. Банзаров. Черная вера и шаманство у монголов, стр. 6.

¹²¹ В. Г. Белинский. Письма. М., т. 3, стр. 281.

¹²² ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 32.

¹²³ Там же.

дружбы. Красноречивым примером этому служит такой факт: на одном из обедов в Омске, где был и Чокан Валиханов, путешественник Э. Струве как-то сказал, что «киргизы ненавидят казаков». Ч. Валиханова передернуло от этих слов и он заявил: «Что у киргизов нет ненависти к лучшим представителям казачьего войска, я желал бы засвидетельствовать» и горячо поцеловал сидящего рядом Г. Н. Потанина»¹²⁴. Этот случай произвел особенное впечатление на общество и о нем вспоминали спустя десятилетия.

Глубокое понимание Валихановым необходимости сближения казахского и русского народов заставляло его решительно протестовать против распространенной версии о «дикости» казахского народа и невозможности приобщения его к передовой русской культуре. «Говоря серьезно, — писал Чокан Валиханов, — киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского царства»¹²⁵. По свидетельству Г. Н. Потанина, «Чокан старался доказывать, что киргизы мирный народ; это не наездники-грабители; это мирные пастухи. Посмотрите, говорил он, на их одежду, на их оружие. Чекмень с патронами, ятаганы и пр. им неизвестны; одежда киргиза — халат, оружие — жердь, посредством которой он ловит лошадей в табунс»¹²⁶.

Вопреки утверждениям царских чиновников, что инородческие племена неспособны к общечеловеческому развитию и прогрессу, Чокан Валиханов заявлял: «Мы способны к полному восприятию европейской культуры»¹²⁷. Такого же взгляда придерживались и сибирские патриоты. Они мечтали увидеть в Сибирском университете рядом с плотными и коренастыми сибиряками представителей инородцев, стремились создать сеть местных школ с преподаванием на их родном языке¹²⁸.

С другой стороны, Чокан Валиханов всю силу своего авторитета и влияния в среде казахского народа употребил для разъяснения ему отличия русского народа от

¹²⁴ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 38.

¹²⁵ Ч. Валиханов, Избранные произведения, стр. 201.

¹²⁶ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 31.

¹²⁷ ЦГВИА, ф. 1450, оп. 258/908, д. 11, л. 72.

¹²⁸ Г. В. Круссер, Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 года, стр. 241 (показание С. Шаикова).

царских чиновников и военных карателей. Ч. Валиханов, хорошо зная, что у значительной части казахов представление о русском народе складывается под впечатлением произвола царских чиновников, пытался разъяснить своему народу, «что русский чиновник, по действиям которого они составили свое мнение о русском воспитании», ложно. Чокан Валиханов высказывал убеждение, что более человеческое отношение со стороны царских властей к казахам было бы в интересах обоих народов. Обращаясь к властям, он писал: «Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности»¹²⁹. В то же время он хотел, чтобы и другие его соотечественники поняли, что русская культура полезна и необходима для отсталого казахского народа. И что для управления краем нужны не муллы, а просвещенные местные деятели, получившие образование в России. По его убеждению, такие деятели помогли бы народу многого понимать в ином свете и глубже¹³⁰.

Надо было быть не только прозорливым, но и обладать глубокой верой в истинность прогресса, чтобы в тогдашних условиях господства мрака в казахском обществе, вселивши феодальной идеологии и колонизаторской политики царизма, заявить: «Мы без России пропадем, без русских — это без просвещения, в деспотии и темноте, без русских — мы только Азия и причем другими без нее не можем быть»¹³¹.

Одним из основных мотивов всесторонней критики Чоканом Валихановым ислама было желание предотвратить его вредное влияние на союз и дружбу двух народов. Как указывал К. Маркс, «коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию народов всего мира к простой и удобной формуле деления на две половины: правоверных и неверных. Неверный, это «гяур», это — враг. Ислам про-

---

¹²⁹ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 201.

¹³⁰ Там же, стр. 562.

¹³¹ Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, стр. 225.

клинирует пацню неверных и создает состоящие непрерывной вражды между мусульманами и неверными»¹³².

Известно, что в своих официальных представлениях правительственным органам Валиханов требовал не оказывать покровительства муллам и идеям ислама и учредить в округах вместо мусульманских школ русские¹³³. Эти школы, по его мысли, не должны быть лишь учреждениями для подготовки толмачей и других чиновников, а служить средством приобщения казахов к европейской науке и гуманным идеям того времени¹³⁴.

Русская революционная демократия была уверена в неспособности царского правительства проводить реформы, ведущие к коренным прогрессивным преобразованиям в России. Воспитанный на этих идеях, польский революционер Муравский заявил в 1862 году следственной комиссии: «Если комиссия желает знать мои настоящие политические убеждения, то не нахожу нужным скрывать их. Вот они: в последние три года или четыре я пришел к твердому убеждению, что от русского правительства (под именем которого я понимаю императора и всех ныне существующих властей) подвластные ему национальности не должны ожидать никаких существенно полезных преобразований, так как правительство не имеет ни способности, ни желания сделать что-нибудь подобное для народа,— и что единственное средство к перемене существующего порядка остается, по моему мнению, путь насильственной революции»¹³⁵. Сибирские патриоты половинчатые реформы царизма называли «низкой ложью и подлым обманом» народа. Они предпринимали определенные шаги, направленные на то, чтобы «будить спящую Сибирь»¹³⁶.

Идею русской революционной демократии о праве народов на самоопределение Ч. Валиханов и его друзья восприняли как программу, выражающую «разнообразие в единстве»¹³⁷. Известно, что революционная демократия

¹³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 6.

¹³³ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 188.

¹³⁴ Н. Ядринцев. Ч. Валиханов (некролог). «Сибирский вестник», 1866, № 3.

¹³⁵ М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 301.

¹³⁶ «Сибирские записки», 1918, № 1, стр. 66.

¹³⁷ Г. Н. Потанин. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1913, № 109.

осуществление права народов на самоопределение связывала с обновлением России. Этой же позиции придерживались и близкие к русской революционной демократии представители угнетенных национальностей. Так, Т. Шевченко считал возможным самоопределение Украины только в результате падения царского режима в России¹³⁸. Сибирские патриоты прогресс Сибири с ее разнообразными народностями связывали с освобождением России. На предъявленное им обвинение в «стремлении к отделению», они отвечали: «Дело было не в сепаратизме, а в уничтожении патриотических стремлений в Сибири»¹³⁹. Они осуждали политику царизма: добиться расположения к себе национальностей «табаком и водкой, хитростью и обманом», а предлагали вместо этого приобрести их к России «русским хлебом и солью, дешевым, добросовестно продаваемым товаром, хорошо устроенными ярмарками, хорошими школами, человеческим обращением с ними»¹⁴⁰.

Ч. Валиханов признавал, что перед казахским народом, так же как и перед другими народами России, стоит вопрос: быть или не быть. Решение этого вопроса он связывал с общей судьбой России. Он верил в здоровые силы русского народа, верил в грядущее освобождение России от ига царизма, и в нем «жило сознание, что улучшение положения его сородичей зависит от общего обновления России»¹⁴¹. Совершенно правильно отмечает один из советских исследователей, что Ч. Валиханов вместе с Налбандяном, Калиновским, Шевченко, Сериковским и другими был одним из тех революционеров национальных окраин, которые стремились и распространяли в среде своих народов идеи русской революционной демократии¹⁴².

4. Ч. Валиханов и общественные течения

В 50—60-х годах идейная борьба в России значительно обострилась. Под действием разрастающихся ре-

¹³⁸ М. Шагинян. Тарас Шевченко. М., 1946, стр. 353.

¹³⁹ М. Лемке. Н. М. Ядринцев. СПб., стр. 65.

¹⁴⁰ А. П. Шапов. Сочинения, т. 2, 1906, стр. 367.

¹⁴¹ Г. Потанин. См. введение к книге Д. Банзарова «Черная вера и другие статьи», стр. 32.

¹⁴² Л. Хийкулов. Тарас Шевченко (биография). М., 1960, стр. 300.

волюционных движений народных масс стали обнажаться характер и природа различных идейных концепций. На этом ответственном и сложном этапе освободительного движения важное значение имел известный вопрос «кто с кем».

Отдельные наброски мыслей и высказывания Чокана Валиханова, а также воспоминания его современников дают достаточно оснований для вывода о том, что он отрицательно относился к консервативным и либеральным общественным течениям и всецело находился в лагере сторонников русской революционной демократии, под влиянием ее идей.

Одной из распространенных в то время идей была «теория официальной народности», выдвинутая министром просвещения графом С. Уваровым, который утверждал, что основанием России служат православие, самодержавие и народность. По его мнению, единение царя с народом характерно для всей истории России. В этом он видел отличие традиций и путей развития России от «гнилого» Запада. Приверженцы этой теории пытались доказать, что революционность чужда русскому народу. Нетрудно усмотреть, что эта «теория» была идеологией правящей верхушки Российской империи и «теория» эта явилась бюрократической реакцией на революционные движения.

Против «теории официальной народности» боролись представители складывающегося революционно-демократического лагеря во главе с Белинским и Герценом. В своем «Письме к Гоголю» Белинский гневно осуждал писателя за то, что он выступил в защиту этой теории. Отвергая тезис о «глубокой религиозности» русского народа, Белинский писал, что «церковь явилась поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми, чем продолжат быть и до сих пор»¹⁴³.

А. И. Герцен назвал эту теорию «цареградской философией рабства». «Идея народности,— писал он,— сама по себе — идея консервативная, выгораживание своих прав, противоположения себя другому; в ней есть и юдаическое понятие о превосходстве племени, и аристократические притязания на чистоту крови и на майорат...

---

¹⁴³ В. Г. Белинский, Письма, М., т. 3, стр. 233.

Николай бежал в народность и православие от революционных идей»¹⁴⁴.

Ч. Валиханов не только осуждал «теорию официальной народности» в целом и видел в ней замкнутость, служащую преградой культурному обмену между народами. Он отвергал и ту часть этой «теории», которая выглядела безобидной и либеральной, где народность трактовалась как нечто самобытное и изолированное. «Вообще из сказанного нами не следует думать,— писал он в одной из своих поздних работ,— чтобы мы принадлежали к последователям той узкой теории народности, которые смотрят на народность, как на нечто предопределенное от начала, и думают, что она должна развиваться только сама из себя»¹⁴⁵.

О проблеме народа и народности Чокан Валиханов высказал ряд интересных и глубоких мыслей, в основе своей сходных с идейными установками по этому вопросу видных деятелей русской революционной демократии. Под «народом» он понимал не какую-то этническую общность вообще, а определенную социальную категорию. Описывая народонаселение Кашгарии, Ч. Валиханов указывал, что оно состоит из трех социальных групп («классов») — из чиновников, духовенства и простого народа. Причем первые две группы освобождены от податей, а последняя обременена налогами и весьма стеснена «высшими классами». Они по своим взаимным отношениям делятся на господствующие и подчиненные, «на патрон и клиентов», первые живут за счет вторых¹⁴⁶.

Эти идеи получили конкретизацию и дальнейшее развитие в «Записке о судебной реформе» (1864 год). В ней Валиханов открыто говорил, что интересы привилегированных классов в казахском обществе совершенно противоположны интересам простого народа и что первые не могут быть выразителями чаяний и желаний второго¹⁴⁷.

К простому народу Валиханов относился с особенной теплотой и заботой. Народ, по его мнению,— «это народ

---

¹⁴⁴ А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 9. М., 1956, стр. 134, 137.

¹⁴⁵ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 198—199.

¹⁴⁶ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. II, стр. 93, 494.

¹⁴⁷ Там же, т. I, стр. 495—496.

рабочий, дельный, трудолюбивый»¹⁴⁸, с которым ничего общего не имеют его притеснители. В ряде своих записей, не предназначенных для публикации, он с грустью описывает тяжелое положение и отсталость народа как в Кашгарии и в Бухаре, так и в казахской степи. Много говорит он о необходимости распространения среди народов этих стран просвещения и передовой культуры¹⁴⁹.

Как видно из изложенного, Ч. Валиханову была чужда идея соединения царя с народом, правителей и чиновников — с подвластным им населением. Наоборот, он постоянно подчеркивал противоположность их интересов и решительно восставал против того, чтобы считать мусульманство каким-то неотъемлемым атрибутом народов Азии.

«Теорию официальной народности» косвенно поддерживали славянофилы (А. Хомяков, И. Киреевский и др.). Они выступали с лозунгом «сила власти — царю, сила мнения — народу», доказывали самобытность русского народа, восхваляли деятельность русских царей. Славянофилы говорили о необходимости отмены крепостного права и разрешения крестьянского вопроса в рамках самодержавного режима. Они «защищали» общины, но хотели, чтобы во главе их стояли дворяне. «Мы видели в их учении, — говорил А. И. Герцен, — новый елей, помазывающий царя, новую цену, налагаемую на мысль, новое подчинение совести раболопной византийской церкви»¹⁵⁰.

Если славянофилы опасались пролетариата Запада, видя в нем корень всех зол¹⁵¹, то западники (Т. Грановский, К. Кавелин, В. Боткин, М. Катков и др.) преклонаясь перед Западом, выступали за конституционную монархию, за постепенную отмену крепостного права «сверху». Они отрицательно относились к социалистическим учениям. Западничество было характерно в основном для 40—50-х годов.

Как славянофилы, так и западники исключали всякую возможность разрешения наболевших вопросов России революционным путем. Несмотря на полемическую борь-

¹⁴⁸ Там же, т. II, стр. 59.

¹⁴⁹ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. II, стр. 362.

¹⁵⁰ А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 9, стр. 133.

¹⁵¹ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 24.

бу между собой, славянофилы и западники, будучи монархистами и защитниками помещиков, являлись, в конце концов, посетителями одной и той же буржуазно-помещичьей идеологии.

Еще Чаадаев расценивал кредо славянофилов как «пагубное учение русских националистов»¹⁵². Белинский видел в славянофилах «витязей прошедшего и обожателей настоящего». Западников он назвал «беспаспортными бродягами в человечестве»¹⁵³. Славянофильское направление, по Герцену, это «кость в горле» русского общественного движения, от славянофилов «веет застенком, рваными поздрями, епитимией, покаянием, Соловецким монастырем»¹⁵⁴. «Славянизм и европеизм — писал он о славянофилах и западниках, — представляют негодные, неприлагаемые ими чужие формы для уловления нашей жизни; они се мерят по другим эпохам, по иным мирозерцаниям; ни загробный голос праотцов, ни соседний ум не помогут разрешить его вполне»¹⁵⁵. Белинский и Герцен сходились с западниками только в одном — в одобрении передовых европейских идей.

Чокан Валиханов лично знал многих видных славянофилов и крайних западников, которых критиковали Белинский и Герцен. Личные контакты, порою личные связи с некоторыми из них не помешали Ч. Валиханову отрицательно относиться к их программам. В этом отношении характерно отношение Ч. Валиханова к Ф. М. Достоевскому. Уже будучи больным в степи, он смог правильно оценить приспособленческую программу «почвенничества» Достоевского, к которому питал огромное личное уважение. Когда Достоевский со своим братом через свой печатный орган «Время» начал проповедовать идеи славянофилов и доказывать «смирение» и религиозность русского народа, Ч. Валиханов в письме А. Майкову в 1862 г. отмечал: «Что делают Достоевские?.. Как их журнал идет?... Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним. По-моему, что-нибудь да одно: или преобразования коренные по западному об-

¹⁵² Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли в XIX в. Соч., т. XXIII. М.—Л., 1926, стр. 6, 7.

¹⁵³ «История СССР», ч. I. М., Учпедгиз, 1961, стр. 533.

¹⁵⁴ Г. В. Плеханов. Упомянутое сочинение, стр. 311.

¹⁵⁵ «История СССР», ч. I, стр. 533.

разу; или держись старого, даже старую веру надо исповедовать»¹⁵⁶.

В свое время А. Н. Пыпин писал, что «по своим умственным симпатиям и направлению Валиханов был русским западником»¹⁵⁷. Некоторые наши исследователи, не разобравшись, чуть было не отнесли Чокана Валиханова к группе буржуазно-помещичьих западников. Они не учитывали того, что в то время, с одной стороны, славянофилы всех своих противников окрестили западниками, независимо от того, кто в какой степени и в какой форме стоял на стороне опыта Западной Европы. С другой стороны, революционные демократы критиковали не вообще сторонников Запада и отнюдь не за то, что они видели положительное в историческом опыте Запада, а за то, что они хотели использовать отдельные уроки Запада для совершенствования буржуазно-помещичьего строя и его укрепления. Русская революционная демократия, как указывал В. И. Ленин, сама жадно искала революционную теорию, с удивительным усердием изучая все новое в демократическом и революционном движении Запада¹⁵⁸. Но это она делала для того, чтобы найти средства для свержения самодержавного строя. В этом плане русских революционных демократов иногда в свое время также называли «западниками». Известно, что Герцен только в таком понимании, называл себя западником¹⁵⁹. Потанин, чьи революционные побуждения в те годы были открытыми, западниками считал всех тех, кто воспитывался на идеях Белинского, Герцена и Чернышевского¹⁶⁰. Когда А. Пыпин называл Чокана Валиханова «русским западником», он, несомненно, имел в виду такого рода западников, о которых говорит Потанин.

С течением времени название «западник» приобрело определенность и было закреплено за теми, кто был в лагере буржуазии и помещиков. Разумеется, в наше время расширительное толкование термина «западники» не может считаться научным.

---

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ А. Пыпин. История русской этнографии, т. IV, стр. 400.

¹⁵⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 9.

¹⁵⁹ А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. II, М., 1957, стр. 405; «Молодой большевик», 1941, № 11, стр. 46.

¹⁶⁰ Г. Н. Потанин. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1915, № 54.

Известно, что в период жарких споров и разногласий общественные деятели группировались вокруг периодических органов и на их страницах печатали свои полемические статьи, ведя борьбу за общественное мнение. Основным органом русских революционных демократов был «Современник». Ближе всех к нему стоял сатирический журнал «Искра». Сторону революционной демократии по некоторым важным вопросам держали и «Отечественные записки».

Против революционно-демократического направления в печати выступали реакционеры Катков и его окружение, господствовавшие особенно на страницах газеты «Московские ведомости». В своей злобе Катков доходил до того, что называл «Современник» «красного Чернышевского» «гнездом революции»¹⁶¹. Это признание врага не ослабляло позиций революционной демократии, а, наоборот, усиливало ее влияние в народе.

В этой сложной обстановке, когда на головы молодых людей со страниц печатных органов обрушивался поток различных идей, разобраться в них, распознать ложный демократизм от подлинного было нелегким делом. И все-таки Чокан Валиханов сблизился именно с редактором «Искры» Курочкиным, а Г. Потанин, несмотря на личное знакомство с Катковым в период его заигрывания с демократизмом, перешел на сторону революционной организации «Земля и Воля», во главе которой стоял Н. Г. Чернышевский.

Ч. Валиханов, Г. Потанин, Н. Ядринцев, следившие за каждым словом революционно-демократической печати, порою видели, что мнения журналов расходятся, но они всегда при этом оправдывали курс «Современника» Чернышевского. Так, в начале 60-х годов возникли некоторые расхождения между «Современником» и «Русским словом» Писарева по проблеме будущего Сибири, а также по некоторым другим вопросам. Сибирские патриоты быстро откликнулись на это. Г. Потанин в своих воспоминаниях писал: «Наши размышления о местных делах происходили в рамках общего влияния русской прессы, в которой в это время обнаружилось два направления, выразившиеся в двух журналах: «Современнике» и «Русском слове». В рамках одного направ-

---

¹⁶¹ «Русское богатство», 1915, № 3, стр. 171.

ления перед нами прошли Чернышевский, Добролюбов и Антонович, в рамках другого — Писарев, Зайцев и др. Ядринцев и мы были противниками «писаревщины». Направление «Современника» казалось нам более здоровым; мы думали, что если бы мы вошли в редакцию этого журнала с изложением своих чувств и идей, то в редакции «Современника» к нам отнеслись бы с большею благосклонностью, чем в редакции, пропагандировавшей писаревские идеи¹⁶². Из этих слов видно, что сибирские патриоты ближе всего стояли к «Современнику», ценили его идейные установки и позицию.

---

¹⁶² «Сибирская жизнь», 1913, № 114.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

I. Суждения о формах управления и о самодержавном строе

Чокан Валиханов придавал большое значение политической системе общества и вопросам ее преобразования. По его мнению, от этих вопросов зависела будущность народа, «быть или не быть»¹. В его произведениях, особенно написанных после пребывания в Петербурге, красной нитью проходит мысль о том, что управление должно быть организовано с учетом «истинных народных нужд», «действительной народной потребности», в соответствии с интересами «целой нации».

Интересно, что Ч. Валиханов проводил тонкое различие между «мнениями народа» и «действительной народной потребностью», говорил, что на определенных этапах они могут и не совпадать. Он писал также, что интересы «целой нации» нельзя свести к мнению сословий, тем более привилегированных из них. В «Записке о судебной реформе», возражая царским чиновникам, готовым выдавать свои построения и реформы за «народные мнения», Чокан Валиханов отмечал, что «мнение народа, особенно народа невежественного и полудикого, не всегда может быть принято как выражение действительной народной потребности. На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд»². Далее указывалось, что «интересы целой нации по строгой справедливости должны предпочитаться выгодам отдельного сословия».

¹ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, стр. 497.

² Там же, стр. 495.

«Действительная народная потребность» не может быть правильно выражена, по мнению Ч. Валиханова, народом, стоящим на низкой ступени развития, когда он еще не познал «самого себя» и не имеет «никаких положительных сведений об окружающей его природе», «груб и туи и вследствие этого пассивен». Такой народ («человек-дитя») «должен был в стремлении своем к улучшению идти ошущью, подобно слепому, и понятно, что он должен был больше ошибаться, принимая ложь за истину, «вред за пользу». «Действительная народная потребность» не может быть выражена богатыми и знатными, даже в обществе цивилизованном, ибо интересы их «большею частью враждебны интересам масс». Необходимость отличать подлинно народные потребности от мнимых Чокан Валиханов считал «требованиями нашего времени».

Выходит, что народные нужды и интересы могут быть сформулированы только трудящейся массой и в условиях, когда она просвещена, развита и познала «само себя», — это весьма глубокие для того времени суждения, не лишены оригинальности.

Правда, Чокан Валиханов не идет дальше и не указывает на социальные и политические причины отсталости народов и того, почему они при таком состоянии не могут правильно отразить в своих мыслях «истинные народные нужды». Тут, пожалуй, следует учесть два важных обстоятельства. Во-первых, «Записка о судебной реформе», в которой в основном изложены эти мысли, не была «свободным» сочинением публицистического характера. Она являлась официальным материалом, предназначенным для представления в правительственные органы, и углубляться в исконливую тему было весьма опасно, да в этом практически и не было нужды. Во-вторых, Валиханов не оставил нам специальных трактатов и статей, посвященных вопросам общей политики и власти, в которых разъяснял бы более или менее полно свою позицию и взгляды. А богатая его переписка с общественными деятелями, которая, безусловно, дала бы нам много новых дополнительных сведений, не сохранилась. Поэтому не всегда уместно ставить ему в вину отсутствие в письменных материалах тех или иных мыслей. Нам кажется более важным то, что суждение и подход Чокана Валиханова к вопросу о связях политической ор-

газации общества с интересами и нуждами народа логичны, глубоки и соответствуют взглядам передовых мыслителей России того времени.

Трезвы суждения Чокана Валиханова относительно связи экономики и политических форм. «Каждый человек отдельно и все человечество коллективно,— указывает он,— стремится в развитии своем к одной конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс». Отсюда он выводит, что экономические и социальные преобразования (по его выражению, «реформы») составляют основную и наиболее близкую потребность народа. А управление имеет подчиненное значение и преследует задачу обеспечения этих основных интересов. «В наше время самым важным и близким для народа,— пишет Чокан Валиханов — считаются реформы *экономические и социальные* (курсив наш.— *Авторы*), прямо касающиеся насущных нужд народа, а реформы политические допускаются как средства для проведения нужных экономических форм».

Работу, которую мы цитируем, Чокан Валиханов написал в связи с подготавливаемой царским правительством реформой административной системы, в частности суда, в казахской степи. Поэтому в ней, естественно, говорится только о «реформе». Но если несколько вникнуть и присмотреться, то под «реформой» у него часто выступает идея об изменении политической системы вообще. Это важный момент для исследователей и читателей.

На вопрос о том, а как практически определять «насущные нужды народа» и «цели общественного благосостояния», которые, главным образом, выражаются в «экономических формах» общества, Чокан Валиханов отвечает, что для этого необходимы «точные ученые исследования». Разъясняя эту мысль, он проводит аналогию с доктором, взявшимся лечить больного. «Доктор тогда только лечит больного с уверенностью в успехе,— указывает он,— когда ему известны не только болезненные симптомы пациента, но и *основные причины болезни*». (Курсив наш.— *Авторы*). Далее сказано, что надо поступать подобно тому, как это делается в сельском хозяйстве при выращивании культурных растений. «По этому методу,— отмечает Валиханов,— во-первых, необ-

ходимо изучить вполне само растение, затем нужно знать, на какой почве оно произрастает, сколько требует оно света, теплоты и проч.»

Исходя из этих основных предпосылок, Чокан Валиханов выступал против нововведений царского правительства в Казахстане, которые противоречили «народному быту и нраву», против перенесения готовых форм правления других народов на казахскую почву без изучения местной потребности и специфических условий³. Он критиковал попытку царских чиновников выдавать свои личные, выгодные только правительству планы относительно изменения системы власти и управления в степи, за «народные мнения» и т. д. Кое-кому из советских исследователей эти шаги Чокана Валиханова показались недостаточными, не радикальными и даже известным регрессом на фоне требований русских революционных демократов, призывавших народ к обновлению России, к переустройству общества и к восстанию.

В этой связи следует сказать несколько слов о «реформизме» Чокана Валиханова.

В предыдущих главах было показано его отношение к проблеме «самозащиты» и восстания народа. Находясь в Петербурге, Ч. Валиханов разделял взгляды революционеров и довольно резко высказывал свои демократические и революционные убеждения. Он ждал крестьянского восстания в России и желал его, — это уже не вызывает сомнений. Таким образом, находясь в России, он мыслил радикально и революционно, так как жил в условиях революционной ситуации, когда радикальные действия и революционные лозунги диктовались самой жизнью и явились ее потребностью.

Совершенно в других условиях оказался Чокан Валиханов в Казахстане. Здесь не было не только революционной ситуации, но даже сколько-нибудь отчетливых ее признаков. Казахскому обществу предстояло пройти еще ряд этапов экономического, социального и интеллектуального развития, прежде чем оно достигнет уровня, при котором возможны революционная пропа-

³ «Реформы же (имеется в виду политический статут вообще.— *Авторы*), насильственные, привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие», — писал Ч. Валиханов. (Собрание сочинений, т. I, стр. 496).

ганда и действия. Этим обстоятельством следует объяснить то, что ссыльные революционеры, каких бы крайних взглядов они ни придерживались и каких бы смелых планов ни вылащивали, ничего не могли сделать в казахском ауле вплоть до конца XIX века, так как не находили в нем социальной опоры и благоприятной почвы. Это очень хорошо понимал Чокан Валиханов. Его известные слова о том, что «организм не может принять того, до чего он не дорос»⁴ были сказаны именно в этой связи. «Чтобы сделать киргиза способным к восприятию европейских преобразовательных идей,— писал он,— нужно предварительно путем образования развить его череп и нервную систему»⁵. Правда, в этом взгляде сказывается сильное влияние младобуржуазной идеалистической концепции «идеи правят миром», но это уже другой вопрос. Важно сознание того, что казахское общество еще не созрело до восприятия «европейских преобразовательных идей», каковыми в то время были в России, в первую очередь, идеи революционных демократов.

В тех конкретных исторических условиях развития казахского общества реформы и реформистские идеи были необходимым этапом в политическом воспитании народа. Однако было бы неправильным считать авторов этих идей и предложений всех без исключения реформистами. Среди них следует непременно различать тех, кто считал эти реформы конечной целью, и тех, для кого они были лишь переходной ступенью к осуществлению перспективных, революционных задач обновления и преобразования общества. Первые, действительно, остаются реформистами, а вторые, при тех же идеях и действиях на определенном этапе, оказываются убежденными революционерами. Чокан Валиханов, безусловно, принадлежал к последней группе деятелей. Поэтому было бы совершенно неадекватно отнести его к лагерю узких буржуазных реформистов.

Ч. Валиханов писал: «Реформы бывают только тогда удачны, когда они правильны, т. е. тогда, когда они основаны на тех неизбежных законах прогресса, при которых только и возможно здоровое развитие общественно-

⁴ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, стр. 497.

⁵ Там же.

го организма... Для нормального роста и развития народа необходимы прежде всего свобода и знание»⁶. Таким образом, реформа в понимании Чокана Валиханова тесно переплеталась с законами прогресса. Она вовсе не рассматривалась им как какая-то частная уступка или как некоторое улучшение положения народа, а как коренное обновление строя и режима. По всему видно, что Чокан Валиханов не проводил смысловых различий между терминами «реформа» и «коренные преобразования».

О том, что Чокан Валиханов не возлагал особенно больших надежд на реформы и считал существующую государственную систему «несправедливой» и неспособной удовлетворять народные интересы, свидетельствует ряд его высказываний по этому поводу. Так, оценивая работу комитета по составлению проекта нового управления казахской степью, Чокан Валиханов открыто писал, что следовало бы ему «звизнуть в сословные отношения киргиз и в отношения их к непосредственному русскому правительству», чего комитет не сделал. «Наконец,— указывал он далее,— комитет имел под рукою достаточно исторических и статистических фактов», которые также не учтены⁷. Чокан Валиханов не сделал из этих замечаний какого-то определенного вывода, но этот вывод — о неспособности комитета решать вопросы политического переустройства общества в соответствии с интересами и требованиями его развития — напрашивается сам собой.

Более откровенно высказался Чокан Валиханов в одном из писем Ф. М. Достоевскому в 1862 году, когда речь зашла о возможности обращения к высшим властям с жалобой на несправедливые действия, взяточничество и нарушение законов со стороны Западно-Сибирского губернатора. Он был убежден, что у царских властей «просить удовлетворения, по-моему, то же самое, что просить конституции: посадят, да потом к Макару на пастбище пошлют»⁸.

Поддержка реформ на определенном этапе и в определенных целях вовсе не является каким-то отступлением от классовой борьбы, от революционных лозунгов.

⁶ Там же, стр. 499—500.

⁷ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 198; ЦГАЛИ, ф. 159, д. 179, л. 73.

⁸ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 565.

Известно, что в 40—50-х годах, когда не было еще революционной ситуации и либерализм имел сильное влияние в крестьянском движении, русские революционные демократы поддерживали требования масс о крестьянской реформе, обсуждали ее аспекты, проблему выкупа земли и крестьян и вносили свои конкретные предложения по этим вопросам. А в период интенсивного роста революционной ситуации они делали основной упор на подготовку восстания, как на необходимое средство разрешения крестьянской проблемы.

Весьма интересна мысль Чокана Валиханова о том, что феодальные владельцы и государи живут «за счет народа». Этот момент им отмечается с особым акцентом и не без иронии. Когда в 1856 году, во время его поездки в Кульджу, местные китайские владельцы предложили ему подарки, он по этому поводу писал в своем дневнике: «Китайское правительство, как всякое азиатское государство, устраивает подобные подарки за счет народа»⁹. Здесь из одного конкретного факта делается широкое обобщение о государствах Азии вообще — и это, безусловно, не случайно. По-видимому, эту мысль он давно носил в своем сознании, и случай с подарком со стороны представителя китайского правительства был лишь поводом для подобной записи в дневнике. Несколько позже в том же дневнике Валиханов снова возвращается к этой идее. «Сколько мы замечали, — писал он, — все в Китае относительно государственного управления напоминает Азию. Здесьшний цзян-цзюнь (главный управляющий Западного Китая. — Авторы) он пьет, ест за счет народа (курсив пап. — Авторы). Мяслики доставляют каждый день мясо, портные шьют платье, каменщики поправляют дом. Поборы и злоупотребления превосходят границы»¹⁰. В поздних записях мы встречаем еще более глубокие рассуждения о структуре отношений господства и подчинения в обществе. В Кашгарии, указывал Валиханов, «все» население разделяется по взаимным отношениям на патронов и клиентов. Последние, кроме налогов, обязаны слабить своих патронов всем необходимым для жизни»¹¹.

⁹ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. II, стр. 17.

¹⁰ Там же, стр. 93.

¹¹ Там же, стр. 494.

Все симпатии Чокана Валиханова — на стороне трудового народа, и к анализу явлений социально-политической действительности он подходит с позиции интересов народа. Он сокрушался, что «народ живет бедно, терпит нужду и трудится вечно». Причину такого положения он видел в насилии над народом со стороны чиновников, владельцев и присвоении последними результатов труда народа. «Если бы туркестанцы могли пользоваться плодами своих трудов, — писал он, — то они были бы одними из богатых восточных народов, какими они были прежде. Непомеренные налоги, система клиентизма и насилие беков отнимают у них почти все достояние»¹².

Эти меткие характеристики социальных и политических отношений, господствовавших в Восточном Туркестане, нельзя приписать только наблюдательности и объективности Ч. Валиханова, хотя он этими качествами, несомненно, обладал. Верно также, что он умел постигать глубинные социальные явления, причем он оценивал их как передовой политический деятель. Именно поэтому в его высказываниях отчетливо слышны нотки недовольства, протест против социальных несправедливостей и их критика.

Чокан Валиханов в своих произведениях метко и остро бичевал деспотию и клерикализм в управлении и политике. Он их рассматривал как одну из причин бедствия народа, его культурной и экономической отсталости.

Рисуя весьма тяжелое положение в Средней Азии, он пишет, что народ развращен исламом и забит «религиозным и монархическим деспотизмом туземных владельцев»¹³. Ценные исторические памятники в Бухаре, Хиве и Коканде, которые могли явиться гордостью народов этих земель, по словам Чокана Валиханова, безвозвратно погибли «под беспощадной рукой татарского вандализма и бухарской инквизиции, которые предали проклятию всякое знание, кроме религиозного»¹⁴.

Чокан Валиханов весьма тонко понимал природу деспотической власти. Суровость и жестокость владельцев он связывал не только с их личными качествами или специфической этногеографической средой Азии, как это

¹² Там же, стр. 350.

¹³ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 84.

¹⁴ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, стр. 393.

делали многие исследователи. Он искал и находил объяснение в конкретных социально-политических отношениях и пытался показать, к чему приводит деспотия и как она отражается на положении масс населения.

В «Записках о киргизах» он отмечает, что более или менее демократическая в прошлом власть родовых старшин у киргизов со временем превратилась «в деспотические отношения владетеля и рабов». Ныне манап, т. е. глава рода, «полный господин черного народа, может их продавать и убивать»¹⁵. Чем более жесток правитель, тем больше он известен, как это ни покажется противоречивым. «Мрачность характера», недоступность доставляют манапам «большую знаменитость», — писал Ч. Валиханов. Сильные и господствующие «жестокость... называют великодушием и ставят как первую добродетель всякого управителя». Они не увидели ничего предосудительного в действиях манана Умбетали Урманова, который расстрелял «любимую жену за то, что она заставила его повторить какое-то приказание два раза»¹⁶. Более страшную форму деспотизм принял в Кашгарии. Там строят башни из отрубленных человеческих голов и режут «людей так же обыденно, как режут только кур»¹⁷, — замечает Чокан Валиханов. Кашгарцы, по его словам, владели жалкое существование рабов и зависимых, и это «наложило на их лица печать какой-то угрюмой и печальной безнадежности»¹⁸. По определению Чокана Валиханова, правители Малой Бухарии не уступают в этом отношении другим владельцам-деспотам. Там также «всюду разрушение, невежество и безграничный произвол»¹⁹.

Чокан Валиханов считал, что деспотическая власть имеет основанием первоначальное право отца семейства²⁰, которое затем было узурпировано тиранами²¹. Монархия, соединенная с жестокостью чиновничьего аппарата, в Кашгарии служила опорой грабителям, насильникам и убийцам²², а в Китае, внутреннюю жизнь которого Чо-

¹⁵ Там же, стр. 332—333.

¹⁶ Там же, стр. 333.

¹⁷ Там же, стр. 394.

¹⁸ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собрание сочинений, т. II, стр. 33.

¹⁹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собрание сочинений, т. I, стр. 393.

²⁰ Ч. В а л и х а н о в. Избранные произведения, стр. 289.

²¹ Там же, стр. 290, 590.

²² Там же, стр. 86.

кан Валиханов имел возможность наблюдать, она, по его мнению, довела страну до «дряхлости»²³ и, вызвав народное возмущение, послужила главной причиной восстания тайпинов²⁴. Сосредоточенный ум и прозорливость позволили Ч. Валиханову прийти к выводу, что современный ему Китай «напоминает древний Рим в период перед его падением»²⁵. Что Китай в то время находился перед большими переменами, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс. Они писали, что «страна очутилась на краю гибели и находится под угрозой насильственной революции... Несомненно одно: смертный час старого Китая быстро приближается»²⁶.

Мы уже имели возможность отметить в предыдущих разделах, что Чокан Валиханов придерживался идеи самоуправления и самозащиты народа. При выработке этих идей отправными для него в первую очередь были порядки и политические режимы, господствовавшие в то время в Восточном Туркестане и Средней Азии. Известно, что Чокан Валиханов самозащиту народов противопоставлял деспотии владельцев и считал первое следствием второго явления. Народ, по его мнению, в определенных условиях, защищая свои интересы и права, может дойти до восстания против тиранов.

Эти суждения глубоки для того времени и логичны по своей внутренней структуре и обоснованности.

Интересно отметить, что Чокан Валиханов, критикуя бюрократию, чиновничий аппарат власти, рассматривал их отдельно от народа и как надстройку над народом. В связи с характеристикой порядков на западных окраинах провинций Китая он делает обобщающий вывод о том, что «чиновники составляют совершенно отдельный класс, *отчужденный* (курсив наш.— *Авторы*) от народа»²⁷. Эта же идея лежит в основе другого его замечания о том, что в Кашгарии население разделяется на три группы (по его выражению, «классы»): чиновничество, духовенство и «простой народ»²⁸. «Чиновники ничего не

---

²³ Там же, стр. 416.

²⁴ Там же, стр. 511.

²⁵ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 415—416.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 210; т. 12, стр. 223.

²⁷ Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. II, стр. 363.

²⁸ Там же, стр. 494.

делают,— писал Ч. Валиханов,— получают жалованье от китайцев, поборы с туземцев, а народ трудится, чтобы уплатить закошные налоги, насытить корыстолюбив китайцев и беков и чтобы не умереть с голоду»²⁹.

В целом в суждениях Ч. Валиханова об управлении народами ярко выступит его резко отрицательное отношение: к власти, угнетающей и подавляющей трудящиеся массы как экономически (налоги, сборы и поборы) и политически (лишение свободы, организованное пассивное и др.), так и духовно (отравление религией, узаконение невежественности, приращение достоинства и т. д.); к власти, держащейся жестокостью и поощряющей жестокость по отношению к подданным (деспотическое управление); к власти, опирающейся на религию и управляемой религией (клерикальный режим); к власти, в которой чиновничий аппарат отделен от народа, стоит над народом и действует против народа (бюрократическая автаркия).

Чокан Валиханов не оставил после себя специальных работ о политике и политическом режиме. О характере и содержании его политических взглядов приходится судить по разным заметкам, замечаниям или работам, посвященным узкопрактическим вопросам, в которых он попутно, поэтому в сжатом виде, высказывал интересные мысли по тем или иным проблемам и аспектам политической жизни общества. Во многих работах Чокана Валиханова затрагиваются весьма щепетильные, злободневные и сложные вопросы и стороны политики и господствующих политических и социальных режимов. При тщательном анализе можно ясно обнаружить и проследить определенную линию в его политических взглядах. Она ведет к крестьянскому социализму, к демократическому периоду русского освободительного движения.

Мы уже отметили, что Валиханов, как и многие подобные ему передовые деятели России, по обстоятельствам времени и соображениям службы не мог открыто выступить с критикой самодержавного строя. Для этого передовые деятели выбирали другой, окольный путь: описывая историю и положение той или иной страны и обрушиваясь на ее внутренние порядки, они давали понять читателю, что все это свойственно и России. Под

---

²⁹ Там же, стр. 444.

видом турецкого пашы, персидского шаха и китайского мандарина подразумевали русского царя. Этот прием получил в то время известность. Н. Г. Чернышевский указывал, что «ни один сколько-нибудь сносный историк не писал иначе, как для того, чтобы проводить в своей истории свои политические и общественные убеждения»³⁰. В этой связи нельзя не согласиться с проф. С. Я. Булатовым, отмечавшим что Ч. Валиханов, говоря о Восточном Туркестане, имел в виду пороки общественного строя России, так же как Монтескье, который в своих «Персидских письмах» описывал пороки современной ему Франции³¹.

В произведениях Чокана Валиханова, порою посвященных отдаленной, часто научной, проблеме и другим странам, мы встречаем вставки, сделанные к месту и сознательно, чтобы читатель мог провести аналогию с российской действительностью, обратить внимание на пороки ее режима. Так, в дневнике о поездке в Кульджу в 1856 году Чокан Валиханов, рисуя страшную картину алчности носителей власти, добавляет от себя: «Сколько мы замечали — все в Китае относительно государственного управления напоминает Азию. Здешний цзянцзюнь — это совершенный трехбунчужный паша. Он пьет, ест за счет народа... Что же касается до взяточничества, то китайцы не уступают в этом и самому персидскому шаху»³². Совершенно ясно, что здесь речь идет о самодержавном режиме русского царя. Вообще говоря, критика внутреннего строя западных китайских провинций, Бухары, Коканда и Хивы для Чокана Валиханова не являлась самоцелью. Он использовал их как фон, на котором можно было более свободно высказать волнующие его мысли об отдельных сторонах политической жизни России.

2. О колониальной политике и администрации

Особое место во взглядах Ч. Валиханова занимает критика колониальной политики вообще, царизма в особенности. Этому причиной были следующие обстоятель-

³⁰ Н. Г. Чернышевский. Сочинения, т. 5, стр. 661.

³¹ С. Я. Булатов. Государственно-правовые взгляды Ч. Валиханова, стр. 55.

³² Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. II, стр. 93.

ства. Чокан Валиханов получил политическую закалку в рядах демократического и революционного движения Сибири и Петербурга, он сам работал в аппарате колониальной администрации в Западной Сибири и Казахстане, жил, творил и боролся в условиях усиления колониальной экспансии царизма на Востоке и все большего осложнения отношений правительства с поработанными народами, был выходцем из народа, испытывавшего колониальную эксплуатацию в самой грубой форме.

Колониальные интересы царского правительства проводились в Казахстане через специально созданные органы на местах. Довольно-таки разветвленная сеть колониальной администрации, за спиной которой стояла самодержавная власть России и ее мощь, в своей деятельности опиралась, во-первых, на огромную вооруженную силу, данную в ее распоряжение; во-вторых, на союз с верхушкой господствующего в казахском обществе класса, в-третьих, на русские, в особенности казачьи, специальные поселения, которым предоставлялись привилегии и льготы и в которых поощрялись шовинистические настроения. Эти правительственные органы служили олицетворением колониальной политики царизма в Казахстане.

В ряде своих произведений и публичных высказываний Чокан Валиханов показал продажность, гнилость и антинародный характер колониальной администрации в Казахстане. В одной из своих последних работ, в «Записке о судебной реформе», он указал на несуразность проводимых правительственными органами мероприятий, игнорирующих коренные интересы местного населения. Даже такой, по его выражению, «замечательный и умный человек», как Сперанский, деятель с либеральными взглядами, стоящий в начале 20-х годов во главе колониальной администрации, подчинил казахов «ни с того ни с сего, бюрократической централизации со всеми ее мудрельми инстанциями, атрибутами и названиями канцелярскими, непонятными до сих пор не только киргизам, но и русским»³³. Осуждая покровительственную политику по отношению к исламу со стороны губернаторов, имеющую явно выраженный реакционный характер, Ч. Валиханов писал: «Мы не знаем и не можем понять.

³³ Ч. В а л и х а н о в. Избранные произведения, стр. 199.

что имело в виду русское правительство, утверждая ислам там, где он не был вполне принят самим народом». Он сокрушался о том, что невнимательность «в отношении нас, киргиз, вошла уже в привычку областного начальства». Мнение Ч. Валиханова в отношении колониальной администрации разделяли все его друзья сибиряки.

Официальное положение Чокана Валиханова несколько стесняло его как в критике отдельных чиновников из колониальной администрации, с которыми большей частью он был лично знаком, так и в публичном глубоком обнажении пороков системы колониального управления в Сибири и в Казахстане. Тем не менее он не скрывал своих взглядов, хотя порою облекал их в очень деликатную форму. Но зато в письмах к друзьям по борьбе он говорил, не стесняясь. Еще в 1856 году в письме Ф. М. Достоевскому, он писал, имея в виду управление губернатора в Сибири: «Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить». Далее он отмечал, что сосланный туда революционер С. Дуров, его политический учитель, окружен «чиновническими крючками» и должен терпеть придирки полицейских чиновников³⁴. Несколько позже в переписке с Гутковским Ч. Валиханов с нескрываемым возмущением сообщал, что один из ответственных чиновников канцелярии военного губернатора области сибирских казахов Кури продаст должности в казахской степи. «Все волостные управители, которые не дали [взятку] Кури в нынешнюю ревизию, уже смснены или же ждут смены»³⁵. В другом письме Ф. М. Достоевскому, приводя факт, когда ближайший чиновник губернатора Фридрихса за взятки освободил двух арестантов, Ч. Валиханов называл таких людей «подлецами» и отмечал, что «законы у нас на Руси пока еще пишутся не для генералов»³⁶. А эти генералы «с инородцами в Сибири делают, что хотят, только разве собаками не травят»³⁷. Трудно себе представить более обличительную критику системы колониальных органов и ее деятельности!

---

³⁴ Там же, стр. 546.

³⁵ Там же, стр. 559.

³⁶ Там же, стр. 564.

³⁷ Там же, стр. 568.

То, о чем говорил и писал Чокан Валиханов, не было преувеличением действительного положения в крае. Современники отмечали, что правитель канцелярии Почекунин, состоявший при генерал-губернаторе Гасфорте, был опытным среди опытейших взяточников³⁸. Подобных в управлении было много, и когда начальство, бывало, прогонит одного, «другой является еще хуже, да и голодный торопится нажиться»³⁹. «Во время моего посещения города Омска в 1856 году, — писал П. П. Семелов-Тян-Шанский, — только один из членов Совета не принимал никакого непосредственного участия в этих злоупотреблениях»⁴⁰. Ч. Валиханов, как всегда метко, говорил, что чиновники колониальной администрации шьют своим женам «померанцевые платья на цитроновых лентах» на деньги, отобранные у местного населения⁴¹.

Ч. Валиханов остро высмеивал самого генерала Гасфорта с его манерами колониального администратора. Анекдоты, сочиненные им про генерала, были в ходу среди молодых офицеров и интеллигенции Омска. Так, однажды Гасфорт, просматривая карту Казахстана, остался недоволен тем, что горы расположены не там, где бы ему хотелось⁴². По этому поводу Ч. Валиханов сочинил смешной анекдот о том, как Гасфорт «воздвигнул горы». В свое время этот генерал хотел ввести среди казахов новую религию, несколько отличную от христианства и ислама. Когда это намерение стало известно царю Николаю I, тот написал: «Религии не сочиняются, как статьи свода законов»⁴³. Этот случай был положен Ч. Валихановым в основу другого анекдота — «о гасфортовской религии».

В грудах Чокана Валиханова содержится принципиальное неодобрение системы управления и экономической политики царского правительства в Казахстане. Говоря

³⁸ И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1858—1875 гг. СПб., 1912, стр. 51.

³⁹ И. Завалишин. Описание Западной Сибири. М., 1862, т. I, стр. 86.

⁴⁰ П. П. Семелов-Тян-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань, стр. 52.

⁴¹ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 563.

⁴² П. П. Семелов-Тян-Шанский. Упомянутое сочинение, стр. 58.

⁴³ П. Семелов-Тян-Шанский. Мемуары, т. 2. М., 1946, стр. 52.

об основных положениях «Устава о сибирских киргизах» 1822 года, составленном при графе Сперанском, Ч. Валиханов в официальном представлении правительственным органам открыто указывал, что «реформы подобного рода, собственно, мы и считаем бедственными для народа и вредными для прогресса»⁴⁴. Несколько позже, когда сибирское управление держало курс на развитие в Казахстане начал частной земельной собственности на пастбищные угодия и стало проводить политику продажи свободных земель состоятельным лицам⁴⁵, Ч. Валиханов высказал свое мнение о том, что «разделение земель наших по округам и приурочение летних и зимних пастбищных мест известным родам и личностям должно считать одною из главных причин, вредящих скотоводству»⁴⁶. О возможных отрицательных последствиях проводимых правительством мероприятий в области землепользования говорили и некоторые чиновники. Один из них указывал, что «если бы по административному произволу изменить пути кочеваний, освященные временем и правом, то это водворило бы в степи насилие, беспорядки и привело бы к всеобщим трагатам»⁴⁷.

Чокап Валиханов оставался последовательным в своей оценке налоговой политики царизма в Казахстане. «По новейшим теориям», писал он, если следовать им, то подать должна быть «без отягощения наложена на кочевников»⁴⁸. Между тем так называемый «кибиточный сбор» и другие виды налогов несправедливы и разоряют народ. «Неправилен с научной точки зрения и тягостен для народа кибиточный сбор, собираемый с зауральских киргиз. Хотя налог этот не выдерживает самой поверхностной критики, но некоторые наши пограничные администраторы, по каким-то узким соображениям, увлекались им до того, что думали ввести подымную подать и в нашу степь»⁴⁹. Так писал Ч. Валиханов в одной из официальных записок правительству.

О том, что из себя представлял в то время кибиточный сбор, можно судить по докладной Н. Любимова,

⁴⁴ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 199.

⁴⁵ Госархив Омской обл., ф. 3, оп. 3, д. 4244, лл. 12—15.

⁴⁶ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 323.

⁴⁷ А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. 2, стр. 578.

⁴⁸ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 234.

⁴⁹ Там же.

представленной в Министерство иностранных дел. Он писал: «Теперь беднейший из киргизов платит наравне с самым богатым, т. е. по 1 руб. 50 коп. сер. в год с кибитки, налог этот для первого в высшей степени тягостен, для второго — нечувствителен, бедные киргизы иногда пахотятся в необходимости продавать последнее свое имущество (таганы, котлы и т. п.), чтобы заплатить требуемую с них подать». Председатель Оренбургской пограничной комиссии Ладыженский, прочитав докладную Любимова, вынужден был согласиться, что кибиточный сбор «есть сущая несправедливость»⁵⁰.

«Нельзя не отметить, что Валиханов несколько преувеличивал целесообразность ясака, введенного в области сибирских казахов, ставил его в пример управлению зауральских казахов, где была установлена покибиточная форма обложения населения налогом. Правда, ясак был несколько разномерен и учитывал экономическое состояние облагаемого хозяйства, но и он оставался одной из тяжелейших форм экономической эксплуатации населения. Хотя система ясака была «более справедлива», как писал И. Завалишин⁵¹, «рациональным налогом», как указывал «Колокол»⁵², что имел в виду и Чокан Валиханов, однако, по выражению самих современников, кушцы, ростовщики и спекулянты, которые приходили на «помощь» населению со своими кредитами во время взноса налогов, как пиявки, высасывали местное население Сибири, часть которого убегала от ясака в тундру»⁵³.

Не менее обременительной была для казахов, в особенности для трудового, малообеспеченного скотом населения, ямская повинность, узаконенная колониальной администрацией. Ч. Валиханов намекнул ответственным органам, к чему такая повинность может привести и уже приводила в прошлом в России. «Ямская повинность, — писал он, — как известно из опыта, была в прошлом столетии одной из главных причин недовольствия русского

---

⁵⁰ «Материалы по истории политического строя Казахстана», стр. 229, 239—240.

⁵¹ И. Завалишин. Описание Западной Сибири, т. 3, стр. 64.

⁵² «Колокол», 1862, № 131.

⁵³ «Восточное обозрение», 1882, № 19; ЦГАОР, ф. 109, 1865, оп. 5, д. 196, л. 243; С. Шаликов. Сибирские инородцы в XIX столетии, стр. 290.

народа на правительство... У киргиз же ямская повинность отправляется без всякого порядка и крайне неравномерно. Многие чиновники берут и теперь по сорок и шестьдесят лошадей под один экипаж и ничего не дают подводчикам, кроме зуботычин»⁵⁴.

Царское правительство не вняло трезвым голосам, раздававшимся как со стороны левых элементов, так и со стороны беспристрастных наблюдателей. Оно продолжало проводить старую политику, иногда лишь несколько обновляя ее, не меняя при этом принципов. Г. И. Потанин, характеризуя царские реформы в Казахстане, писал, что «правительство учреждало комиссии для улучшения быта инородцев», но на самом деле эти комиссии ставили своей задачей только «изобретение мер к увеличению поступлений с инородцев в казну платежей»⁵⁵.

Резко выступал Ч. Валиханов против планов и намерений правительства широко распространить в степи христианство и ислам, считая, что в исламе господствует «чудовищная фантастика, мертвая схоластика и ни одной реальной мысли»⁵⁶. О попытках колоннальных властей оживить работу христианских миссионеров и провести насильственное крещение казахов с последующим переселением их из степи в пограничные районы Ч. Валиханов писал, что «мера эта, похвальная в христианском смысле, в политическом отношении была бы величайшей ошибкой»⁵⁷.

В свете изложенного видна явная несостоятельность взглядов тех, кто считал Ч. Валиханова чуть ли не царским агентом в казахской степи и проводником колониальной политики. Так, по мнению С. Садвокасова, «Ч. Валиханов... был искренним проводником русской колониальной политики на Востоке»⁵⁸. А советский писатель Ф. Попов называл Ч. Валиханова «одним из поработителей казахского народа»⁵⁹. Исследования Х. Айда-

---

⁵⁴ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 225.

⁵⁵ Г. И. Потанин в Н. М. Ядрищев (некролог). «Этнографическое обозрение», 1894, № 4, стр. 175.

⁵⁶ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 232.

⁵⁷ Там же, стр. 190.

⁵⁸ С. Садвокасов. Год работы казахского педагогического института, 1928, стр. 27.

⁵⁹ «Антирелигиозник», 1941, № 2, стр. 23.

ровой⁶⁰ и К. Бейсембиева⁶¹ несколько рассеяли эти недоразумения, хотя по ряду вопросов в них нет еще достаточной ясности.

Те, кто обвинял Ч. Валиханова в приверженности к колонизаторской политике царизма, ссылались при этом на такие факты, как участие его в военных действиях отряда генерала Черняева, взявшего г. Аулие-Ата, участие в мероприятиях по присоединению ряда областей Киргизии к России, его поездку в Кашгарию по заданию правительства, связи с генералом Колпаковским и др. В исследованиях советских ученых по-разному описываются и оцениваются эти факты, и суть их остается неясной.

В отношении Ч. Валиханова к России следует выделять два момента: с одной стороны, он во всем объеме понимал прогрессивную роль России в судьбах народов Средней Азии и Казахстана, многие из которых в то время жили в условиях крайней отсталости, невежества, изоляции и религиозного фанатизма, в стороне от столбовой дороги цивилизации. Вырвать эти народы из когтей «туземных владельцев», также отсталых, но беспредельно алчных, и из-под «религиозного развращения» ислама он считал неременной задачей, которую следует решить путем присоединения этих народов к России. Убеденный в этом, Ч. Валиханов лично ведет работу среди этих народов, склоняя их на сторону России. Когда не удается приобщить их к России мирными методами, он не возражает и против военных походов, но рекомендует соответствующим правительственным органам и чиновникам проводить эти мероприятия в пределах гуманности и человеческого отношения. Видя несправедливость, он выражает возмущение и порою отказывается быть участником злодеяний против малых народов. С другой стороны, он был критиком и противником самодержавного строя в России, колонизаторской политики царизма на окраинах и вместе со всеми передовыми людьми жаждал падения русского «богдыхана». Такой взгляд, однако, не мешал ему быть русским патриотом, другом России Герцена, Белинского и Чернышевского.

⁶⁰ Х. Айдарова. Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1945.

⁶¹ К. Бейсембиев. Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века. Алма-Ата, 1957.

Смешение этих двух аспектов в политических воззрениях Чокана Валиханова может привести к серьезным ошибкам. Только разграничение их, тонкий анализ каждой из этих сторон с учетом целей и тактических приемов, к которым прибегал Ч. Валиханов, могут внести ясность и воссоздать историческую картину его поступков.

Рассмотрим, например, факт пребывания Ч. Валиханова в отряде Черняева.

В начале 1864 года в правительственных кругах царской России шла подготовка к присоединению Киргизии и южных районов Казахстана к России. При этом занятию укрепления Аулие-Ата (ныне г. Джамбул), которое находилось в руках кокандских оккупантов, отводилось особое значение. Этот план был одобрен и утвержден царем 4 февраля 1864 года⁶². Начальником экспедиционного отряда был назначен полковник М. Г. Черняев. Отряд состоял в основном из пехотных подразделений и подразделений казачьих войск Отдельного Сибирского корпуса. Для успешного продвижения отряда его начальнику было предписано мирное сношение с местным населением.

Полковник Черняев по прибытии в Омск по совету генерал-губернатора Западной Сибири Дюгамеля пригласил Ч. Валиханова принять участие в экспедиции, с чем последний согласился. Полностью о целях, которыми руководствовался при этом Ч. Валиханов, мы можем строить лишь догадки. Однако несомненным является одно: он хотел лично принять участие в изгнании кокандских владельцев из пределов Казахстана и Киргизии, приносящих огромное бедствие коренному населению, и обеспечить этим территориям покровительство России. Немаловажное значение имело и то, что отряду предписывалось «должное обращение» с пародом. Вполне вероятно, что Ч. Валиханов собирался оказывать известное влияние на Черняева и его отряд в целом в этом направлении. «Если, вследствие успеха нашего оружия, правитель Ташкента или Туркестана изъявили бы желание, — доносил Дюгамель военному министру Милютину, — отложиться от Кокана и проявит готовность сделаться как бы вассалами России, то я предложил полковнику Черняеву, не отвергая подобных предложений,

⁶² ЦГВИА, ф. 1450, оп. 2, д. 3, лл. 65, 479; ЦГВИА, ф. ВУА, 483, д. 77, лл. 28, 41.

вступить с ними в предварительные переговоры, а мис донести. Для такого рода сношений при нем будет состоять штаб-ротмистр Валиханов»⁶³. В отряде было немало казахских и киргизских джигитов, которых называли киргизской милицией.

Продвижение отряда из укрепления Верное в направлении Аулие-Аты проходило мирно и с соблюдением наставления. Киргизские роды, находившиеся в ведении манапов Жантая, Байтика и Турегельды, выразили желание быть в русском подданстве и даже предложили бесплатно доставить лес для строящегося Токмакского укрепления. Некоторые бии и маналы добровольно взяли на себя обязанность обеспечить почтовую связь и частью служили при отряде проводниками. «Достижению такого благоприятного результата наших сношений с туземцами,— доносил Черняев,— много способствовали своим знанием и усердием штаб-ротмистр Валиханов и помощник начальника Алатавского округа артиллерии поручик Медицинский, которым и принадлежит успех этого дела»⁶⁴.

Вечером 3 июня 1864 года полковник Черняев отправил посланца к аулиеатинскому беку Нияз-Али-датхе с требованием безоговорочной капитуляции, обещая безопасность жителям города и его гарнизону. На следующий день в шесть часов утра посланец возвратился в сопровождении одного аулиеатинского купца. Командант крепости просил четырнадцать дней на размышление. «Поручив состоящему при отряде штаб-ротмистру Валиханову отвечать беку, что предложенные мною условия остаются неизменными, я приказал снова открыть огонь»,— доносил Черняев⁶⁵. Скоро Аулие-Ата было занято без потерь. Таким образом, экспедиционный отряд выполнил свою первоначальную задачу. Вскоре 4-я рота 9-го батальона, 3-я временная сотня и 50 милиционеров из состава отряда генерала Черяева с пленными возвратились в укрепление Верное. С ними прибыл и Ч. Валиханов⁶⁶.

⁶³ Письмо Дюгамеля к Милютину. ГПБ им. В. И. Ленина, ф. 169, д. 63/34, л. 89.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, 483, д. 77, лл. 77, 80.

⁶⁵ Там же, лл. 91—92. Утверждение Б. Джамгерчинова о том, что Черняев послал Ч. Валиханова с требованием капитуляции к беку, не подтверждается источниками. «Присоединение Киргизии к России». М., 1959, стр. 287.

⁶⁶ ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 258, св. 13, л. 30.

Возвращение Ч. Валиханова получило в литературе различное освещение. Г. Потанин и Н. Ядринцев, самые близкие его друзья, в своих воспоминаниях указывают на определенные расхождения Ч. Валиханова с генералом Черняевым, имевшие место в бытность его в отряде. Так, Г. Потанин писал, что «при взятии Пишпека или Аулие-Аты, не помню, зверства русских войск огорчили его», а Ядринцев указывал; «Не сошлись ли эти два деятеля, или Валиханов содрогнулся и в нем запротестовало чувство в виду предстоящей борьбы в Средней Азии, остается неизвестным»⁶⁷. Такие факты вполне могли иметь место.

Гуманист Ч. Валиханов, преданный своим идеалам, не мог быть участником грабежа и зверств, если таковые действительно учинялись отрядом. Расхождения же с генералом Черняевым, если и были, то, по-видимому, были неглубокими. Генерал высоко ценил заслуги Чокана Валиханова и, представляя его к награде, писал, что он «был весьма полезен при сношении с туземцами во время движения отряда от реки Чу до Аулие-Ата, а в день 2-го июня и при штурме крепости исполнял свой долг с хладнокровием и самоотвержением. Полагаю наградить следующим чином ротмистра». 10 марта 1865 года это звание было ему присвоено⁶⁸.

Этот частный случай нахождения Ч. Валиханова в отряде генерала Черяева при грубом подходе может быть квалифицирован лишь как служба интересам царизма. Но тогда всякое занятие официальных должностей в государственном аппарате также может быть расценено как защита интересов правительства. Находясь в отряде, Чокан Валиханов преследовал свои цели, служил своим идеям: он боролся за присоединение южных районов Казахстана и Киргизии к России — к России демократической и революционной. По нашему мнению, идейный мотив для Ч. Валиханова был главным.

3. Подход к вопросу о самоуправлении

Чокан Валиханов совершенно определенно и четко выразил свое отрицательное отношение к деспотической

⁶⁷ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 29—38.

⁶⁸ ЦГВИА, ф. 4, оп. 31, д. 209, лл. 8—9, 48.

форме управления народами, клерикализму и системе самодержавного строя в России. В этой связи вполне правомерно поставить вопрос: а за какую политическую форму организации общества он стоял? Можно ответить, что он мечтал о такой политической структуре, при которой народы и области пользовались бы большей свободой, могли бы устраивать свою внутреннюю жизнь по своему усмотрению, исходя из своих интересов, т. е. за самоуправление.

В понятие «самоуправление» Чокан Валиханов и его единомышленники вкладывали революционно-демократическое содержание в отличие от буржуазных деятелей, рассматривавших его как придаток самодержавия. Это видно из того, что Ч. Валиханов самоуправление народов рассматривал в органической связи, с одной стороны, с такими политическими институтами как саморазвитие, самозащитение и самосуд народов, с другой стороны, оно выдвигалось им как противовес бюрократии, неравенству сословий и угнетению. «Для нормального роста народа,— писал он, на какой бы ступени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащитение, самоуправление и самосуд»⁶⁹.

Как и многие другие революционеры 50—60-х годов прошлого века, Чокан Валиханов не был свободен от иллюзий, что преобразования в системе управления, ведущие к установлению самоуправления общин, областей и народов, могут быть осуществлены и по инициативе царя, если удастся его в этом убедить. Однако все, кто раньше так думал, в конечном счете испытывали разочарование и приходили к выводу о необходимости опираться на собственные силы народа и защищать, отстаивать принципы саморазвития и самозащитения народных масс.

Преобразования в системе управления и политики, по мнению Чокана Валиханова, должны были удовлетворять следующим требованиям: а) соответствовать «материальным нуждам» и «национальному характеру» того общества, в пользу которого они осуществляются⁷⁰; б) они должны быть основаны «на неизбежных законах прогресса, при которых только и возможно здоровое разви-

---

⁶⁹ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 221.

⁷⁰ Там же.

тие общественного организма»⁷¹; в) предусматривать осуществление народами таких политических прерогатив, как саморазвитие, самозащиты, самоуправление и самосуд. Из этого нетрудно представить, что «реформизм» Чокана Валиханова был глубоким и революционным.

Проблема самоуправления являлась одной из центральных в политической программе русской революционной демократии. Крестьянский социализм, уничтожение продажного чиновничества, социальные равенства связывались с самоуправлением общин, областей и народов. Н. П. Огарев в 1863 году писал в «Колоколе», что «русская революция может быть только реорганизацией, т. е. мирным ли путем или бунтом пойдет Россия, но она не успокоится, пока не будут восстановлены все те элементы народного землевладения, самосуда и самоуправления... В России бунт невозможен иначе, как чтобы вместе с ним возникли и учредились народное землевладение, самосуд и самоуправление»⁷².

Революционер А. Шапов в своем гневном письме князю Вяземскому — одному из видных государственных деятелей и приближенных царя, раскрыл идею самоуправления, за которую боролись в шестидесятые годы XIX века передовые деятели России того времени, ее лучшие люди.

«Князь, — писал Шапов, — если царь страшится, не хочет страшного суда народного — ужаснейшей в свете предстоящей русской революции, — он должен сам созвать в сельских мирах сельские волостные сходы для свободного обсуждения и правильного решения вопроса сельского самоуправления, самоуправления и саморазвития. В городах городовые сходы или внегородные думы для обсуждения и устройства городского, общинного самоуправления и самосуда. Из выборных от всех областных земских советов или союзов должен быть созван общерусский великий союзный или федеральный земский совет, съезд, Собор. Предоставив областным советам и союзному федеральному Земскому собору созвать русское земское общинно-демократическое народосоветие,

---

⁷¹ Там же, стр. 198.

⁷² Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, М., 1952, стр. 641.

царь, естественно, должен отречься от самодержавия»⁷³. Можно думать, что Чокаш Валиханов, как и все сибирские патриоты, не только относились сочувственно к взглядам А. Шапова, но и разделяли их.

«Самоуправление» не было изолированным лозунгом. Оно не рассматривалось революционной демократией как абсолютная часть ее программы. Наоборот, оно мыслилось как свобода местной инициативы и власти в составе единого организма, как местная автономия в составе федерации. Герцен и Огарев, провозгласив лозунг «землю — крестьянам, волю — областям», требовали проведения бессловных выборов в Земский собор и чтобы конституция России была написана выборными от народа⁷⁴. В этом же плане говорил и Шапов о «самостоятельности и соединении областей, самостоятельно управляемых своими выборными областными думами, и о соединении областей в один общий союз (федерацию), заведываемый от всех областей выборною земскою думой»⁷⁵.

Был неправ Г. Плеханов, когда федеративные идеи Шапова он «ошибочно трактовал как возврат к феодальному дроблению»⁷⁶. Как теперь установлено советскими исследователями, А. П. Шапов первым из участников освободительного движения выдвинул лозунг созыва Земского собора не как лозунг реформы, а как лозунг революции⁷⁷. В его взгляде, может быть, немало схематизма, иллюзорных построений, это другой вопрос. Он сам говорил, что в вопросах «федерации и самоуправления мы еще молоды, малосведущи» и что у нас «мало твердой, положительной, жизненной и научной основы»⁷⁸.

Федеративные идеи Шапова хорошо были известны Ч. Валиханову и его друзьям. «Я припоминаю лекции Костомарова, — писал Н. Я. Ядринцев, — кружок Шевченко, его поэзию, лекции об областности Шапова..., по

⁷³ «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 657, 658, 662; «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1962, стр. 289.

⁷⁴ «Колокол», 1863, № 175.

⁷⁵ «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», стр. 293.

⁷⁶ «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 666 (примечание).

⁷⁷ «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», стр. 289.

⁷⁸ ГПБ им. Ленина. Рукописный фонд. Оп. 192, 7, л. 1.

ближе всего по времени и сильнее всего по влиянию были лекции Шапова»⁷⁹.

Известно, что Ч. Валиханов прогрессивное развитие Сибири и Казахстана не мыслил иначе как в составе русского государства. Он писал и говорил о том, что «мы без России пропадем». Он лично питал искреннюю и глубокую любовь к русскому народу, его передовым представителям, и это, безусловно, имело важное значение для формирования его политических взглядов, в частности по вопросу о самоуправлении Сибири с ее разноплеменным составом и Казахстана. Можно сказать, что он всю сознательную жизнь посвятил пропаганде дружбы казахского народа с русским народом, отдавал все свои силы и способности делу упрочения союза Казахстана с Россией.

Когда в начале второй половины XIX века в казахском обществе определились две политические тенденции — прорусская и антирусская, Чокан Валиханов смело разоблачал последнюю. «В настоящее время,— писал Ч. Валиханов,— происходит незаметная, но сильная борьба старины с новизной: мусульманской, подражающей Востоку, и русской»⁸⁰. В представлении правительственным органам он открыто писал, что мусульманство «грозит нам разъединением народа в будущем» и требовал от них принятия энергичных мер, чтобы воспрепятствовать его распространению в казахском обществе. «Мы должны во что бы то ни стало,— говорил Чокан Валиханов,— обойти татарский период (т. е. исламизацию общества.— *Авторы*), и правительство должно нам в этом помочь»⁸¹.

Революционное общество сибирских патриотов боролось за свободное развитие Сибири и народов, ее населяющих. В своих воззваниях они призывали к свержению династии Романовых, доказывали необходимость созыва Земского собора в России, «на котором нужды всех народов ее могли бы быть высказываемы перед русским народом, перед целым светом, и быть удовлетворяемы не по прихотям генералов и бюрократии, а по их действительной настоятельности»⁸². По их мнению, и казахи

⁷⁹ Сочинения А. П. Шапова, т. 3. СПб., 1908, стр. 85.

⁸⁰ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 192.

⁸¹ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 188.

⁸² «Колокол», 1867, 1 августа.

должны получить «свою Думу»⁸³ на основе свободного волеизъявления и объединения с народами Сибири.

Следует решительным образом отмести обвинение, приписанное царской охранкой обществу сибирских патриотов, в том, что оно якобы хотело отделить Сибирь от России. К сожалению, такой взгляд со страниц обвинительных актов царской юстиции перекочевал в труды некоторых советских исследователей⁸⁴. Поскольку этот вопрос все еще недостаточно ясен и имеет отношение к Чокану Валиханову, следует рассмотреть его несколько шире.

В руках царской охраны оказалось некое воззвание, составленное якобы сибирскими революционерами, в котором проводилась мысль об отделении Сибири от России. Это в свое время и послужило поводом для ареста сибирских патриотов. На самом деле этот «документ» был сфабрикован одним из провокаторов, оказавшимся в их кружке.

В начале 60-х годов друзья Чокана Валиханова по кружке «Сибирское землячество», возвратившись из Петербурга в свой родной край — Западную Сибирь, развернули еще более активную революционную деятельность. Они были связаны с активными членами «Земли и воли», выполняли их задания.

Так, Белоголовый, Пестерев, Павлинов, Наумов по указанию Герцена (с которым Белоголовый встретился в 1861, а Пестерев в мае 1863 года) пытались освободить Чернышевского с каторги и переправить за границу. «Пусть придет Чернышевский. Я с руками передам ему мой станок. А что, ведь от вас (т. е. из Сибири. — *Авто-ры*) уйти можно? Бакунин ушел же», — говорил Герцен сибирским патриотам⁸⁵. В ходе интенсивной подготовки

⁸³ «Сборник к 80-летию Г. И. Потанина». Томск, 1915, стр. 74.

⁸⁴ Так, К. Бойсеменов писал: «Потанин в свое время состоял в организации сибирских патриотов, находился в плену вредной, реакционной идеи «автономной Сибири», выступал за отделение ее от России» («Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века», стр. 36).

⁸⁵ Рукописный отдел ГИБ им. В. И. Ленина, ф. 22, папка 2, ед. хр. 2, лл. 3—5; «Литературное наследство», 63, 1956, стр. 337; газета «Красное знамя», 1963, № 125; Б. Г. Кубалов, А. И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958, стр. 113—117; Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., 1961, стр. 517; ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, д. 302, ч. 4, лл. 161, 208; ф. 109, д. 217, ч. 5, л. 98.

к выполнению этой задачи их постигло несчастье: они были арестованы.

III отделение давно следило за деятельностью сибирских патриотов, в среду которых проник его агент — С. С. Попов, родом из Сибири, который «был введен в кружки лиц, связанных с революционерами, своим земляком и приятелем — иркутским купцом Н. Н. Пестеревым»⁸⁵. III отделение считало заслугой С. Попова перехват им в свое время переписки Серно-Соловьевича, содержащегося в Александровском равелине, и доставку переписки из-за границы жепы Шелгунова⁸⁷. В агентурных донесениях III отделения С. Попов отмечал связи сибирских патриотов с сосланными в Сибирь польскими революционерами, называл их «сепаратистами»⁸⁸.

С провокационной целью С. Попов высылает из Петербурга Потанину, Ядринцеву, Шашкову и другим прокламацию «К сибирским патриотам», где говорилось об отделении Сибири от России. Автором этой прокламации был сам Попов⁸⁹. Выслав эту прокламацию по почте почти всем сибирским патриотам, он выехал в Сибирь, чтобы следить за их реакцией и деятельностью и доносить III отделению⁹⁰. Экземпляр прокламации, попавший в руки Ядринцева и Шашкова, был ими отредактирован, и мысль об отделении Сибири от России заменена следующими словами: «Жители России имеют уже целую организацию против правительственной партии в лице русского центрального народного комитета, поставившего своей целью всеобщее восстание для освобождения всей нашей русской империи. Мы, сибиряки, братски подаем руку российским патриотам для совокупной борьбы с нашим врагом. По окончании ее Сибирь должна будет созвать свое народное собрание, определить свои будущие отношения с Россией. Это ее неотъемлемое право»⁹¹. Сибирские революционеры стояли за федерацию, а не за сепаратизм. Сепаратизм был сфабрикован и пришит им реакцией и царской охранкой. Об этом говорилось, прав-

---

⁸⁵ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 619, л. 1; «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 748.

⁸⁷ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 619, л. 1.

⁸⁸ Там же, лл. 2—3.

⁸⁹ «Сибирская жизнь», 1914, № 40.

⁹⁰ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 619, лл. 2—3.

⁹¹ Госархив Омской обл., ф. 3, оп. 13, д. 1, лл. 19—26.

да, очень осторожно, и тогда, когда мншие ревностных защитников царизма брало верх над истиной и всякое другое толкование подавлялось⁹².

На следствии арестованные сибирские патриоты не выдали ни одного из своих членов, находившихся на свободе. Они также скрыли свое участие в «Земле и воле» и связь с другими ячейками этой организации. Они не выдали и Чокана Валиханова, который незадолго до их ареста, будучи больным, встречался с ними в Омске (к моменту ареста его уже не было в живых).

Вместе с тем сибирские патриоты не сочли пужным скрывать свою революционную деятельность. Так, Г. Н. Потанин на предложении председателя следственной комиссии Пилипо раскаться в своем «сепаратизме» ответил вопросом: «В чем ему раскаться — если в желании освободить Сибирь, то это не преступление, а результат его убеждений»⁹³. Г. Потанин в своих показаниях говорил: «Если комиссия ищет только моего обвинения, то я готов согласиться на все ее предложения; если она ищет революционных масс, то она не там их ищет. Войско очень консервативно. Революционная масса Сибири состоит из приисковых рабочих и рабочих на казенных алтайских заводах. Вот это люди, о которых следует подумать»⁹⁴. «Отделить Сибирь могли думать только сумасшедшие...», — писал Н. М. Ядринцев. — Дело было не столько в определенно задуманном намерении, сколько в обвинении, которое стремилось навязать это намерение»⁹⁵.

Характерно, что царские жандармы долго скрывали от сибирских патриотов, что они обвиняются в «сепаратизме». «Однажды во время визита в комиссию мне, — пишет Потанин, — попалась на глаза обложка этого дела. Дело было озаглавлено так: «Дело о злоумышленниках, имевших целью отделить Сибирь от России и основать в ней республику по образцу Северо-Американских

---

⁹² Госархив Иркутской области, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 50, л. 1; К. Дубровский. Рожденные в стране изгнания. Пг., 1916, стр. 249.

⁹³ А. К. Гейне. Собрание литературных трудов, т. I. СПб., 1897, стр. 213.

⁹⁴ «Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», 1924—1925 гг., вып. I, т. IV, стр. 87.

⁹⁵ М. Лемке. Н. М. Ядринцев, стр. 63; Н. М. Ядринцев. К моей автобиографии. «Русская мысль», 1904, т. VI, стр. 154.

Соединенных Штатов». Я улыбнулся и, обратясь к Пилино, председателю комиссии, сказал: «Как вы нас громко титузуете». Пилино смутился и ответил: «Нет, это временное название; оно дано, когда дело еще не выяснилось»⁹⁶. В Петербург оно было отправлено под названием: «Дело о злонамеренных действиях некоторых лиц, стремившихся к ниспровержению существующего порядка управления в Сибири»⁹⁷.

После ареста видных сибирских революционеров следственная комиссия просила петербургскую полицию разыскать там Капустина, Пантелеева, Аристову, установить над ними строгий полицейский надзор, осмотреть их бумаги и корреспонденцию и выяснить, нет ли в них следов связи с делом «сибирских сепаратистов»⁹⁸. О Пантелееве из Петербурга ответили, что он судится за революционную пропаганду полевым судом при Виленском Ордонанс Гаузе⁹⁹. На допросах Пантелеев отрицал свои связи с «сибирскими сепаратистами», но признавал, что он давал уроки Г. Потанину «для существования и больше никаких дел с сибиряками не имел»¹⁰⁰. М. Пантелеев предъявленное сибирским патриотам обвинение в стремлении отделить Сибирь от России назвал «курьезным вопросом».

О нелепости предъявленного сибирским патриотам обвинения в «сепаратизме» говорит и тот факт, что ни Потанин, ни Ядринцев, ни кто другой из арестованных не являлся автором прокламации «Патриотам Сибири». «Это воззвание было писано в Петербурге,— писал Ядринцев,— я и покойный Шашков его редактировали, настоящий же автор не был взят и скрыт в тумане, да он и не был выдающимся лицом. При следствии он сыграл бы дурную роль»¹⁰². Действительно, провокатор Попов, надеясь на то, что он еще не раз пригодится царской агентуре, продолжал разыгрывать из себя «революционера» и его нарочно оставили в стороне от дела сибирских патриотов.

⁹⁶ И. И. Попов. К 80-летию Г. Н. Потанина. «Голос минувшего», 1915, № 1, стр. 296.

⁹⁷ ЦГАИ.Л, ф. 1405, оп. 64, д. 7631.

⁹⁸ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 13, д. 5, л. 230.

⁹⁹ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 13, д. 5, лл. 235—240.

¹⁰⁰ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, д. 154, л. 19.

¹⁰¹ М. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 391.

¹⁰² Н. М. Ядринцев. К моей автобиографии, стр. 158.

Сибирские патриоты 60-х годов XIX века не имели ничего общего с сибирским областничеством начала XX века. И. И. Попов, лично знавший почти всех сибирских патриотов, писал впоследствии, что их «областничество слишком далеко от интересов многих современных областников, не желающих понять, что прогресс Сибири тесно связан с интересом всей нашей Родины»¹⁰³. Идеологи «автономной Сибири» периода гражданской войны — эсеры и другие враги советской власти извращали, чтобы использовать в своих интересах, политические взгляды сибирских патриотов, выдавая их, вопреки исторической правде, за своих идеологов. Между тем Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и другие не только не были сепаратистами, но и не видели причин быть такими. Н. М. Ядринцев даже писал, что «в целом ряде юных поколений она (т. е. власть.— *Авторы*) не найдет задатков сепаратизма»¹⁰⁴. Г. Н. Потанин, понимая всю вредность идей сепаратизма, указывал, что «если сибирская буржуазия воспользуется областнической идеей и под видом ее будет проводить свои классовые интересы, этому следует противодействовать»¹⁰⁵.

Из сказанного видно, что самоуправление общин, областей и народов, о котором мечтали сибирские революционеры, в том числе Чокан Валиханов, было органически связано с преобразованием существующего режима и строя в целом. Он, по сути дела, повторял призыв русской революционной демократии «волю провинциям» применительно к условиям Сибири и Казахстана.

Вместе с тем нельзя не отметить, что лозунг самоуправления проводился в рамках идей утопического крестьянского социализма. Поэтому ему были присущи все те основные пороки и ограниченности, которые были характерны вообще для этого учения.

4. Об организации власти и управления в Казахстане

Система местного управления в казахском обществе была довольно проста. Область сибирских казахов, ох-

¹⁰³ См. введение к книге М. Лемке «Н. М. Ядринцев». СПб., 1904, стр. 9.

¹⁰⁴ Там же, стр. 65.

¹⁰⁵ И. И. Попов. К 80-летию Г. Н. Потанина, стр. 301.

ватывавшая огромную территорию северного, восточного и центрального Казахстана, делилась на несколько округов. Во главе их стояли старшие султаны, формально избираемые на собраниях крупной знати, а фактически назначаемые колониальной администрацией. Каждый округ имел в своем составе ряд волостей, состоявших из административных аулов. Волостной управитель избирался на собраниях местной знати путем тайного голосования, а аульские старшины назначались местной царской властью, точнее — признавались ею.

Об административном устройстве населения Сибирского ведомства известное представление дают приводимые ниже данные, относящиеся к 1851 году¹⁰⁶.

Округа	Число волостей	Число адм. аулов	Число кибиток
Каркаралинский	18	146	18325
Кокчетавский	14	167	11147
Аягузский	12	118	16808
Акмолинский	20	212	15007
Баян-Аульский	14	149	11819
Кушмурунский	5	63	4885
Кокбектинский	15	106	13508
Итого	98	962	90999

На административное устройство области сильное влияние оказывало родовое деление населения. Каждый округ, в особенности каждая волость, включали в свой состав определенные родовые подразделения с их сезонными кочевьями, простирающимися иногда на сотни верст. Родовая структура с ее внутренней организацией и сложной взаимосвязью сказывалась во всем: в выделении волости в самостоятельную единицу, в избрании ее управителя и его помощника (кандидата), в самом управлении волостью, в ее отношениях с окружным приказом, а также с другими волостями.

По официальным и проверенным сведениям 1851 года, Карсон-Кирнеевская волость, входившая в Каркаралинский округ и имевшая в своем составе 9 административ-

¹⁰⁶ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2447, л. 4.

ных аулов (1191 кибитка), была составлена почти исключительно из отделений двух родов: карсон и кирней. В этой волости так называемые административные аулы за отдельными исключениями совпадали с отделениями¹⁰⁷. Так было во многих волостях. Отношения родства и связанные с этим взаимная помощь и круговая порука имели еще определенное значение и создавали впечатлительные продолжающейся патриархальщины в общественно-политических отношениях. В этих условиях и официальная власть в волости должна была быть организована с известным учетом местных особенностей. Вместе с тем эти особенности порождали серьезные конфликты между отдельными родовыми группами: борьба за власть, за фактическую гегемонию во внутриродовых и межродовых отношениях не утихла¹⁰⁸. С ослаблением связей между более крупными родовыми подразделениями, что было характерно для середины XIX века, и как следствие этого, с разрастанием отдельных мелких мирков с обособленными интересами столкновения между группами становились все более острыми и глубокими.

Однако, как бы ни были отсталы представления народа и как бы ни цеплялись члены общества за привычные им формы общежития, как бы ни облекали они свои новые отношения в старые формы, как бы ни приравнивались носители власти к местным условиям, за этими внешними наслоениями лежали более глубокие факторы — интересы классов. Невнимательный наблюдатель мог, конечно, этого не разглядеть. Но внимательному трудно было не заметить классового контраста и социальной поляризации в казахском обществе, обусловленные этим сложные отношения господства и подчинения.

Кроме признанных колониальной администрацией органов власти и управления (округ, волость, аул), параллельно с ними в казахском обществе существовали и негосударственные органы — в родах, родовых группах и в хозяйственных аулах. Первые строились по террито-

¹⁰⁷ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 2441, л. 45.

¹⁰⁸ В этой волости основная борьба за власть вначале шла между знатью отделения танабай рода карсон и отделения туйте рода кирней, которые считались, по древнему преданию, старшими в соответствующих родах и только они могли претендовать на лидерство. Управляющий волостью назначался попеременно из этих отделений.

риально-родовому принципу, вторые были связаны только с родовым делением. Первые в своей деятельности опирались на вышестоящие органы и колониальную администрацию с ее мощью, а также на часть местной знати, а вторые — на поддержку местной знати и членов управляемых групп. Первые отбирались и назначались, частью формально избирались, а вторые сами узурпировали власть. И те и другие в необходимых случаях прибегали к помощи старых институтов управления: созывали феодальные собрания, считались с мнениями совета знати, разбирали споры и тяжбы совместно с биями в окружении многочисленной толпы, только первые все меньше и меньше, а вторые относительно больше. По мере усиления влияния царского правительства все больше укреплялись введенные им органы и, наоборот, теряли свои позиции непризнанные органы в родовых группах.

Служилая знать и связанные с нею феодалы составляли ядро группы процарской ориентации. Другая часть местной знати, куда входили как те, которые сохранили в своих руках власть в родовых делениях и боролись за свои политические привилегии, так и те, которые являлись опорой этой старой системы, придерживалась в основной массе антицарской ориентации.

Родовые начальники, под напором правительственных органов и их сторонников, постепенно и неумолимо теряли почву под ногами. Чем больше они вытеснялись из сферы власти, тем старательнее они прикидывались защитниками родов, низов общества. Это создавало определенную иллюзию общности интересов местной родовой знати с рядовыми общинниками. В этой обстановке возникали как антиколониальные, так и феодально-монархические движения. Появились, с одной стороны, течения, оплакивающие прошлое, проповедующие возврат к нему; с другой стороны, — демократические течения, призывающие к дружбе и совместной борьбе с русским и другими народами.

Все эти черпачетии политического развития казахского общества проходили перед глазами Чокана Валиханова. Он находился в гуще событий, сам принимал в них активное участие. Внимательно наблюдая общественно-политические отношения казахов, он смог подняться выше предрассудков семьи, окружения и даже своей эпохи и

проинквенонно обозреть происходящее в казахском обществе, охватить главное.

Можно смело утверждать, что никто из казахских гуманистов и демократов до Чокана Валиханова не понимал так глубоко экономическую и социальную природу власти и системы управления в Казахстане, как он. В этом проявились его прозорливость и политическое чутье передового деятеля, сочетавшего в себе радикальное и революционное мышление 50—60-х годов XIX века в России и органическую близость к местной системе власти.

Чокан Валиханов еще подростком начал размышлять над серьезными социально-политическими темами. Порою он делал удивительные по глубине наблюдения. Он видел и понимал, что в казахском обществе, как бы в нем ни были значительны остатки патриархальных отношений, сильные господствуют над слабыми, беззащитными и что последние зависимы от первых. В начале пятидесятых годов Ч. Валиханов в письме проф. Березину, давая расшифровку и толкование некоторым выражениям Токтамыш-Хана, между прочим, утвердительно заметил, что «в таком народе, как наш *قزاق* (казах), где господствовало право сильного (курсив наш. — Авторы), безродные, бессильные люди не могли иметь самостоятельности и делались рабами султана и бия»¹⁰⁹. Более чем десять лет спустя, развивая и конкретизируя эту мысль в связи с критикой деятельности комитета по подготовке преобразования в казахской степи, он писал, что этот комитет «основал свой вывод на одних «народных мнениях», собранных от «знатных» киргиз¹¹⁰, тогда как «интересы знатных и богатых людей большей частью враждебны интересам массы, большинства»¹¹¹.

Между тем власть и управление в степи находились в руках этих же господствующих классов. Структура органов управления, принципы их работы и связи в округах, волостях и аулах были подчинены тому, чтобы лучшим образом служить и обеспечивать интересы господствующих социальных групп. По словам Ч. Валиханова, посетителя местной власти, несмотря на наличие некоторых

¹⁰⁹ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. 1, стр. 127.

¹¹⁰ Там же, стр. 497.

¹¹¹ Там же, стр. 495.

трений между отдельными их представителями, были единодушны в главном. В конце концов их междоусобное внутреннее дело, как писал он, «улаживалось таким образом, что они не могли мешать управителям, управители — биям, а управители-бии — султанам. Почетные ордынцы — нечиновники были на все согласны, ибо для них, для будущих кандидатов на все эти должности, того и нужно было, чтобы степные власти не мешали друг другу эксплуатировать простой народ»¹¹². Такое высказывание, насыщенное социально-политическим обобщением, делало честь передовому представителю отсталого казахского общества.

Родственные отношения с султаном Тезеком, управляющим албан-субановскими родами в Старшем жузе¹¹³, у которого долгое время после возвращения из Петербурга жил Чокан Валиханов, не помешали ему критически оценить власть этого султана. В одном из своих писем генералу Колпаковскому он писал, что этот степной аристократ «управляет только своими туленгутами, которых очень много, и управляет ими, как плантатор неграми»¹¹⁴. Неудивительно, что Ч. Валиханов и его родственники не могли найти общего языка. «Особенно дороги стали мне мои петербургские друзья теперь, — писал Ч. Валиханов Майкову в 1862 году, — когда я живу в степи, хотя среди родных и окруженный милыми земляками, но раздвоенный с ними чем-то недолимым, как я ни стараюсь с ними сблизиться, но все как-то не удается. Иногда все идет хорошо, но как только дело доходит до убеждений, до серьезных разговоров — мы начинаем расходиться»¹¹⁵.

Подобные отношения Ч. Валиханова с отдельными представителями местной власти не были чем-то случайным, они определялись его убеждениями, его передовыми взглядами на социальные отношения. «С местными султанами и богачами из черной кости, — писал он, — я также не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами, которые теперь хотя и освобождены, но живут у них, не зная, как уйти. Я требовал не раз, чтобы

¹¹² Там же, стр. 502—503.

¹¹³ Старший жуз присоединился к России к середине XIX века. Султан Тезек, по данным 1864 года, имел при себе 750 кибиток туленгутов, т. е. зависимых во всех отношениях работников-дружинников. (ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 562, л. 169).

¹¹⁴ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 588—589.

¹¹⁵ Там же, стр. 566.

они платили им жалование и чтобы обращались, как с человеком, в противном случае грозил законом»¹¹⁶. Интересно, что А. Х. Маргулан обнаружил в делах Ч. Валиханова письмо невольников, адресованное ему.

Как мы отмечали прежде, Чокан Валиханов был деятельной натурой. Он не только мечтал, но и действовал в соответствии со своими убеждениями. Видя злоупотребления и произвол в системе местной власти и управления, антинародную деятельность этих органов, чувствуя «беспредачное раздражение от киргизских несообразностей», он одно время решается занять должность управляющего округом (старшего султана). Известно, что из этой в моральном отношении бесценной, а практически несбыточной затеи ничего не вышло. Власти ему просто не позволили занять эту должность.

Чокан Валиханов считал, что любая власть, независимо от того, связана ли она с официальной политикой царского правительства или нет, вредна и с нею следует бороться, если она деспотична и антинародна. Известно, как он обрушивался на царских наместников в степи за их пренебрежение к интересам масс, алчность и произвол. С немалым упорством он разоблачал так называемое «народное родовое управление», не тронутое или слабо тронутое влиянием колониальных органов. В этом отношении особенно характерно письмо Чокана Валиханова от 14 декабря 1864 года начальнику Алатанского округа генералу Колпаковскому, с которым он находился в дружественных отношениях.

В этом письме Валиханов, говоря о крупном родовом поколении джалаир, писал, что «между джалаирскими родоуправителями существует круговая порука, чтобы грабить народ». В целом, по его мнению, «родовое народное управление орды представляет ужасный хаос и крайнее безобразие»¹¹⁷. Он просил генерала Колпаковского предпринять шаги в интересах смягчения тяжелого положения простого народа. Весьма интересна его мотивировка, почему нужно ограничить власть местных владельцев. Он доказывал, что «можно положить конец их самоуправству и произволу и дать почувствовать им, что они не владельцы, а чиновники и что правительству ну-

¹¹⁶ Там же, стр. 568.

¹¹⁷ Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 588, 589.

жен народ, а не султаны, ибо математически 100—вернее, полезнее, чем 10»¹¹⁸.

Совершенно ясно, что здесь Чокан Валиханов излагает свою идею, придав ей окраску пристрастности правительственного чиновника. Вряд ли можно было сказать иначе в официальном донесении. Ч. Валиханов прекрасно, конечно, знал цену своему выражению «правительству нужен народ» и какое это произведет впечатление на такого высокопоставленного царского деятеля, как генерал Колпаковский. В конце письма он отметил: «Прошу у Вашего превосходительства снисхождения, что я решился написать о том, о чем Вы меня не просили. Как киргиз, я не мог удержаться, чтобы не сказать несколько слов относительно моих страждущих земляков»¹¹⁹.

А как представлял себе Чокан Валиханов политическое развитие казахского общества? Мы уже имели возможность рассмотреть в предыдущих главах и параграфах его взгляды на формы управления народами вообще. Он стоял за самоуправление и самосуд, с тем чтобы обеспечивались интересы всего народа, а не отдельных сословий. Он не стремился к новым построениям или изысканию доселе неизвестных форм управления. Он стоял в принципе за выборность местных органов власти, вносил предложения ввести ее среди казахов Оренбургского ведомства и Большой орды, возмущался подкупом и шапгажом во время выборов в Средней орде, хотя и не знал, как обеспечить подлинные выборы в органы власти.

Он стоял за «суд биев в древней форме», т. е. за такую судебную систему, в которой судьи избирались бы самими тяжущимися и были бы свободны от влияния, как выражался Ч. Валиханов, «киргизских чиновников и богатых табуновладельцев». В своей «Записке о судебной реформе» он писал, что «преимущество имеет суд биев и в том отношении, что он редко бывает единоличен; в нем допускается безграничная публичность, а иногда и нечто вроде участия присяжных; решения его подлежат обжалованию»¹²⁰. Вместе с тем он отмечал, что правосудие теперь сплошь и рядом захватывается

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же, стр. 590.

¹²⁰ Там же, стр. 219.

«при помощи денежных сделок и разных низких интриг» богачами и торговой знатью. А в Большой орде «суд биев не существует, дела решаются по капризу властей»¹²¹. Он рекомендовал правительственным органам до поры до времени сохранить «суд биев в древней форме», «ослабить аристократический элемент и поднять и дать значение суду биев». Как видно из этого, и в вопросе суда Ч. Валиханов не изобретал новых форм. Он предлагал старую, известную форму, когда-то приобретенную положительную славу, наполнить новым содержанием. Он не заметил и не учел того обстоятельства, что эта старая форма — суд биев — успела уже к этому времени превратиться в свою противоположность. В оценке Ч. Валихановым суда биев проявилась еще одна черта тогдашних передовых деятелей, в том числе и революционеров, — наивность и утопичность их многих взглядов.

Чем собственно Ч. Валиханов отличается от ряда деятелей — гуманистов, просветителей и либеральных реформистов? Могут утверждать, что он, как и эти деятели, стоял за некоторое улучшение и обновление фасада существующей в то время системы. Разве не об этом говорит его стремление утвердить «суд биев в древней форме», ввести выборность в местных органах власти, восхваление ясака в ведомстве оренбургских казахов и поношение на его фоне кибиточного сбора в области сибирских казахов. Да, в такой форме мог ставить вопрос любой другой более или менее либеральный и демократический деятель. Если рассматривать все эти шаги Чокана Валиханова изолированно от его политического мировоззрения в целом или если посчитать эти его действия за конечные цели, то нельзя не согласиться с подобным мнением. Однако самое ближайшее рассмотрение мотивов его действий убеждает нас в том, что он вовсе не видел в этих отдельных предложениях основную цель своей борьбы, его идейные стремления далеко и далеко не ограничивались рамками этих требований. Они не определяли его отношения к политической организации казахского общества. Скорее всего это были частности, отражающие определенный этап развития его мировоззрения.

Внося предложения в правительственные органы от-

---

¹²¹ Там же, стр. 539.

нительно улучшения системы управления казахской степью, Чокан Валиханов, с одной стороны, учитывал реальные условия существования казахского общества, а с другой стороны, говорил лишь о вещах и явлениях, которые могли в какой-то мере заинтересовать органы колониальной администрации. При этом он вносил такие предложения, выполнение которых было возможно в те годы и в тех условиях. Было бы неправильным выдавать эти требования Чокана Валиханова за его политическую программу. Если говорить о цели его политической борьбы, то он мечтал об обновлении и преобразовании общества с тем, чтобы в нем не было неравенства и угнетения, насилия и несправедливости, бюрократии и феодальных владельцев. Это был социализм Чокана Валиханова.]

Официальные рекомендации и требования Ч. Валиханова в части свободы действия «судов биев в древней форме», введение выборности в органах управления, изменения системы налогов и т. д. имели промежуточный, тактический характер. Это был своего рода протест. Он понимал, что вряд ли добьется удовлетворения правительством своих требований. «Конечно, правительство наше никогда не согласится отдать суду биев те преступления и проступки, которые были судимы до сих пор по русским уголовным законам и составляли предмет особенного правительственного наблюдения»¹²², — писал он. И «протестовать следует, хоть и толку из того никакого не выйдет»¹²³.

Казахская действительность была слишком тесна для такой фигуры, как Чокан Валиханов. Он не всегда встречал понимание даже у близких и товарищей. Это наводило его на размышления и создавало чувство одиночества. В последние годы жизни он говорил, что чувствует себя очень плохо как физически, так и нравственно, имея в виду социальную-политическую обстановку в казахском обществе, которое постоянно раздражало его. «Впечатление от всего этого делается тем болсе невыносимым, — писал он, — что не видишь надежды, вернее, луча надежды — когда-нибудь освободиться от гнета окружающей пустоты»¹²⁴. Мы можем теперь понять, как сложно и трудно было в отсталом казахском обществе Ч. Валиханову, чьи убеждения намного опережали его эпоху.

¹²² Ч. В а л и х а н о в. Избранные произведения, стр. 221.

¹²³ Там же, стр. 568.

¹²⁴ Там же, стр. 562.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как ученый и общественный деятель, как гражданин и патриот, как обличитель пороков современного строя Чокан Валиханов дорог как казахскому, так и русскому народу. Сам он считал Россию родиной, а казахскую степь — матерью. Его любовь к своему народу была неотделима от любви к русскому народу. Его мысль была тесно связана с передовой общественной мыслью России, его борьба была частью борьбы прогрессивных деятелей того времени. Он не представлял лучшую будущность казахского общества вне России, без ее народа. В этом сказались широта его взглядов и мудрая прозорливость, в этом его сила..

Политическое лицо Ч. Валиханова, как и всякого деятеля, оформилось не сразу. Это и понятно, если иметь в виду, что область политики — наиболее запутанная и сложная область взаимоотношений, доступная в то время лишь «избранникам» и весьма скрупулезно оберегаемая господствующим классом. Более того, ее понимание требует серьезной и всесторонней подготовки.

Нельзя думать, что Ч. Валиханов в вопросах «большой» политики шел прямой дорогой. К тем взглядам, которые были характерны для периода его наивысшей зрелости и которые считались радикальными в ту историческую эпоху, он пришел от простого желания служить Родине, народу, от ограниченных «народных» идей.

Политические взгляды Валиханова развивались, во-первых, под непосредственным воздействием передовых и в первую очередь революционно-демократических идей в России середины XIX века, в результате личного общес-

ния Ч. Валиханова с видными представителями русского освободительного движения; во-вторых, вследствие критической оценки им политики самодержавия, что постепенно привело его к ясному пониманию природы политической организации Российской империи; в-третьих, вследствие его ориентации на массы, на народ и стремления учитывать в своей деятельности интересы народных масс, их демократические и социалистические идеалы. Все эти моменты неразрывно связаны, взаимообусловлены и в совокупности определяют собой политическое мировоззрение Ч. Ч. Валиханова.

Социалистические идеи русской революционной демократии были убеждением Ч. Валиханова, их революционные призывы он воспринимал сознательно и творчески. Он старался выработать применительно к конкретным условиям местности свою «теорию» и формы борьбы, исходя из ее идеалов. В этом он иногда преуспевал, иногда терпел неудачи, но всегда оставался верным своим политическим убеждениям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I. Особенности политического развития России и Казахстана в 30—60-х годах XIX века.</i>	30
1. Внутриполитическое положение России	30
2. Казахстан — отсталая колония Российской империи	42
<i>Глава II. Основные этапы формирования Ч. Валиханова как общественно-политического деятеля</i>	55
1. Годы учебы	55
2. Ставовление политических взглядов	62
3. Переход на путь русской революционной демократии	108
4. Последние годы жизни	150
<i>Глава III. Иден общественного обновления во взглядах Чокана Валиханова</i>	164
1. Социализм и община в представлениях Ч. Валиханова, его друзей и единомышленников	164
2. О проблеме самозащиты народа	180
3. Обновление России и дружба с русским народом — основа освобождения национальностей.	190
4. Ч. Валиханов и общественные течения.	199
<i>Глава IV. Чокан Валиханов о политической организации общества</i>	207
1. Суждения о формах управления и о самодержавном строе	207
2. О колониальной политике и администрации	218
3. Подход к вопросу о самоуправлении	228
4. Об организации власти и управления в Казахстане	237
Заключение	247

Зиманов Салык Зиманович, Атишев Арыстанбек Атишевич

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Редакторы *М. А. Шушлова, Н. И. Колтоцкий*

Худ. редактор *И. Д. Сущих*

Тех. редактор *П. Ф. Алферова*

Корректор *И. Л. Золотарева*

Обложка художника *С. С. Слабостицкого*

* * *

Сдано в набор 2/VII 1965 г. Подписано к печати 16/IX 1965 г.
Формат 84×108^{1/32}. Физ. л. 15,63. Усл. печ. л. 12,8. Уч.-изд. л. 14,25.

Тираж 1270. УГ07600. Цена 1 руб.

* * *

Типография издательства «Наука», г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.
Зак. 156.